КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАЗВАНІЯХЪ РОДСТВА

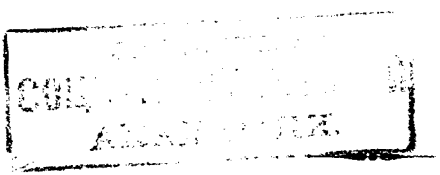
У

СЛАВЯНЪ.

П. ЛАВРОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XIIIму ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 2.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10 іюля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ НАЗВАНІЯХЪ РОДСТВА У СЛАВЯНЪ.

П. ЛАВРОВСКАГО.

Читано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности 26 Января и 3 Февраля 1867 года.

Въ ряду выраженій, опредѣленіе понятій которыхъ сопровождается особенно богатыми результатами въ сравнительномъ языкознаніи, безспорно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ термины родства. Отмѣтить по возможности полное количество ихъ и указать на коренное ихъ значеніе, подъ руководствомъ строгихъ и точныхъ правилъ современной науки языкознанія, тоже самое, что опредѣлить первобытную, по крайней мѣрѣ, основную идею, какую соединялъ древнѣйшій человѣкъ съ разными степенями родственности, а такое опредѣленіе само въ себѣ должно уже заключать и данныя о взглядѣ его вообще на связь родственную. Этотъ же выводъ, въ свою очередь, не можетъ не разъяснить передъ нами значенія и свойствъ первоначальной семьи, изъ которой, сообразно съ тѣмъ или инымъ характеромъ ея, развились такія или иныя родовыя отношенія, только сравнительно позднѣйшими уже своими проявленіями входящія въ собственно такъ называемую исторію.

Понятно послѣ этого, почему и новѣйшіе ученые филологи въ изслѣдованіяхъ своихъ не забывали терминовъ родства, почему и историки позднѣйшіе не уклоняются отъ пользованія результатами такихъ изслѣдованій.

Такъ какъ славянскій народъ составляетъ самостоятельную часть племени арійскаго и какъ славянскій языкъ довольно давно

принятъ въ пособіе и западными учеными въ ихъ сравнительно-лингвистическихъ изысканіяхъ, то не удивительно, что многія и изъ славянскихъ выраженій родства получили уже надлежащее объясненіе. Но это касается исключительно выраженій общихъ съ другими индо-европейскими народами. Между тѣмъ у Славянъ успѣлъ образоваться еще въ доисторическую пору значительный запасъ особыхъ терминовъ, которые должны обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, что въ нихъ можетъ по преимуществу высказаться и особенность семейнаго и родоваго быта и своебытность взгляда на разнообразіе родственныхъ отношеній. Обильная масса словъ съ поразительно заботливымъ опредѣленіемъ отдѣльныхъ членовъ самыхъ отдаленныхъ степеней родства служитъ лучшимъ доказательствомъ бытовой важности родственныхъ связей у Славянъ.

Предлагая въ настоящее время собраніе подобныхъ терминовъ съ посильнымъ объясненіемъ ихъ, я считаю не лишнимъ захватить и тѣ выраженія, значеніе которыхъ давно обслѣдовано и уяснено. Дѣлаю это, во первыхъ, для того, чтобы родственная терминологія Славянъ представляла по возможности нѣчто цѣльное, во вторыхъ потому, что не всѣ термины и ближайшаго и общаго родства попали въ изслѣдованія западныхъ ученыхъ, наконецъ, въ послѣднихъ до того разбросаны свѣдѣнія и часто такъ не согласны выводы, что сведеніе ихъ въ одно цѣлое нельзя не признать удобнымъ.

Отъ какихъ либо общихъ выводовъ я удерживался, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для объективной ихъ истины требуется весьма много условій, выходящихъ далеко за границы исключительной лингвистики; тѣмъ не менѣе, я считалъ не лишними частныя замѣчанія, какія, казалось, вытекали необходимо изъ подробнаго объясненія отдѣльныхъ словъ. Подобныя замѣчанія, хотя и носятъ на себѣ не рѣдко характеръ субъективности, не всегда однакоже лишены значенія по крайней мѣрѣ матеріала при общихъ выводахъ. На этомъ основаніи, и въ способѣ изложенія я не только не чуждался указаній историческихъ, а напротивъ хватался за каждое свидѣтельство, какое только удавалось подмѣтить мнѣ, и сопоставлялъ его объясненіямъ лингвистическимъ. Такое направленіе казалось не неважнымъ въ томъ отно-

шеніи, что посредствомъ его можно бы легко опредѣлить постепенное ослабленіе родовыхъ связей чрезъ запираніе и окончательное исчезновеніе изъ жизни терминовъ родства. Къ сожалѣнію, отсутствіе подробнаго словаря, который бы обнималъ выраженія древней и старой письменности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дѣлаетъ желательную полноту въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможною. Потому же самому я прибѣгалъ кое-когда и къ народной словесности, съ одной стороны способной до нѣкоторой степени очертить объемъ семьи или народа въ настоящій моментъ, съ другой — своими эпитетами и объяснительными выраженіями часто опредѣляющей первобытный или коренной смыслъ забытаго въ основномъ своемъ значеніи родственнаго термина.

Родство у Славянъ рѣзко распадается на два вида: 1) родство кровное, въ тѣсномъ смыслѣ *родство*, въ основаніи котораго лежитъ связь посредствомъ рожденія отъ одной первоначальной четы; 2) родство свойственное или *свойство*, образуемое посредствомъ брака членовъ двухъ отдѣльныхъ, чужихъ семей. Языкъ славянскій явственно отдѣляетъ это различіе какъ значеніемъ, такъ и происхожденіемъ самыхъ названій, и не только при общемъ опредѣленіи родства, но и въ частныхъ обозначеніяхъ отдѣльныхъ членовъ.

Разсмотримъ прежде первый видъ родства и начнемъ съ терминовъ *мужъ* и *жена*, составляющихъ основу послѣдующей семьи и многочисленнаго рода.

I. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ КРОВНАГО РОДСТВА, ВЪ НИСХОДЯЩЕЙ И ВОСХОДЯЩЕЙ ЛИНІЯХЪ.

Мужъ, ст. слав. мѫжь приравнивается Шимкевичемъ (1) къ скр. мануджа; къ тому же склоняется и Шлейхеръ (2): «мѫжь homo, wol auss skr. manuǵa (mann geborner)», не отвергая, впрочемъ, возможности и самостоятельнаго славянскаго образованія отъ корня man (-слав. мьн.), при посредствѣ гортаннаго окончанія. Что касается перваго мнѣнія Шлейхера, то нельзя не замѣтить, что въ словѣ мѫжь не видно ни малѣйшаго признака сложности, подобно слову manuǵa, явившемуся въ санскритѣ изъ господ-

ствовавшаго миѳа о рожденіи человѣчества послѣ всемірнаго потопа отъ Ману, спасеннаго за высокорелигіозную жизнь. Отсюда человѣкъ-manúga т. е. рожденный отъ Ману. Самое опущеніе звука *у* послѣ *н* едва-ли не способно говорить противъ тожества слав. мѫжь съ скр. manúga. Миклошичъ (3) производитъ слово мѫжь непосредственно отъ корня мьн (-скр. man-думать, мыслить), съ гортаннымъ усиленіемъ г, сближая, такимъ образомъ, слав. мѫжь съ готскимъ manna, съ нѣм. mann.

Не имѣя ничего противъ формальной стороны такого производства, остановимъ свое вниманіе на смыслѣ, придававшемся и придающемся слову мужъ въ степеняхъ возраста человѣческаго: здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, въ слѣдствіе чего образовались и слова мужество, мужественный, мужаться и т. п. Самое слово мужъ употреблялось, а частію употребляется и теперь, какъ синонимъ человѣка крѣпкаго, сильнаго; возмужалый — тотъ, кто достигъ до извѣстной степени возраста, неразлучнаго съ физическою крѣпостью человѣка. Въ опредѣленіяхъ послѣдовательнаго возраста человѣческаго, какъ предлагаются они въ старинныхъ памятникахъ, мужъ занимаетъ мѣсто самаго зрѣлаго, самаго цвѣтущаго возраста, именно время отъ 29 до 35 года (4).

Казалось бы, послѣ этого, и въ корнѣ сущ. мужъ можно ожидать основнаго значенія силы, крѣпости, подобно латинскому vir, тожественному по значенію съ слав. мужъ и объясняемому скр. глаголомъ vîr — быть сильнымъ, крѣпкимъ, откуда существ. vîrah — герой. Не удобнѣе ли сопоставить и слав. мужь съ глагольнымъ корнемъ mâh, въ значеніи расти, быть сильнымъ (crescere, potentem esse). Боппъ (5) сравниваетъ съ нимъ готск. mag, нынѣшнее нѣм. mögen, и существ. mahst, а также и слав. могу, мошти. Образованіе изъ корня mâh существительнаго мѫжь не противорѣчитъ звуковымъ законамъ слав. языка, требующаго перехода г въ ж передъ темою на ja: изъ мѫг (-mâh) произошло мѫжь-мѫгja, какъ изъ бог образовалось прилагательное божь посредствомъ богja. Опущеніе носоваго звука въ глаголѣ могу и удержаніе его въ существ. мѫжь, при одинаковости корня, могло бы найти оправданіе и въ томъ, что въ самомъ санскритѣ употребительны обѣ формы mâh и mah.

Переходъ отъ кореннаго значенія расти къ силѣ, господству и къ возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, объясняется и оправдывается другимъ скр. глаголомъ vṛdh, прежде всего съ значеніемъ crescere, потомъ augere; и какъ въ языкахъ родственныхъ удержалось въ развившихся изъ этого корня словахъ понятіе власти, господства (какъ въ готск. и слав. valda, влада), такъ въ самомъ санскритѣ выразился въ словѣ vṛddha переходъ понятія расти къ возрасту: vṛddha означаетъ возмужалаго человѣка, старца, adultus, senex. Не забудемъ, что съ понятіемъ старца въ древнее время не только не соединялось идеи слабости, дряхлости, а, напротивъ, выражалась мысль объ установившейся, о возросшей крѣпости и мужествѣ. Въ скр. словѣ sthavira, при общемъ значеніи устойчивый, твердый (stabilis, firmus), находимъ и значеніе старика, senex. Такимъ почитался и у Римлянъ senex; таково было значеніе и седьмой степени возраста у Славянъ, старчества, не переходившаго за 56-й годъ отъ рожденія, какъ видѣли выше (6).

При подобномъ взглядѣ на происхожденіе и основное значеніе слова мужъ было бы понятно, почему оно у Славянъ не замѣтно въ общемъ значеніи человѣкъ, какъ это было съ словомъ manuǵa, или что встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ mensch, а выражало и выражаетъ собою только людей извѣстнаго положенія, именно свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда воиновъ. Въ такомъ смыслѣ весьма обыкновенно встрѣчается оно и въ древней письменности, и не только русской, но и вообще славянской. Для примѣра укажу нѣсколько случаевъ: «и нача (Ростиславъ) думати съ Святославомъ и съ Мьстиславомъ... и съ мужи своими, хотя поити Чернигову»; для заключенія договора съ Греками, «посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники»,— здѣсь, очевидно, послѣдніе сопоставляются съ мужами Игоря; «начаша праздновати всимь новымъ городомъ вси мужи новгородци», — и тутъ мужи не то, что люди. Забой, задумавши освободить Чеховъ отъ ига нѣмецкаго, bystro spěchaše ot muže k mužu, ot silna k silnu, po všickej vlasti, гдѣ мужъ, конечно, употребленъ въ смыслѣ сильнаго, вліятельнаго, и едва-ли выраженіе ot silna k silnu не справедливѣе понимать въ смыслѣ обычной въ поэзіи славянской

тавтологіи; въ такомъ лишь значеніи является и слѣдующее обращеніе Забоя, когда высказываетъ онъ планъ своего заговора: mužie bratrských srdec i jiskerných zrakóv! Юнгманъ предлагаетъ въ своемъ словарѣ не одинъ примѣръ синонимичности словъ мужъ и воинъ (7). И до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи подъ именемъ мужа понимается староста, а глаголъ мужевать въ великорусской народной поэзіи употребляется въ значеніи разсуждать, размышлять: «и мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ».

Но какъ латинское vir отъ общаго понятія перешло къ частному, къ обозначенію супруга, какъ homo во французскомъ l'homme стало обозначать и человѣка вообще и супруга въ частности, или какъ малороссіянка называетъ своего мужа чоловикомъ, такъ и въ языкѣ славянскомъ слово мужъ получило частный смыслъ супруга. Это перенесеніе значенія способно еще больше подкрѣпить коренной смыслъ существ. мужъ, какъ человѣка взрослаго и, по отношенію къ женѣ, сильнаго, господина.

Вмѣстѣ съ существительнымъ мужъ употребляется и слово супругъ. Послѣдній терминъ кажется намъ гораздо древнѣе уже потому, что болѣе вещественъ, матеріаленъ, обозначая и въ историческую пору пару воловъ, соединенныхъ, сопряженныхъ однимъ ярмомъ (8). Конечно, пріуроченіе понятія связи отъ животныхъ къ супружеской четѣ между людьми могло совершиться и позднѣе, въ историческое время, даже въ періодъ христіанства; но несомнѣнность брака у Славянъ въ язычествѣ, при употребленіи слова супругъ съ его производными примѣнительно къ человѣку уже въ древнихъ памятникахъ старославянскихъ, говоритъ скорѣе въ пользу господства этого выраженія за долго до христіанства. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что слова супругъ и супруга остались чуть-ли не исключительно у Славянъ русскихъ, будучи вовсе неизвѣстны въ примѣненіи къ мужу и женѣ у другихъ Славянъ. Но идея вещественной связи, по крайней мѣрѣ въ понятіи жены, предлагаетъ примѣры и въ языкѣ иныхъ народовъ: вспомнимъ латинскія conjunx и uxor отъ jungere, скр. jug (-соединять); въ нарѣчіи Ведъ jošâ, jošit, jošana (женщина, жена) отъ корня ju, съ тѣмъ же значеніемъ соединять, откуда и сложное сущ. скр. gôjuga, готск. gajuk (ярмо, пара воловъ) вполнѣ равносильное слав. сѫпрѫгъ.

Но въ языкахъ индоевропейскихъ, въ понятіи супруги, жены, гораздо извѣстнѣе, распространеннѣе и общѣе другая идея, идея рожденія. Происхожденіе самаго славянскаго слова жена давно уже опредѣлено положительно отъ корня gan, откуда скр. ǵan, греч. γεν-νάω, лат. gi-gno, и т. д., всѣ съ значеніемъ рождать. Отсюда, для обозначенія существа раждающаго образовались термины: скр. ǵanî или несклоняемое ǵan, греч. γυνή, слав. жена, прус. литов. ganna, готск. kuni и т. д. Такимъ образомъ, коренное понятіе жены есть раждающая и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ необходимое условіе произведенія дѣтей: образованія семьи. На основаніи этого-то условія находимъ въ старой Руси и названіе жены семьей, семьишкой. Такъ въ письмѣ одной женщины къ своему мужу читаемъ: «государю моему Петру Ѳеанасьевичу семъишка твоя, Марьица, челомъ біетъ», хотя у нея, какъ видно изъ письма, и нѣтъ дѣтей вовсе (9). Замѣчательно, что нѣсколько подобный же переходъ значенія находимъ и въ скр. словѣ griha, которое съ понятіемъ дома, жилища соединяетъ и понятіе жены. Идея рожденія выразилась и въ скр. словѣ для женщины — strî, по мнѣнію Потта происходящемъ отъ su (generare, рождать) (10).

Конечно, при господствѣ участія въ образованіи языка впечатлительности человѣка отъ качества предмета или такого—иного проявленія его въ жизни, народъ не могъ ограничиться однимъ выраженіемъ и въ настоящемъ случаѣ. И въ славянскомъ языкѣ находимъ мы нѣсколько, восходящихъ къ глубокой, языческой старинѣ и своимъ образованіемъ иногда свидѣтельствующихъ о самомъ способѣ бракѣ у Славянъ. Христіанство, говоря вообще, отвергло такіе термины, по крайней мѣрѣ низвело ихъ къ значенію незаконныхъ женъ, наложницъ, часто просто къ значенію распутныхъ существъ. Но не разомъ могло совершиться такое превращеніе; и въ этой маленькой сферѣ тоже была своего рода борьба, поддерживавшая прежнее значеніе языческихъ терминовъ и въ позднюю пору исторіи, сберегшая его для нѣкоторыхъ словъ у нѣкоторыхъ поколѣній славянскихъ до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ выраженій встрѣчаемъ: ведомая, веденица, ведовица, водимая, хоть, женима. Что касается до словъ, происходящихъ отъ вести, водить, то отдаленная древность

ихъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуется самымъ способомъ брака у Славянъ язычниковъ, совершавшагося посредствомъ увода дѣвицъ, какъ говорятъ объ этомъ не только древніе памятники русскіе, но и продолжающійся обычай доселѣ у нѣкоторыхъ раскольниковъ и у Сербовъ, даже православныхъ. Но уже съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ первыхъ памятникахъ письменности церковно-славянской, выраженія веденица, ведовица [11] употребляются или по отношенію къ язычникамъ, или въ случаяхъ многоженства, разумѣется, незаконнаго въ глазахъ христіанина. Такъ: «бысть ѥмоу жень ведениць седмь сьть», но тутъ же находимъ и прибавленіе: «хотии триста», что очевидно доказываетъ, что взглядъ на бо́льшую законность веденицъ, сравнительно съ обыкновенными наложницами, еще продолжался. Это различіе существовало и у русскихъ Славянъ языческихъ, какъ видно изъ словъ Нестора о В. К. Владимірѣ: «и быша ему водимыя», подъ чѣмъ разумѣются собственно жены, въ отличіе отъ 800 наложницъ [12]. Существительное хоть, какъ замѣтно изъ выше приведеннаго примѣра, и примѣнительно къ язычеству употреблено въ смыслѣ наложницы, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ значеніи за нимъ, въ языческое время, настоящей жены уже потому, что на Руси, напримѣръ, синонимомъ жены является слово хоть еще въ XII столѣтіи, какъ въ словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ хотью называется Ольга Глѣбовна, жена князя Всеволода, а чешское choť употребляется и въ настоящую пору вмѣсто общеупотребительнаго жена. Между тѣмъ, въ памятникахъ церк. славянскихъ слово хоть уже не выходитъ изъ значенія наложницы, какъ въ приведенномъ прежде примѣрѣ и во множествѣ другихъ [13]; какъ распутная, прелюбодѣйка, живетъ хотница и донынѣ въ хорватскомъ нарѣчіи. Съ упроченіемъ христіанства, съ освященіемъ брака церковью, все больше и больше утверждалась за терминомъ жена исключительность законной жены, такъ что даже и выраженіе женима, столь неразрывно связанное по формѣ и происхожденію съ послѣднимъ, употребляется въ церковныхъ памятникахъ только какъ синонимъ наложницы [14]. О терминѣ кавъка, какъ рѣдкомъ и исключительномъ для ц. слав. памятниковъ, гдѣ попадается онъ въ смыслѣ наложницы, мы ничего сказать не можемъ.

Такимъ образомъ, слово жена, отъ общаго понятія, заключеннаго въ его корнѣ, существа раждающаго, перешло къ болѣе тѣсному — замужней женщинѣ, и стѣснилось еще болѣе въ періодъ христіанства, начавши обозначать жену въ единоженствѣ, одну законную жену.

Мужъ и жена по отношенію къ родившимся отъ нихъ дѣтямъ становятся отцемъ и матерью.

Во множествѣ языковъ (если только не во всѣхъ на земномъ шарѣ) не только уже родственныхъ по племенному происхожденію народовъ, но совершенно чужихъ другъ другу, даже противоположныхъ по своему строю и развитію, выраженія для упомянутыхъ понятій отзываются замѣчательною близостью, поразительнымъ сходствомъ, едва не до тожества. Понятно, слѣдовательно, что первая причина такого явленія должна крыться въ какомъ либо общемъ, прирожденномъ человѣку основаніи. И трудно отрицать мнѣніе о физіологической необходимости дѣтей прежде всего произносить именно тѣ звуки, изъ которыхъ образовались названія для отца и матери. Едва-ли легко и утверждать, что названія эти обязаны происхожденіемъ своимъ не дѣтямъ, а уже взрослымъ, самимъ родителямъ, какъ потому, что требовательнѣе они для первыхъ, такъ еще болѣе по общему сходству выраженій, которое не можетъ, кажется, не указывать на прирожденное единство голосовыхъ органовъ, не успѣвшихъ еще разнообразиться въ развитіи и направленіи своемъ мѣстными и національными условіями. Четыре сочетанія звуковъ господствуютъ главнымъ образомъ въ сходственныхъ названіяхъ отца и матери, это па и та, ма и на, съ ихъ обратными слогами: ап и ат, ам и ан ([15]). Если же дѣйствительно названія изъ этихъ сочетаній произошли отъ дѣтей, то, очевидно, искать въ нихъ какого либо значенія въ моментъ ихъ образованія было-бы трудомъ совершенно напраснымъ. Но какъ нельзя отвергать, что въ послѣдствіи народъ соединилъ и съ ними опредѣленное значеніе и, на его основѣ, образовалъ цѣлыя семейства словъ, то, въ сущности, важность остается таже самая, если бы данныя сочетанія составили и взрослые люди, слѣдовательно, въ самомъ рожденіи словъ, съ извѣстнымъ смысломъ, именно потому, что въ приданномъ смыслѣ полу-животнымъ звукамъ ребенка народъ выразилъ

все таки свой взглядъ на взаимное отношеніе родителей къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, вскрытіе первоначальнаго значенія и этихъ словъ не лишено научнаго интереса.

Имѣя въ виду славянскій языкъ и выше приведенныя сочетанія звуковъ, слѣдуетъ замѣтить вообще, что а) всѣ они господствуютъ и у Славянъ, какъ у другихъ народовъ, б) что какъ у послѣднихъ, такъ и у Славянъ, одни и тѣже сочетанія служатъ для названія обоихъ родителей, — въ одномъ нарѣчіи отца, въ другомъ матери, иногда того и другой въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Уже это одно обстоятельство доказываетъ довольно убѣдительно, что основной взглядъ на отца и мать, относительно дѣтей, не вызывалъ особеннаго различія. Фактическій разборъ подтвердитъ это положеніе.

Общеупотребительнѣйшее выраженіе у всѣхъ Славянъ для мужа, въ такомъ случаѣ, есть отецъ, ст. славянская форма отьць. Если бы славянская письменность и вовсе не сохранила намъ первоначальной формы этого слова, то уже одинъ взглядъ на его образованіе, еще болѣе производные отень, отній, отеникъ([16]), неисчезнувшіе и доселѣ изъ языка русскаго, останутся навсегда положительнымъ свидѣтельствомъ уменьшительной его формы и происхожденія отъ отъ. Но первыя строки одного изъ наидревнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ, Суда Любушина, предлагаютъ и фактическое подтвержденіе справедливости теоретическаго вывода: vsak ot swej čeledi vojevodi. Этимъ указываютъ они на коренную форму от и на употребленіе ея нѣкогда всѣми Славянами. Какъ коренная форма, слово от и должно быть принято въ соображеніе при опредѣленіи родственныхъ терминовъ въ другихъ языкахъ и того основнаго значенія, какое утвердилось за нимъ въ индоевропейскомъ племени.

Господство въ родственныхъ языкахъ для понятія отца корня па дало поводъ нѣкоторымъ пріурочивать къ нему и слово отъ и объяснять его потерею въ началѣ звука п, въ концѣ звука р ([17]). Согласіе на подобное объясненіе потребовало бы слишкомъ много натяжекъ самаго ненаучнаго свойства, а потому объясненіе это давно и отвергнуто, какъ несостоятельное ([18]). При томъ, какъ ни преобладаетъ господство корня па, въ языкахъ родственныхъ, все же не исчезъ вполнѣ изъ нихъ и соот-

вѣтствующій корень славянскому. Такъ, въ готскомъ языкѣ находится выраженіе atta, въ значеніи отца; сюда же можно и, кажется, должно отнести и греч. ἄττα, какъ названіе, употреблявшееся дѣтьми, при обращеніи ихъ къ старикамъ, и древнелатинское atta, какъ, по свидѣтельству Феста, дѣти называли отца ([19]). Въ санскритѣ также извѣстно это слово въ формѣ attâ, но въ значеніи матери, а не отца. Принимая, впрочемъ, въ соображеніе одинаковость названія для отца и матери вообще въ языкахъ, даже, какъ увидимъ, и въ самомъ славянскомъ, едва-ли сдѣлаемъ ошибку, допустивъ, что и древне индѣйскій языкъ имѣлъ слово atta для названія отца.

Но какъ бы высоко ни поднимались мы въ древность, основное значеніе термина atta, а слѣдовательно и нашего отецъ, не встрѣтитъ удовлетворительнаго объясненія. Самый санскритъ остается въ этомъ отношеніи молчаливымъ, предоставляя свободное поле для произвольныхъ догадокъ и предположеній. А какъ послѣднія не могутъ быть терпимы въ наукѣ, то едва-ли и не основательнѣе будетъ допустить, что дѣтское сочетаніе звуковъ въ обратномъ слогѣ at не развило изъ себя въ языкѣ семейства словъ, къ которымъ привязалъ бы народъ какое-либо опредѣленное значеніе. По крайней мѣрѣ, сопоставленіе atta съ глаголомъ ад (ѣсть), что дѣлаетъ Диффенбахъ, едва-ли должно имѣть цѣну, бо́льшую личной догадки; не убѣдительнѣе и сближеніе этого термина съ предлогомъ ati, означающимъ чрезвычайно, весьма, слишкомъ, что, какъ будто, говоритъ въ пользу коренной идеи высокости, верховности, съ точки зрѣнія дѣтей — почтенія и уваженія, хотя бы и близко къ ней подходило санскр. выраженіе для родителей — gurû, родственное съ прилагат. guru (gravis, eximius).

Употребительнѣе въ арійскихъ языкахъ обозначеніе отца словами, происходящими отъ прямаго слога ta, посредствомъ его удвоенія: польское и чешское tatuś, tatuń, tata, tatek, tatïk, русское — тятя, литов. tẽtis tajtis, греческое τάτα, гомерич. τέττα и т. д.; этотъ же корень господствуетъ съ полною силою и въ германскихъ нарѣчіяхъ, и въ англійскомъ языкѣ, даже въ цыганскомъ, — въ послѣднихъ съ превращеніемъ t въ d ([20]). Главное значеніе остается всюду отецъ, хотя кое гдѣ въ не славянскихъ

языкахъ и переходитъ къ опредѣленію иныхъ родственниковъ. Подобно сочетанію at, и значеніе образовательнаго слога ta, кажется, не пріобрѣло себѣ опредѣленнаго понятія, какое легло бы въ основу происшедшихъ отъ него новыхъ выраженій; даже и тутъ точно также не видно послѣднихъ, что̀ снова приводитъ къ мысли о дѣтскомъ образованіи самыхъ терминовъ atta и tata. Одинъ звательный падежъ tâta уцѣлѣлъ въ санскритѣ съ спеціальнымъ значеніемъ: любезный, другъ, но и оно слишкомъ обще, чтобы пріурочивать его къ понятію объ отцѣ, со стороны дѣтей.

Послѣ сказаннаго объ общемъ распространеніи однихъ и тѣхъ же названій на отца и мать, не придется удивляться и тому, что терминъ tata является и для обозначенія матери, какъ это мы видѣли въ скр. tâta (мать) и въ гот., греч., лат. atta (отецъ). Такъ, древне-нѣмец. tota, литов. tetta, слав. тѣтя, teta, tetka. Правда, современное значеніе приведенныхъ словъ уже не относится къ матери, а къ ближайшей ея родственницѣ, сестрѣ, но это служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія подобныхъ названій отъ дѣтей, не различавшихъ точно степеней родства: въ послѣдующее время, при желаніи разграничить ихъ точнѣе, удержались для матери другія сочетанія, а сочетаніе ta примѣнилось къ теткѣ. Тоже должно замѣтить и о муж. родѣ. Если у однихъ Славянъ для брата отца и матери образовались выраженія изъ другихъ корней, какъ покажемъ, также опредѣляющихъ первоначально отца, то у Хорватовъ и Хорутанъ находимъ термины tetac, tetec, очевидно заимствованные отъ tata — отецъ. Подобному заимствованію не могло не способствовать и перегласованіе a въ e. Съ такими явленіями придется встрѣтиться не разъ намъ и при другихъ корняхъ.

Но самое распространенное сочетаніе въ языкахъ родственныхъ для отца, есть па (-ра), съ образовательнымъ окончаніемъ дѣйствующихъ лицъ tar, видоизмѣняемымъ въ каждомъ языкѣ согласно съ особенными его законами: скр. pitṛ, первоначальное patar, греч. πατηρ, латин. pater, готск. fadar, древ. нѣмец. fatar и т. д. На первый взглядъ, изъ всѣхъ арійцевъ одни Литовцы и Славяне не имѣютъ выраженія изъ того же корня. Но достаточно немного вникнуть въ терминологію славянскую и сообразить этимологическое ея происхожденіе, чтобы и въ настоя-

щемъ случаѣ не выдѣлять изъ общаго состава Индо-европейцевъ по крайней мѣрѣ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, слав. батя, при всемъ разногласіи значеній въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, можетъ объясняться только происхожденіемъ отъ кореннаго сочетанія ба, видоизмѣнившагося, по общему родству губныхъ, изъ па. Придавая слишкомъ много значенія звуку б и опираясь на значеніе слова батя, въ чешскомъ и мадьярскомъ языкахъ употребляемаго вмѣсто братъ, покойный Ганка не задумывался отожествлять его съ послѣднимъ, объясняя очень просто выпускомъ р передъ а ([21]). Повидимому, не прочь былъ склониться къ такому отожествленію батя съ братомъ, и въ происхожденіи и въ значеніи, и знаменитый Гриммъ; по крайней мѣрѣ онъ уклонился отъ своего мнѣнія ([22]). Но ежели и несомнѣнно опущеніе р въ концѣ слова братъ (вмѣсто братръ) въ наибольшей части нарѣчій славянскяхъ, то было бы непростительнымъ скачкомъ заключать отсюда и къ выпуску р въ серединѣ слова (батя вм. братя), гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ его, и на что не сохранилось ни малѣйшаго доказательства ни изъ древней исторіи языка славянскаго, ни въ нынѣшнемъ употребленіи говоровъ славянскихъ. Тогда какъ форма слова батя не оправдываетъ объясненія выпускомъ р, значеніе въ немъ брата изъ первоначальнаго отца, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, объясняется и подтверждается самымъ бытомъ Славянъ. Переходною ступенью является при этомъ значеніе бати у Словаковъ, именно старшаго брата, который въ патріархально-родовомъ быту Славянъ заступалъ обыкновенно мѣсто отца, въ случаѣ его смерти. Напрасно Шафарикъ полагалъ, что значеніе брата въ разсматриваемомъ словѣ сохранилось только у Мадьяръ (batya) ([23]): оно существуетъ не только у Словаковъ, но и у Сербовъ (бата), и у Чеховъ (batia, batjcěk, batek-братъ матери), даже иногда и у Русскихъ ([24]), и не только въ настоящее время, а было и въ старину, какъ видно изъ лѣтописи ипатьевской: «Романъ Ростиславичь посылаетъ изъ Смоленска попа своего къ Изяславу, река тако: отдаваетъ ти батя Черниговъ» ([25]). Переходу значенія бати отъ отца къ старшему брату соотвѣтствуетъ вполнѣ переходъ значенія отъ матери къ старшей сестрѣ, занимающей также мѣсто матери, послѣ ея смерти, относительно младшихъ сестеръ; отсюда скр. atti,

очевидно родственное съ attâ (мать), означаетъ старшую сестру. На этомъ основаніи, и толкованіе Ганкой выраженія batjo въ слѣдующемъ мѣстѣ краледварской рукописи: batjo ty mluvi k niem oteckymi slovy — старшимъ братомъ ([26]) кажется намъ вѣроятнѣйшимъ и справедливѣйшимъ, такъ какъ слова эти произносятся умирающимъ отцемъ. Но ежели въ приведенномъ случаѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ, батя и означаетъ брата, все же значеніе это есть уже второстепенное, заимствованное отъ отца; на это указываетъ не только происхожденіе самаго слова отъ кореннаго сочетанія ба (-па), но и господство употребленія его въ этомъ смыслѣ у всѣхъ Славянъ: русск. батя, батюшка, батенька, болг. башта, словац. бача, серб. бата и т. д.; происшедшія отсюда термины: болг. баштина, великорус. батьковщина означаютъ наслѣдство, доставшееся именно отъ отца. Замѣтимъ, что и сирійское bat значитъ также отецъ. Едва-ли требуетъ разъясненія употребленіе кое-гдѣ въ Моравіи слова бача въ смыслѣ начальника, предводителя пастуховъ, во время выгона скота на пастбище: пастухи образуютъ изъ себя общину, задругу, какъ бы семью, подчиняющуюся выбранному старшему.

Въ образованіи своемъ отъ основнаго корня ба, существительное батя отступаетъ отъ указаннаго выше термина для отца: въ немъ встрѣчаемъ мы не удвоеніе, какъ въ tata, а особый образовательный суффиксъ та, тя. Но сербское бабо (отецъ) сберегло и въ настоящемъ случаѣ образованіе посредствомъ удвоенія, и въ то же время представило ближайшую форму къ обще-европейскому дѣтскому названію папа, столь очевидно происходящему отъ сочетанія па. Выраженіе бабо не можетъ не быть важно для филолога по несомнѣнному родству съ обще-славянскимъ названіемъ баба, бабица, бабка: понятно, если бабо, происходя отъ ба (па), означаетъ отца, то и баба должно было означать первоначально мать, и какъ тета, тетка, отъ сочетанія та, съ теченіемъ времени уступили мѣсто для названія матери другому корню, такъ и баба, вмѣсто матери, стало обозначать мать матери или отца, а потомъ и всякую женщину, хотя непремѣнно замужнюю. Здѣсь снова находимъ мы оправданіе положенію, что первоначальныя термины для родителей были общи

какъ для отца, такъ и для матери. Въ родственныхъ языкахъ, корень па, кажется, нигдѣ не обнаружилъ примѣненія къ матери.

Какъ наиболѣе распространенное, сочетаніе па глубже проникло въ языкъ индо-европейскій и рано сдѣлалось основою для образованія иныхъ словъ. Самыя формы pitŕ, πατηρ, pater и т. д., очевидно, противорѣчатъ слабымъ органамъ дѣтей и ясно обнаруживаютъ уже отчетливое чутье къ установившемуся значенію образовательныхъ приставокъ: дитя точно также не могло идти далѣе папа, какъ не пошло оно дальше atta или tata. Понятно, что при такомъ условіи къ сочетанію па не замедлилъ привязаться и опредѣленный смыслъ, сдѣлавшее уже и самое сочетаніе данныхъ звуковъ корнемъ. Этотъ смыслъ, находящійся въ основѣ всѣхъ развившихся изъ него словъ, есть питать, кормить, оберегать, охранять. Къ такому значенію могло привести народъ отнесеніе тѣми же дѣтьми сочетанія па къ указанію на хлѣбъ, на пищу. Стоитъ только сравнить бѣлор. и польск. папа (хлѣбъ), литов. papas (сосецъ женской груди). Отсюда явились и слова, означающія оберегателя, покровителя и господина, какъ скр. patih, со всѣми его сложными и производными, такъ близко подходящее по образованію къ слав. батя, или греч. δεσπότης, въ послѣдней составной части. Идея питанія такъ тѣсно срослась со взглядомъ народа на отца, что вызвала для послѣдняго обыкновеннѣйшій эпитетъ кормильца, какъ въ говорѣ и словесности простаго народа, или питателя, какъ, напр., въ сербскомъ Родословѣ епископа Даніила: коею злобою моею прогнѣвахъ тебе благааго питателя моего, говоритъ Стефанъ Душанъ своему отцу, Стефану Дечанскому ([27]).

Обратный слогъ ап, по видимому, не встрѣчается въ терминологіи отца; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ индоевропейскихъ языковъ не предлагаетъ ни одного слова для отца или матери, которое бы указывало на сочетаніе ап именно въ этомъ видѣ. Но ежели принять во вниманіе подвижность губныхъ звуковъ при взаимной ихъ мѣнѣ другъ на друга, то едва-ли не будетъ основательно въ сочетаніи ав видѣть только измѣненіе первоначальнаго ап отъ па. А сочетаніе ав очень распространено, и прежде всего въ примѣненіи къ отцу. Распространенность его

доказывается и тѣмъ, что, на равнѣ съ па, и ав сдѣлалось корнемъ въ языкѣ, образовавшимъ изъ себя семейство словъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идея охраненія, помощи, защиты. Правда, одинъ санскритъ удержалъ этотъ корень для понятія отца, — âvuka, за то рѣдкій языкъ индоевропейскій не сберегъ его для обозначенія другихъ старшихъ родственниковъ, не выходя, впрочемъ, изъ степеней дяди и дѣда, или тетки, въ примѣненіи того же корня къ женщинѣ. Вспомнимъ латин. avus, atavus, avunculus, готск. avô, литов. avynas и т. д. И въ слав. языкѣ осталось отъ него нѣсколько родственныхъ названій, которыя мы укажемъ на своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что ежели ни па, ни обратное сочетаніе ап не обнаруживаютъ примѣненія къ матери, то ав, приравниваемый нами къ ап, своими названіями, отнесенными къ старшей роднѣ именно женскаго пола, даетъ достаточное ручательство, что и отъ него существовали нѣкогда термины для матери.

Третье звуковое сочетаніе, обращенное при посредствѣ удвоенія въ названіе для отца, есть на. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ нана является лишь въ немногихъ языкахъ, перешедши въ большинствѣ къ обозначенію дѣда. Съ лужицкимъ nan и словацкимъ nanjo, употребляющимися въ значеніи отца, можно сопоставить албанское nan, nanna, ([28]) въ томъ же значеніи; между тѣмъ, персид. nânâ, кимвр. nain означаютъ уже дѣда. Гораздо живучѣе удержалось это сочетаніе въ примѣненіи къ матери, особенно укрѣпившись въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ польскомъ нарѣчіи, на ряду съ mama, извѣстно и nana([29]); въ малорусскомъ неня, ненька; сюда же можно отнести и ирланд. naing, также мать. Но и съ этимъ корнемъ большинство языковъ образовало выраженіе для обозначенія другой родственницы, именно тетки, или женщины, заступающей мѣсто матери. Такъ, греч. νάννη и νέννα — тетка, рус. няня, нянька, откуда няньчить. Такому перенесенію значенія не могло не способствовать вошедшее въ особую силу для обозначенія матери звуковое сочетаніе ма у всѣхъ народовъ индоевропейскаго племени. Что касается до обратнаго слога, ан, то онъ еще менѣе распространенъ въ языкахъ индоевропейскихъ; съ значеніемъ отца попадается онъ, кажется, въ одномъ осетинскомъ языкѣ

(ana, anna); другіе случаи его употребленія относятся уже къ названію дѣда и бабки, какъ въ древне-германскомъ anô и ana (30).

Господству сочетанія ра въ индоевропейскихъ языкахъ для обозначенія отца вполнѣ соотвѣтствуетъ, если еще не превосходитъ своею распространенностью и общностью у всѣхъ народовъ арійскихъ, четвертое сочетаніе ma, почти исключительно назначенное служить терминомъ для матери. Дѣйствительно, кромѣ грузинскаго mama, отецъ, нѣтъ ни одного языка, который бы образовалъ изъ него названіе отца. Но и этотъ единичный остатокъ достаточенъ, чтобы оправдать мысль объ общности дѣтскихъ названій, изъ одного и того же звуковаго сочетанія, для обоихъ родителей. Преобладающая сила сочетанія ma въ языкѣ обнаружилась одинаковыми явленіями съ разсмотрѣннымъ нами господствомъ ра. И тутъ точно также народъ не ограничился первобытнымъ и безсмысленнымъ образованіемъ посредствомъ удвоенія (мама), а соединилъ съ сочетаніемъ ma образовательный суффиксъ tar и, придавши ему свойственную идею, сдѣлалъ его корнемъ для образованія новыхъ словъ. И тогда какъ выраженіе mama, подобное papa, осталось лишь въ дѣтскомъ лексиконѣ, языкъ взрослыхъ, и чрезъ нихъ языкъ литературы, удержали новообразованную форму, которая безъ исключенія во всѣхъ языкахъ поражаетъ доселѣ своимъ сходствомъ, не смотря на всѣ перевороты, въ нихъ совершавшіеся, и на послѣдующее развитіе особыхъ законовъ звукосочетанія. Большая часть ихъ сохранила оба характеристическихъ звука окончанія, t и r, и только нѣкоторые ограничились какимъ-либо однимъ изъ двухъ, и то далеко не во всѣхъ случаяхъ этимологическихъ измѣненій. Такъ: скр. mâtar (имен. mâtâ), греч. μητηρ, лат. mater, англосакс. modor, древне нѣмец. môter, литов. móte (род. motere), церков. слав. мати (род. матере). Не будемъ, однакоже, думать, чтобы значеніе матери исключало всякое другое въ разсматриваемомъ корнѣ; противъ такой исключительности говорятъ рѣшительно: албанск. motra, въ смыслѣ сестры, литов. motere, съ значеніемъ женщины вообще. Слѣдовательно, и тутъ, какъ и въ выше приведенныхъ выраженіяхъ, языкъ слѣдовалъ общему пути, распространяя одно и то же названіе на различныя однородныя

лица, чему толчокъ данъ былъ тѣми же первоначаляными образователями этихъ названій, дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, преобладающее господство значенія въ сочетаніи ma осталось за матерью, и къ нему, въ силу этого господства, не замедлила пріурочиться соотвѣтствующая идея.

Въ санскритѣ корень mâ является въ значеніи мѣрить, измѣрять; но такое значеніе есть уже второстепенное: въ немъ не замѣтно уже опредѣленнаго отношенія къ положенію матери относительно дѣтей. Соображая латинское выраженіе для женскихъ грудей mamma, mammae (Франц. mammelles) и сопоставляя его съ литов. papas (въ томъ же значеніи), съ польскимъ и др. слав. papa (хлѣбъ), отразившимися и на приданномъ значеніи корню pa (кормить, покровительствовать и т. п.), и здѣсь можно было бы всего скорѣе ожидать идею кормленія, что еще ближе сходствовало бы съ назначеніемъ матери. Вспомнимъ при этомъ и русское названіе для кормилицы — мамка, въ которомъ такъ наглядно выступаетъ сочетаніе мама въ значеніи матери и которое такъ родственно съ переходомъ значенія малорос. нени, неньки къ великорус. няня, нянька. Но древнѣйшій народъ видимо сосредоточилъ свое вниманіе на важнѣйшей и существеннѣйшей дѣятельности матери, на рожденіи; эту идею онъ и придалъ первоначально корню mâ, что несомнѣнно по значенію сложнаго глагола nirma (efficere, creare) и что еще явственнѣе выразилось въ попадающемся въ Ригвѣдѣ существительномъ mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи — творецъ, производитель, создатель ([31]). Согласно съ этимъ взглядомъ на мать, какъ на существо раждающее, и народная словесность обыкновеннѣе всего сопровождаетъ ее эпитетами, заключающими въ себѣ ту же идею, въ родѣ того, какъ: «ты мати, мати, порода моя».

Обратное сочетаніе отъ ma-am извѣстно гораздо менѣе. Во всякомъ случаѣ, если бы было и трудно согласиться съ происхожденіемъ отъ него скр. ambâ (-мать), уменьш. ambika, то едвали можно сомнѣваться въ ближайшей съ нимъ связи латин. amita (-тетка) и древ. нѣмецкаго amma (-кормилица).

Эта идея рожденія, отнесенная по преимуществу къ названію мать, сдѣлалась общею идеею и для обоихъ родителей, въ терминологіи всѣхъ языковъ арійскихъ. Какъ славянское слово

родитель, очевидно происходитъ отъ родъ, родить, и одинаково можетъ быть отнесено и къ отцу и матери (родительница), такъ скр. ǵanitar (отецъ), ganitrî (γενετηρ, γενετωρ и γενέτειρα, латин. genitrix происходятъ отъ общаго корня gan, рождать.

Оставляя въ сторонѣ необъяснимое для насъ слово ljolja, употреблявшееся въ значеніи отца Славянами люнебургскими (32), и обобщая сказанное нами о названіяхъ для отца и матери, можемъ отмѣтить, что а) у Славянъ сохранились всѣ тѣ сочетанія, которыя существуютъ у родственныхъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, б) что сочетанія эти въ разсматриваемомъ ихъ примѣненіи принадлежатъ первоначально дѣтскимъ органамъ и состоятъ изъ двухъ звуковъ, согласнаго съ гласнымъ, в) что въ нихъ участвуютъ согласные звуки прежде всего доступные этимъ органамъ, именно зубные и губные съ носовымъ н, г) что сочетанія эти, въ примѣненіи своемъ къ обозначенію родителей, брались въ прямомъ и обратномъ видѣ, д) что по безсознательному происхожденію ихъ нельзя и думать о какомъ либо понятіи, принадлежащемъ имъ въ моментъ самаго происхожденія, е) что нѣкоторыя сочетанія, какъ ta и at, na и an, такъ и остались безъ понятія въ языкѣ, другія же получили его уже сравнительно позднѣе и чрезъ это сдѣлались корнями въ языкѣ, образовавшими изъ себя новыя слова, какъ ра и av, ma и am, ж) наконецъ, что почти всѣ указанныя сочетанія не ограничились примѣненіемъ только къ отцу и матери, а перешли въ названія и другихъ родственниковъ, не выходя, однакоже, изъ степеней ближайшихъ: брата и сестры, дяди и тетки, дѣда и бабки, кормилицы и няньки.

Понятія рожденія и питанія, заключенныя въ названіяхъ отца и матери, сами собою предполагаютъ новыя существа, рожденныя и вскормленныя. Только при существованіи послѣднихъ могли явиться въ жизни данныя понятія, а слѣдовательно выразиться и въ языкѣ: мужъ и жена могли стать отцемъ и матерью лишь тогда, когда родились у нихъ дѣти. Въ силу какой идеи получили названіе послѣднія, относительно отца и матери; какая идея высказалась въ названіи дѣтей и по отношенію ихъ другъ къ другу, — вопросы, которые не могутъ считаться лишенными основанія уже потому, что такія названія, очевидно

имѣютъ виновниками своего происхожденія родителей, дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ не по внушенію животнаго инстинкта, подобно дѣтямъ, а подъ вліяніемъ установившихся законовъ языка, съ неизбѣжнымъ обозначеніемъ опредѣленнаго понятія въ каждомъ его словѣ. Имѣя въ виду языкъ славянскій, и здѣсь будемъ мы прибѣгать къ родственнымъ языкамъ на столько, на сколько окажутся они необходимыми для объясненія перваго.

Господствующее названіе для рожденныхъ отъ мужа и жены у всѣхъ славянскихъ народовъ есть дѣти. Коренная основа этого слова состоитъ въ слогѣ дѣ. Звукъ д въ языкѣ славянскомъ, соотвѣтствуя тому же звуку въ родственныхъ языкахъ самаго древнѣйшаго вида, обыкновенно соотвѣтствуетъ и соединенію его съ придыхательнымъ h въ послѣднихъ: скр. dhûma, madhu, vidhava и др. въ славянскомъ звучатъ: дымъ, медъ, вьдова и т. д. Звукъ ѣ, нѣкогда двоегласный, соотвѣтствуетъ первобытному ai, видоизмѣнившемуся въ санскритѣ въ двоегласное è. Принимая въ соображеніе эти свойства языка славянскаго, мы смѣло можемъ сопоставлять коренной слогъ дѣ, въ словѣ дѣти, съ первоначальною формою dhai, равносильною въ санскритѣ съ dhê. Это санскритское dhê существуетъ съ значеніемъ пить, питаться молокомъ, и дало отъ себя не мало производныхъ выраженій, находящихъ себѣ родство и въ другихъ сплеменныхъ языкахъ, гдѣ, какъ и въ санскритѣ, удержалось то же основное значеніе. Ежели, такимъ образомъ, сопоставимъ, съ одной стороны, эти производныя, какъ: dhâtrî, кормилица, dhênu, млекодающая корова, съ другой — сблизимъ готск. daddjan, кормить молокомъ, давать груди, и слѣдующія выраженія греческаго языка, въ которомъ органически и постоянно замѣняется скр. dh посредствомъ ϑ, а скр. ê посредствомъ η: ϑῆ-ση, кормить грудью, ϑη-λη, женскія груди, то едва-ли будетъ основательно сомнѣніе относительно кореннаго понятія славянскаго названія дѣти, какъ существъ, питаемыхъ груднымъ молокомъ.

Такимъ образомъ, коренная идея питанія въ словѣ дѣти есть одна изъ идей, которая придана и названію родителей, по крайней мѣрѣ отца. Естественная связь между тѣми и другими способна лишь оправдывать такое соотношеніе: родители питаютъ,

дѣти питаются; первые имѣютъ значеніе дѣйствующихъ, послѣдніе страдательное.

Для большаго разъясненія и оправданія этой идеи не лишне остановиться и на латинскомъ терминѣ foetus, тѣмъ болѣе, что корень этого слова, при внимательномъ взглядѣ на его происхожденіе, откроетъ идею питанія для жены или женщины вообще, замѣненную въ другихъ языкахъ идеею рожденія, какъ въ словахъ: жена и мать. Въ опредѣленіи кореннаго значенія латин. femina мы именно рѣшаемся отступить отъ замѣчанія Потта, утверждающаго, будто femina означаетъ рождающая (die Gebärende), а не питающая (die Säugende) ([33]). Замѣтимъ, что санскритское dh столь же послѣдовательно переходитъ въ латинскомъ языкѣ въ f ([34]), какъ въ греческомъ въ θ, въ славянскомъ въ d: dhûma-fumus, dhîra-firmus и др.; двоегласное же ai, равное скр. ê, замѣняемое въ латинскомъ посредствомъ oe (прежде ai, потомъ ae), не даромъ такъ строго удерживалось въ древнемъ правописаніи: faemina и faetus-foetus. На этомъ основаніи, мы позволяемъ себѣ смѣло сближать корень fae, въ данныхъ латинскихъ выраженіяхъ, съ скр. dhê, а черезъ это foetus съ славян. дѣти, и видѣть въ значеніи обоихъ первоначальную идею питанія, кормленія ([35]).

Идея питанія, въ примѣненіи къ дѣтямъ, выразилась въ индо-европейскихъ языкахъ и въ другихъ корняхъ. Такъ, скр. bâlâ, дитя, отъ bal, кормить, питать; такъ, въ языкѣ кельтскомъ употребленъ съ этою цѣлью корень al, замѣтный въ латинскомъ alimentum, откуда въ гаэльскомъ нарѣчіи ala, питаніе, кормленіе, въ валлійскомъ же al означаетъ молодыхъ животныхъ, кормимыхъ матерью, глаголъ alu — имѣть, кормить молодыхъ дѣтей ([36]). Отнесеніе этого корня къ животнымъ не можетъ противорѣчить нашему сравненію: и собственное выраженіе дѣти мы обыкновенно примѣняемъ къ животнымъ для обозначенія новорожденнаго, молодаго ихъ поколѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нарѣчіи валлійскомъ нѣкогда общій терминъ для людей и животныхъ удержался за послѣдними. Болѣе развитая жизнь, далеко отошедшая отъ патріархальнаго быта, въ которомъ непосредственное, чувственное воззрѣніе производило столь разнообразное богатство частныхъ выраженій для каждаго

знакомаго вида, должна была неизбѣжно вытѣснять ихъ больше и больше и замѣнять названіями родовыми, общими ([37]). И нашъ, такъ называемый, образованный языкъ видимо тратитъ обиліе частныхъ терминовъ и въ разбираемомъ случаѣ, употребляя вмѣсто спеціально назначенныхъ для того или иного рода животныхъ названія общія для всѣхъ, не исключая и людей.

Если въ названіи дѣти языкъ славянскій сохранилъ одну изъ идей, приданныхъ названію родителей, именно питаніе, то менѣе употребительный въ народѣ славянскомъ терминъ чадо удержалъ другую идею, рожденіе, особенно распространенную въ германскомъ языкѣ. Покойный Шимкевичъ въ основаніе понятія чадо поставилъ идею дѣйствія, сравнивши его съ синонимическимъ словомъ ребенокъ (-робенокъ), по мнѣнію его, отъ робити, польск. robić, и сблизивши съ глаголомъ чинить, польск. czyn, czynić ([38]). Послѣднее сближеніе, конечно, справедливо; но коренное значеніе слова не всегда можетъ быть тождественно съ позднѣйшимъ, современнымъ: внутренняя часть слова подвержена такъ же измѣненію, какъ и внѣшняя его оболочка, и тѣмъ быстрѣйшему, чѣмъ подвижнѣе самая мысль. Считаемъ излишнимъ распространяться о связи между корнемъ существ. чадо, ст. слав. чадо, глаголомъ чьн, откуда чати, и другимъ глагольнымъ корнемъ кън, котораго первый составляетъ только смягченный видъ, согласно съ свойствами слав. звукосочетанія: объ этомъ говорено не разъ и много ([39]). Скажемъ только, что какъ въ родственныхъ языкахъ тождественные корни: въ праязыкѣ gan, въ скр. ǵan, въ греческ. γεν (въ γεννάω, γένος и др.), въ лат. gen (въ genus), въ древне герман. kan, въ готск. kin, являются съ основнымъ значеніемъ рождать, производить; такъ точно и въ основѣ славян. кън (въ къназь)-кон и смягченнаго чьн-ча должна заключаться первоначально таже идея рожденія, и какъ въ готск. kind, такъ и въ славянскомъ отъ ча-чьн образовалось чадо. Замѣтимъ, что и нѣмецкое knabe, означающее теперь дитя мужескаго пола, мальчика, едва ли первоначально не имѣло общаго значенія дитяти; по крайней мѣрѣ и оно не можетъ имѣть иного корня, кромѣ kan, kin, какъ основательно, по нашему мнѣнію, заявилъ о томъ г. Лемке ([40]).

Оправданіе дѣйствительности идеи рожденія въ названіи

чадо находимъ мы и въ другихъ нѣкоторыхъ терминахъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ готское слово barn, дитя, стоитъ въ неразрывной связи съ глаголомъ bairan, рождать, отсюда и въ Ульфилиномъ евангеліи barne-barna, дѣти-дѣтей (kindes-kinder), отсюда же и названіе для отца bêruseis и для предковъ bêrusiôs. Подобное оправданіе встрѣчаемъ и въ кельтскихъ нарѣчіяхъ, хотя идея рожденія и относится въ частности къ сыну или дочери: въ гаэльскомъ gineadh и geneadh, рождать и рождаться, gein, рожденный, сынъ, gnae, человѣкъ, женщина; въ валлійскомъ — geni, рождаться, genill, поколѣніе, genett, дочь (41).

Менѣе этимологической ясности представляетъ славянское выраженіе ребенокъ — робенокъ, которое, впрочемъ, вполнѣ ясно указываетъ на первообразную форму робъ и на родство съ рабъ. Толкованіе Шимкевича и сближеніе имъ этого выраженія съ глаголомъ робить можно принять развѣ только подъ условіемъ обратнаго пониманія, т. е. что не отъ робить (дѣлать, производить) перешло значеніе къ робу и рабу, а на оборотъ, отъ труда раба образовалось значеніе въ производномъ глаголѣ. Этимологическая темнота не отнимаетъ, однакоже, права, безъ малѣйшаго нарушенія этимологическихъ законовъ языка, сопоставить существ. робъ, рабъ съ скр. arbha, въ значеніи дѣти, поколѣніе, потомство, а въ языкѣ Вѣдъ въ смыслѣ малый: перестановка въ славян. языкѣ согласныхъ звуковъ, особенно плавныхъ, впередъ гласныхъ, начинающихъ коренное слово въ родственныхъ языкахъ, довольно обыкновенна (сравнимъ, напр. лодиꙗ-алдиꙗ, ралиꙗ, рус. роля, ролья; рало, ратай и др. съ корнемъ ar, который и остается въ томъ же видѣ въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ родственныхъ языковъ: греческ. ἄρουρα, ἄροτρον, лат. arvum, aratrum и т. д.). Съ этимъ словомъ arbha сопоставляютъ и греч. ὀρφανός (нищій), лат. orbus (лишенный), и готск. arba (наслѣдство), arbja (наслѣдникъ), нынѣшнее нѣмецкое der Erbe (42). Идея малости, приданная выраженію arbha въ діалектѣ Вѣдъ, столь естественная для понятія ребенокъ, весьма легко и вполнѣ согласно со взглядомъ патріархально-народнымъ, способна объяснить и переходъ значенія къ рабу, такъ какъ съ понятіемъ малости у народовъ древ-

нихъ не отдѣлялось и понятіе слабости, бѣдности, ничтожности. На этомъ основаніи и самыя сословія дѣлились на большихъ людей и малыхъ, или большихъ, добрыхъ и худыхъ, т. е. бѣдныхъ. Согласно, быть можетъ, съ непривлекательнымъ воззрѣніемъ старины на жену, образовался и терминъ роба (жена) въ словацкомъ нарѣчіи ([43]). Изъ обозрѣнія сказаннаго о терминахъ дѣти и чадо не трудно вывести заключеніе, что и въ нихъ заключены обѣ идеи, питанія и рожденія, какія пріурочены народомъ къ названію родителей, отца и матери.

Но дѣти могутъ быть двухъ половъ, сыновья и дочери. Какое впечатлѣніе, какая идея руководила человѣкомъ въ томъ и другомъ названіи. Казалось бы, скорѣе всего и здѣсь встрѣтить туже общую идею рожденія, заключенную въ общемъ понятіи чадо-kind. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ родственныхъ языковъ ее и находимъ мы въ обоихъ терминахъ. Такъ, скр. tanaja (сынъ) и tanajâ (дочь) указываютъ на корень tan, въ значеніи творить, рождать; припомнимъ кельтскія нарѣчія, въ которыхъ также отмѣтили мы туже идею въ названіяхъ и сына и дочери. Она же всецѣло принадлежитъ и господствующему, наиболѣе распространенному термину для сына во всѣхъ арійскихъ языкахъ.

Тождественность происхожденія славян. сынъ съ скр. sûnus, готск. sunus, древ. нѣмец. sunu, sun, нынѣшнимъ sohn, литов. sunas едва ли кто рѣшится отрицать; признавая же эту тождественность, нельзя не согласиться и съ способомъ образованія этого слова, и съ кореннымъ значеніемъ его. Образовалось же оно отъ глагольнаго корня su, рождать, посредствомъ приставки nu, равносильной въ настоящемъ случаѣ съ причастнымъ окончаніемъ прошедшаго времени страдательнаго залога ta. Такая равносильность въ данномъ словѣ всего очевиднѣе опредѣляется и посредствомъ слова suta (сынъ), собственно причастія прошедшаго страдательнаго отъ того-же su; такимъ образомъ, основное значеніе сынъ есть — рожденный. Женскій родъ того же причастія и того же глагола перешелъ въ санскритѣ въ названіе для дочери, и sutâ значитъ дочь.

Видно, идея рожденія представлялась наиболѣе естественною и пригодною въ понятіи древнѣйшаго человѣка для дѣтей, даже

и при различеніи ихъ пола; въ славянскихъ нарѣчіяхъ удержалась она и въ синонимическихъ словахъ, происходящихъ отъ другаго корня. Такъ, въ соотвѣтствіе русскимъ пасынокъ и падчерица, встрѣчаемъ у Поляковъ paserb, paserbica, у Хорутанъ, Хорватовъ и Сербовъ пасторак, пасторка и пасторкиња. Эти слова происходятъ отъ корня ser, также въ значеніи рождать (44).

Впрочемъ, въ терминѣ для дочери, всѣ почти родственные языки, не исключая и санскрита, соединили другую идею, и ее сдѣлали наиболѣе господствующею, сколько можно судить по преобладающему, въ нѣкоторыхъ же языкахъ исключительному, господству самаго названія. Названіе это въ славянскомъ языкѣ есть дочь, одно и тоже по корню своему во множествѣ языковъ, съ требуемымъ только видоизмѣненіемъ звуковъ, согласно съ особенными законами каждаго языка. Скр. duhitŕ, греч. θυγάτηρ, готск. dauhtar, древне-нѣм. tochtar, нынѣш. tochter, литов. duktĕ, къ которому такъ близко древне персидское duckte; древнѣйшая форма въ слав. языкѣ есть дъшти, образовавшаяся изъ болѣе первичной дъкти (45). Не видя основанія сомнѣваться въ единствѣ происхожденія приведенныхъ выраженій, можно для опредѣленія кореннаго значенія смѣло обратиться къ скр. duhitŕ, въ которомъ, по глубокой древности памятниковъ языка, не могла такъ сильно затмиться основная идея, какъ это замѣчаемъ въ языкахъ съ гораздо позднѣйшею сравнительно исторіею.

Существительное duhitŕ несомнѣнно образовалось изъ глагольнаго корня duh и приставки tar, ослабленной въ tŕ, обозначающей дѣйствующее лице (46). Глаголъ duh значитъ доить, равный по формѣ и по смыслу готскому tuh; отсюда, существительное duhitŕ должно выражать понятіе о лицѣ, которое доитъ. Лассенъ, принимая въ соображеніе пастушескій бытъ Арійцевъ, въ этомъ бытѣ думаетъ видѣть единственный поводъ къ такому названію дочери, на которой, по его мнѣнію, лежала обязанность доенья коровъ: auf das ursprüngliche Hirtenleben geht auch die Benennung duhitri, θυγάτηρ, tochter, d. h. Melkerin; es war ihr Amt in der alten Familie der Hirten (47). Не можемъ не согласиться съ нимъ, что опредѣленіе понятія duhitŕ значеніемъ питающаяся грудью (quae mammam sugit), сосущая

грудь, какъ полагаютъ нѣкоторые, едва ли основательно, такъ какъ и дѣти мужескаго пола не могутъ въ одинаковой степени съ дочерьми обойтись безъ молока матери. При томъ duh и не значитъ питаться или сосать. Но, съ другой стороны, не легко допустить въ первобытной жизни, отъ которой, разумѣется, идетъ названіе дочери, столь отчетливое распредѣленіе занятій, противорѣчащее даже и современнымъ порядкамъ въ тѣхъ странахъ и у тѣхъ народовъ, гдѣ существуютъ остатки пастушескаго быта и гдѣ доенье коровъ, какъ и другихъ животныхъ доимыхъ, далеко не исключительно составляетъ обязанность не только дочерей, но и вообще женщинъ. Другая, по нашему убѣжденію, идея и въ словѣ duhitŕ. Славянскія нарѣчія въ отысканіи этой идеи, думаемъ, не могутъ не быть посредниками. Въ нихъ глаголъ доить, тожественный съ скр. duh, значитъ не только безотносительно извлекать молоко изъ грудей, вымени, но и относительно, извлекать для питанія, кормить молокомъ. Такъ въ нарѣчіи старославянскомъ, откуда и доитель, въ смыслѣ питатель, кормитель, доилица и доильница — кормилица; такъ и въ сербскомъ, откуда дојкиња, кормилица, мамка; не справедливо было бы отрицать тоже самое и въ санскритѣ, и тѣмъ больше, что утверждать устойчивое однообразіе въ древнѣйшее время въ какомъ бы то ни было словѣ подъ вліяніемъ взгляда на позднѣйшіе языки — не совсѣмъ послѣдовательно. Санскритскій, напримѣръ, глаголъ dhê или dhâ, родственный по корню съ duh, ([48]) означаетъ вообще пить, питаться, и однакоже происшедшее отсюда dhâtŕ, какъ сказано выше, имѣетъ значеніе питательницы, кормилицы, а готское daddja, тожественное съ dhê, значитъ уже кормить молокомъ, давать грудь, съ чѣмъ только и можно сопоставить сербское дадија ([49]). Такимъ образомъ, и въ словѣ duhitŕ ничто не препятствуетъ видѣть тоже значеніе, что и въ dhâtŕ, или въ серб. дојкиња, т. е. кормилица, и объяснять такое названіе идеей будущаго положенія дочери, какъ матери, а слѣдовательно и кормилицы, питательницы своимъ молокомъ. Пиктэ, склоняясь къ мнѣнію Лассена, затрудняется пристать къ объясненію, подобному нашей догадкѣ, по тому соображенію, что въ такомъ случаѣ не было бы видно отношенія дочери къ родителямъ, которое, по его мнѣнію, непремѣнно должно быть: а родители, конеч-

но, не могутъ назвать свою дочь нашей питательницей ([50]). Но, во первыхъ, на столько же закрыто отношеніе это и въ объясненіи Лассена; во вторыхъ, едва ли безусловно и необходимо выраженіе такого отношенія въ терминахъ для дѣтей. Послѣднее было бы основательно, если бы слово созидалось и примѣнялось къ данному предмету въ первый моментъ появленія предмета; но существительное duhitŕ, какъ и множество другихъ, могло получить жизнь въ періодъ значительной опытности народа, тѣмъ скорѣе при такомъ состояніи народа могло оно примѣниться къ дочери. Въ этомъ отношеніи, мы ничего не имѣемъ и противъ предположенія Боппа ([51]), будто duhitŕ значило первоначально вообще женщину, что находитъ оправданіе и въ основномъ значеніи латин. mulier, сопоставляемаго Лассеномъ съ mulgere, доить ([52]).

Взаимныя другъ къ другу отношенія рожденныхъ дѣтей, сыновей и дочерей, выразилъ народъ арійскій особыми названіями, распространенными съ большею или меньшею исключительностью по всему индоевропейскому племени. Названія эти братъ и сестра. Постараемся отыскать и въ нихъ коренную идею.

Существительное братъ, подобно многимъ другимъ родственнымъ терминамъ, также одинаково звучитъ въ языкахъ индоевропейскихъ: скр. bhrâtŕ, готск. brôthar, древне верх. нѣм. pruodar, нын. нѣм. bruder, лат. frater, литов. brolis ([53]); въ греческомъ языкѣ, правда, утвердилось другое слово, ἀλελφός, но ежели взять въ соображеніе существ. φρατρία, братство, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что и въ немъ когда-то жило выраженіе φρητήρ или φρατήρ или φράτωρ. Во всѣхъ однакоже языкахъ, кромѣ уменьшительной формы литовскаго, господствуетъ въ окончаніи звукъ р; онъ принадлежалъ нѣкогда и цер. слав. нарѣчію, какъ, напр., въ Глаголитѣ Клоца и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, особенно глаголитскихъ; слышенъ и до-нынѣ въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ, хотя и въ превращеніи уже въ шепелеватое ř, какъ въ польскомъ, по крайней мѣрѣ въ производныхъ словахъ braterski и braterstwo, и въ чешскомъ. Все это, очевидно, заставляетъ съ увѣренностью допускать, что и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, утратившихъ это р съ незапамятныхъ поръ, было оно также всеобще въ доисторическое

время. Такимъ образомъ, коренная форма и русскаго языка должна быть братръ.

Относительно кореннаго значенія этого слова вопросъ нѣсколько сложнѣе. Боппъ положительно говоритъ, что корень скр. bhrâtṛ не извѣстенъ (54). Уважая мнѣніе знаменитаго филолога, не можемъ, однакоже, не позволить себѣ высказать сближеніе bhrâtṛ съ другимъ существительнымъ санскритскимъ, совершенно сходнымъ по подбору звуковъ и также выражающимъ понятіе родства, — это bhartṛ. Въ формальномъ отношеніи на близость обоихъ словъ уже было указано г. Бетлингомъ (55) и повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ Лассеномъ: bhrâtṛ-bhrâtar ist aus bhartar (-bhartṛ) durch Umstellung von ar zu ra entstanden (56). Существительное же bhartṛ, имѣя въ основаніи своемъ глагольный корень bhṛ — bhar (носить, поддерживать, питать), означаетъ прежде всего того, кто поддерживаетъ, кормитъ, далѣе господина и, наконецъ, мужа, супруга. Взглядъ на взаимныя отношенія членовъ первобытнаго семейства только въ состояніи оправдать признаваемое формальное родство словъ bhartṛ и bhrâtṛ и повести къ заключенію о родствѣ и тождествѣ въ первобытное время и самаго значенія. Г. Пиктэ думаетъ видѣть въ однокоренномъ названіи мужа и брата только общность основной идеи — покровительства и питанія, что братъ, значитъ, разсматривался какъ естественный покровитель сестры, какъ при жизни родителей, такъ и послѣ смерти ихъ. Но намъ кажется, что сходство названій ограничивается не одною общею идеею, а указываетъ на тождество и самыхъ предметовъ, другими словами, что братъ и мужъ нѣкогда были выраженіями синонимичными. При мысли или вовсе о несуществованіи множества семействъ въ первыя врéмена человѣчества, или ограниченности числомъ и разбросанности, враждебности, естественно, дѣти одной четы, сыновья и дочери, братья и сестры, могли стать въ отношенія мужей и женъ. Исторія древнѣйшаго человѣчества, не исключая и Ветхаго Завѣта, говоритъ объ этомъ ясно, какъ скоро касается первобытной эпохи. Отсюда, при двоякомъ отношеніи одного и того же лица, понятна и возможность, даже неизбѣжность и двухъ понятій въ одномъ и томъ же названіи этого же лица. Такимъ образомъ, слово bhartṛ

стало означать и мужа и брата, хотя для послѣдняго значенія и не замедлила утвердиться другая форма, отличенная отъ первой лишь усиленіемъ слабаго ar въ râ, столь обыкновенно употребительнымъ въ санскритѣ, даже безъ измѣненія кореннаго значенія. Намъ нѣтъ надобности рѣшать, когда произошло подобное отличеніе въ формѣ: тогда-ли, когда исчезла необходимость, въ слѣдствіе размноженія семействъ, ограничиваться браками между братьями и сестрами, когда вошло въ обычай, а потомъ въ законъ допускать соединеніе между лицами чужими или отдаленнѣйшаго родства, или еще прежде, въ періодъ безразличія въ бракахъ, — заключеніе наше объ упомянутыхъ названіяхъ ни мало отъ этого не пострадаетъ. Позволимъ себѣ только предположить, что формальное различіе въ словѣ могло состояться и въ одной семьѣ, въ силу различнаго возраста брата и способности его быть мужемъ: при отношеніи единственно братскомъ къ сестрѣ, онъ могъ называться bhrâtar, когда-же дѣлался мужемъ — bhartar. Какъ бы то ни было, но единство происхожденія обоихъ словъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно и въ названіи братъ необходимо допустить идею защиты и питанія. Взглянемъ на происхожденіе и значеніе ближайшаго къ брату названія — сестра.

И въ этомъ названіи сходится большая часть языковъ индоевропейскихъ, хотя и съ такимъ звуковымъ отличіемъ, которое значительно затрудняетъ положительность въ опредѣленіи корня слова и производитъ въ мнѣніяхъ ученыхъ то разногласіе, которое иногда приближается къ личнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Существенное отличіе состоитъ въ звукѣ т (t), котораго вовсе не видно въ однихъ языкахъ, и при томъ древнѣйшихъ, и который является необходимымъ въ другихъ. Къ первому разряду относятся: скр. svasr (-svasar), зенд. ganhar, лат. soror вм. sosor, а это вм. svosor; литов. sesszů (род. sessers, множ. sesseres); ко второму —языки германскіе и славянскіе: готское svistar, др. нѣм. süestar, нынѣш. schwester, обще славян. сестра. На этомъ основаніи, одни изъ филологовъ признаютъ ближайшими къ коренной формѣ германскія и славянскія нарѣчія, и ихъ берутъ въ основу своихъ объясненій, какъ, напр., Поттъ (57), утверждающій сложность этого названія изъ мѣстоимѣнія sva

(свой) и существительнаго strî (происшедшаго чрезъ сокращеніе изъ sutrî, отъ глагольнаго корня su, рождать), въ значеніи женщина, жена; по такому толкованію, сестра означала бы свою жену. Къ этому же, очевидно, склоняется и Боппъ ([58]). Другіе, напротивъ, хотятъ видѣть болѣе первоначальной чистоты въ формахъ санскрита и латинскаго языка, и если не прочь допускать и въ нихъ звукъ т, только выброшенный, то никакъ не думаютъ придавать ему значеніе въ самостоятельномъ корнѣ, а лишь въ окончаніи. Такъ Веберъ, переходя отъ svasṙ черезъ svasar къ svastar, предполагаетъ послѣднее образовавшимся изъ suastar, а это происшедшимъ изъ соединенія двухъ корней: su, хорошо, прекрасно, и as, быть, существовать, и образовательной приставки tar (-tṙ), участвующей въ названіяхъ санскритскихъ и при родственныхъ именахъ, какъ для отца, брата и др. Отсюда, по его мнѣнію, svasṙ, сестра, означаетъ хорошо существующую, дружелюбную, или, съ причиннымъ значеніемъ, доставляющую счастіе, заботливую ([59]). Не говоря уже ничего противъ отвлеченности значенія, едва-ли согласной съ воззрѣніями столь глубокой древности, изъ какой несомнѣнно идетъ слово сестра, мы позволимъ себѣ замѣтить касательно формальной стороны, что едвали основательно брать за образецъ первобытнѣйшей чистоты слова германскій и славянскій языки, сравнительно съ санскритомъ, зендомъ и латинскимъ, и не потому, чтобы мы не допускали возможности сохраниться крѣпче и чище той или иной формѣ въ языкахъ сравнительно новѣйшихъ, а потому. что звукъ т въ окончаніи существ. сестра въ славянскомъ языкѣ легко можетъ быть объясненъ весьма обычною его вставкою между с и р, какъ, на оборотъ, звучное д вставляется между звучными з и р: страженіе вм. сраженіе, страмъ вм. срамъ, пестрый вм. песрый, ноздри вм. нозри (изъ носри). Слѣдовательно, надобно бы было прежде доказать, что въ данномъ словѣ слав. языка звукъ т не есть евфоническая вставка и что форма сестра подкрѣпляетъ, такимъ образомъ, первобытность германской svistar, süestar, а не противорѣчитъ ей. Въ противномъ случаѣ, одни германскія нарѣчія ни въ какомъ случаѣ не въ силахъ перевѣсить согласія санскрита, зенда, латинскаго, литовскаго и славянскаго, который евфоничностью звука

т только подтверждалъ бы непринадлежность этого звука основной формѣ. Вотъ почему намъ и кажется гораздо вѣрнѣе взглядъ на образованіе разсматриваемаго названія, предложенный г. Пиктэ. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, онъ принимаетъ скр. svasṛ (svasar) за исходную форму, и видитъ въ ней болѣе древнее окончаніе ar (-ṛ), равносильное болѣе распространенному и позднему tar (-tṛ), какъ çâsar, повелитель, rathêshtar, воинъ, dêvar, деверь и др. Болѣе убѣдительности, на нашъ взглядъ, заключаетъ въ себѣ и толкованіе г. Пиктэ о происхожденіи самаго слова и его первоначальномъ значеніи. По такому толкованію, svasṛ составлено изъ предлога sa, вмѣстѣ, съ, и глагольнаго корня vas, обитать, жить, такъ что svasṛ означало бы первоначально живущую вмѣстѣ (съ братомъ, прибавляетъ Пиктэ). Звукъ a въ предлогѣ могъ утратиться точно такъ же, какъ утратилось u въ strî, изъ sutrî ([60]). Не имѣя сами ничего сказать новаго, мы только отмѣтимъ бо̀льшую вѣроятность и меньшую степень натяжекъ въ послѣднемъ объясненіи.

До сихъ поръ названія родства не выходили изъ круга самыхъ ближайшихъ лицъ: мужа и жены, отца и матери, сыновей и дочерей. Это количество родственныхъ лицъ неизбѣжно должно было умножиться, какъ скоро и послѣдніе, сыновья и дочери, дѣлались мужьями и женами. Образуя новую семью въ старой семьѣ, съ новыми дѣтьми, тѣмъ самымъ вводили они и новыя отношенія этого молодаго поколѣнія къ старому, которыя требовали и новыхъ названій, съ больше или меньше опредѣленнымъ выраженіемъ такихъ отношеній. Послѣднія естественно должны были выразиться въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи прямомъ, при указаніи взаимныхъ отношеній между дѣтьми дѣтей, съ одной стороны, и родителями родителей, съ другой, и въ направленіи боковомъ, между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами родителей. Остановимся прежде на первомъ.

Идя по нисходящей линіи отъ отца и матери къ дѣтямъ и отъ этихъ къ ихъ дѣтямъ, мы находимъ отношенія послѣднихъ къ первымъ и обратно выраженными въ слав. языкѣ словами: внукъ — внука и дѣдъ — баба.

Старославянскія формы ун҃укъ — унука, сохранившіяся безъ приставнаго придыхательнаго в и въ нѣкоторыхъ живыхъ

нарѣчіяхъ, яснѣе указываютъ на коренное значеніе, опредѣляя прямо происхожденіе отъ унъ, произносимаго въ русск. языкѣ юнъ, юный. Это названіе развилось, кажется, уже на почвѣ чисто славянской, соотвѣтствуя въ родственныхъ языкахъ инымъ словамъ. Наиболѣе распространенное изъ нихъ удержалось и въ славянскомъ языкѣ, только при обозначеніи иного родства, и мы остановимся на немъ, когда коснемся послѣдняго. Ежели сообразимъ соотвѣтствіе славянскаго унъ-юнъ санскитскому ûna, въ смыслѣ малый, слабый, то увидимъ, что народъ славянскій обозначилъ родственное отношеніе внуковъ къ отцу и матери ихъ родителей идеей молодости, юности, и съ тѣмъ вмѣстѣ малости и слабости ([61]).

Обратному отношенію ближе всего было выразиться въ такомъ терминѣ, который бы содержалъ противоположную идею, идею величины и старости. Нѣкоторые языки, дѣйствительно, эту идею и заключаютъ, прилагая только ее къ понятію отца. Отсюда, скр. pitâmaha, греч. μέγας πατήρ, нѣм. gross vater, т. е. великій, большой отецъ. Другіе, напротивъ, ограничиваются терминомъ, заимствованнымъ просто и только отъ отца, какъ латин. avus([62]); сюда, полагаемъ, принадлежитъ и славянскій языкъ, съ своимъ выраженіемъ дѣдъ. Мы уже сказали на своемъ мѣстѣ, что основной корень та, въ названіи отца, тата, въ нѣкоторыхъ языкахъ замѣняется посредствомъ звучнаго д, откуда произошло дад, съ тѣмъ-же значеніемъ отца. Такое-то видоизмѣненіе позволяемъ мы себѣ видѣть и въ словѣ дѣдъ, вполнѣ соотвѣтствующемъ, по формѣ, скр. tâta ([63]), гдѣ долгое а послѣдовательно превратилось у Славянъ въ ѣ. И какъ значеніе tâta отъ первоначальнаго отецъ перешло къ обозначенію человѣка почтеннаго, уважаемаго, такъ и литовское dĕdas, соотвѣтствующее нашему дѣдъ, и по формѣ и по значенію, употребляется и въ смыслѣ престарѣлаго человѣка, въ обращеніи къ которому патріархальный бытъ не отдѣляетъ извѣстнаго почтенія. Въ томъ же санскритѣ понятіе дѣда выражается и посредствомъ âryaka, что значитъ собственно почтенный человѣкъ, отъ ârya. Съ существительнымъ dĕdas соединено въ литовскомъ языкѣ и прилагательное didis, въ значеніи большой. Мы рѣшаемся, однакоже, думать, въ противность г. Гильфердингу, что не dĕdas

получило свое значеніе отъ прилагательнаго didis, а, на оборотъ, послѣднее обязано первому. Полагаемъ также, что нѣтъ нужды пріискивать какой либо особый знаменательный корень для дѣда и dĕdas и въ санскритѣ, какъ это дѣлаетъ Пиктэ, сопоставляя приведенныя слова съ скр. dhâ, dhi, въ значеніи питать, покровительствовать ([64]). Такое словопроизводство можно признать развѣ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ pitŕ производятъ отъ pa, т. е. что изъ дѣтскаго сочетанія pa, обратившагося въ названіе отца, въ послѣдствіи образовался корень съ соотвѣтственнымъ значеніемъ питать. Въ настоящемъ случаѣ, участвуетъ такимъ же образомъ сочетаніе та, давшее тата, съ видоизмѣненіемъ въ да (дада), чего не отрицаетъ и г. Пиктэ. Быть можетъ, что и изъ этого сочетанія образовался корень да и dha.

Что въ выраженіи дѣдъ заключалась первоначально идея объ отцѣ, кромѣ лат. avus, собственно отецъ, видно изъ соотвѣтствующаго ему термина женскаго пола, баба. О коренномъ тожествѣ баба и папа говорено нами выше; тамъ же указано и на замѣну кое-гдѣ послѣдняго первымъ, при отнесеніи этого слова къ отцу. Но славянскій языкъ преимущественно пріурочилъ выраженіе баба къ названію матери родителей, какъ соотвѣтствующее дѣду. Это соотвѣтствіе идетъ и дальше: какъ дѣдъ, дѣдушка обозначаетъ у Славянъ, кромѣ опредѣленной степени родства, и всякаго старика, такъ и баба, бабушка служитъ для обозначенія старухъ ([65]). Мы видѣли, какъ названія отца и матери переходятъ къ значенію няньки, кормилицы (мр. неня — мать, словацк. nanjo — отецъ, вр. няня, нянька); тоже встрѣчаемъ и въ названіи баба, какъ въ сербскомъ нарѣчіи, гдѣ бабица означаетъ няньку: ђе је много бабица килава су деца ([66]). Здѣсь невольно просится на сближеніе и скр. papu, одинаково происходящее отъ сочетанія pa, наравнѣ съ papa, pitŕ, pater, и означающее няньку. Подобный переходъ значенія не могъ не поддерживаться простымъ бытомъ народа, въ которомъ одною изъ существенныхъ обязанностей бабки есть уходъ за дѣтьми. Въ жизни семейно-родовой, разительные примѣры которой предлагаютъ намъ и теперь поселенія сербовъ и хорватовъ на военной границѣ, гдѣ на долю каждаго молодаго члена, безъ различія пола, воз-

лагается старѣйшиной часть хозяйственныхъ занятій, требующихъ свѣжихъ силъ, наблюденіе за дѣтьми само собою становится обязанностью престарѣлыхъ членовъ.

На основаніи сказаннаго о терминахъ дѣдъ и баба, едва ли мы не въ правѣ съ положительностью утверждать, что первоначальная идея въ нихъ не отдѣлялась отъ отца и матери, какими и могли представиться, дѣйствительно, дѣдъ и баба своимъ внукамъ; что только въ послѣдствіи связалось съ ними отдѣльное значеніе, съ указаніемъ на опредѣленную степень родства, а съ этимъ вмѣстѣ исключительно къ нимъ примѣнились и самыя слова, по крайней мѣрѣ въ славянскомъ языкѣ, и что только за этимъ пріобрѣли они и болѣе общій смыслъ — старика и старухи. Общія названія перваго боковаго родства, надѣемся, еще сильнѣе подтвердятъ нашу мысль; но, держась прямой нисходящей и восходящей линій родства, остановимся прежде на выраженіи въ славянскомъ языкѣ отношеній между дѣтьми внуковъ и родоначальниками — родителями.

Въ этомъ случаѣ, какъ вообще Славяне, такъ и въ частности Русскіе не употребляютъ особыхъ словъ, а повторяютъ тѣже названія: внукъ, внука, дѣдъ, баба съ приставной частицей пра, единичной или двойной, смотря потому, разумѣются ли отношенія между родителями родоначальниками и дѣтьми внуковъ и т. д. Что касается до частицы пра, употребляющейся и въ литовскомъ, какъ pradĕdas (прадѣдъ), встрѣчающейся и въ санскритѣ, хотя и не прямо для обозначенія степени родства, какъ prabhava, начало, поколѣніе, семейство, prasava, рожденіе, потомство, поколѣніе, то ею обозначается отдаленность, если справедливо предположеніе Боппа, что она образовалась изъ пара ([67]) (para). Съ этимъ объясненіемъ согласовалось бы и лат. at, въ atavus (прадѣдъ), которое, по мнѣнію Курція ([68]), соотвѣтствуетъ скр. ati, съ тѣмъ же смысломъ отдаленности. Въ такомъ случаѣ, прадѣдъ значилъ бы отдаленный дѣдъ, прапрадѣдъ — еще болѣе отдаленный. Такъ точно и прабаба и прапрабаба, правнукъ и праправнукъ. Утроеніе пра, кажется, не употреблялось на Руси, по крайней мѣрѣ въ древнее время: вмѣсто прапрапрадѣда встрѣчаемъ выраженіе пращуръ. Такъ, Борисъ Александровичъ тверской говорилъ князю Василію Темному: «а которые

земли и воды потягли къ нашей вотчинѣ, къ Твери и къ Кашину, при моемъ пращурѣ, при В. К. Михаилѣ Ярославиче и при моемъ прапрадѣде, при В. К. Александрѣ Михаиловичѣ.....» ([69]). Даже самое удвоеніе пра не вездѣ было въ ходу, какъ видно изъ слѣд. мѣста ипатіевской лѣтописи ([70]): «начало княженія въ Кіевѣ князя великаго Дюргя сына Владимира Мономаха, внука Всеволожа правнука Ярославля, пращюра великаго Володимира, крестйвшаго всю землю русскую». Отчисленіе термина пращуръ къ лицу нисходящей линіи я считаю очевидною ошибкой и отношу его къ Владиміру святому, прапрадѣду Георгія владиміровича, названному здѣсь пращуромъ ([71]). Подобное различіе значенія пращура, равносильнаго въ одномъ памятникѣ прапрадѣду, въ другомъ прапрапрадѣду указываетъ, полагаемъ, на смѣшеніе этихъ родственныхъ терминовъ, которое легко могло произойти отъ рѣдкости употребленія ихъ, въ слѣдствіе слишкомъ уже отдаленнаго родства. Какъ бы то ни было, но выраженіе пращуръ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, есть самая высшая степень восходящаго родства.

Коренное значеніе слова щуръ довольно темно. Въ старинной письменности церк. славянской оно означало кузнечика, въ нынѣшнемъ употребленіи у Славянъ значеніе довольно разнообразно, переходя отъ насѣкомаго къ ужу и даже къ крысѣ. Сближеніе этого слова съ скр. çura (герой, мужъ), предложенное и объясненное г. Буслаевымъ, во всякомъ случаѣ, кажется намъ гораздо согласнѣе съ свойствами языка славянскаго, нежели сравненіе его съ скр. sthûra (человѣкъ), приведенное г. Гильфердингомъ ([72]). Такимъ образомъ, по первому объясненію, въ словѣ пращуръ сливались бы въ одно двѣ идеи: о предкѣ и о героѣ; подобное сліяніе нашло-бы подтвержденіе и въ понятіяхъ древнѣйшаго и патріархальнаго народа вообще о предкахъ, возводимыхъ не только въ рядъ героевъ, но и домашнихъ божествъ: они являлись покровителями дома, очага, рода; ихъ боготворили въ качествѣ пенатовъ. Нынѣшнее значеніе щура не только не опровергаетъ такого понятія о предкахъ, а скорѣе подтверждаетъ и оправдываетъ его: въ этомъ значеніи заключается олицетвореніе душъ умершихъ въ тѣхъ насѣкомыхъ и животныхъ, которыя тѣсно связаны съ домомъ, которыя, въ

силу такаго олицетворенія, пользуются и благоговѣйнымъ почеомъ ([73]). Сила и общераспространенность почтенія и боготворенія предковъ выразилась и въ первые вѣка христіанства у Славянъ, въ перенесеніи терминовъ прадѣда и дѣда на Бога: «аще ли мя твориши прадѣдом или дѣдом себѣ, то чему мя не чтеши, якож добри уницы прадѣды и дѣды чтят.» ([74]) На боготвореніе предковъ указываютъ и примѣры производства язычниками своего рода и народа отъ боговъ, какъ, напр., въ Словѣ о Полку Игоревѣ: стри божи внуци, дажьбожь внукъ и т. п.

Боковое отношеніе между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами ихъ родителей выразилось у Славянъ точно также особыми названіями. Наиболѣе общія изъ этихъ названій, наиболѣе распространенныя и въ настоящее время суть: дядя и тетка. Коренное значеніе обоихъ сводится къ тому же понятію отца, изъ котораго образовались термины для дѣда и бабки. Что касается до слова дядя, то въ немъ нельзя не видѣть подобнаго же видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ и въ дѣдъ; въ звукѣ ѧ легко могъ скрываться и носовой звукъ, слышный доселѣ въ значительной части нарѣчій славянскихъ, какъ дундо въ нарѣчіяхъ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, словацкомъ и лужицкомъ. Въ самомъ старославянскомъ нарѣчіи попадается форма дѧдѧ ([75]). Не говоря о замѣнѣ звука т посредствомъ д, о чемъ сказано выше, замѣтимъ, что переходъ кореннаго а въ славян. языкѣ въ ѧ и ѫ довольно обыченъ, какъ и усиленіе а въ ѣ. Такимъ образомъ, корень сад, обращаясь въ славян. языкѣ въ сѣд, является и въ видѣ сѧд. Примѣнимость идеи отца къ дядѣ, неоднократно указывавшаяся нами прежде, подтверждается и ближайшимъ къ нему по родству тета — тетка, единство происхожденія котораго съ тата не можетъ подлежать сомнѣнію ([76]). Литовскій языкъ служитъ близкимъ поясненіемъ; въ немъ также находится выраженіе teta, съ значеніемъ сестры отца или матери, и въ тоже время tetis, отчикъ tẽtajtis, tẽtàtis, tẽtùttis, отецъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ терминъ для дяди есть лишь легкое звуковое видоизмѣненіе выраженія для отца, именно vetter.

Послѣ того, что говорено нами о сліяніи идеи отца и матери въ самыхъ названіяхъ въ языкахъ родственныхъ, изъ которыхъ одни удержали извѣстный корень для выраженія отца, другіе

тотъ же корень для матери, и наоборотъ, не можетъ казаться особенно страннымъ отнесеніе идеи отца къ сестрѣ отца или матери, т. е. къ теткѣ. Русскій языкъ, сколько извѣстно, съ первой поры исторіи, не дѣлалъ точнаго различія въ выраженіяхъ дядя и тетка, употребляя первое одинаково и для мужа тетки, или матери сестры, второе и для жены дяди, брата отцова. Принимая, однакоже, въ соображеніе другія нарѣчія и говоры славянскіе, едва-ли мы въ правѣ отрицать строгое нѣкогда отличеніе родства въ древней Руси и въ этомъ отношеніи. Такъ, въ сербскомъ и хорватскомъ нарѣчіяхъ доселѣ еще мужъ называется тетак (хорв. tetac); Бѣлоруссы же и Малоруссы именуютъ жену дяди—дядина (дзядзина) ([77]). Сводя, въ заключеніе, сказанное о названіяхъ: дѣдъ и баба, дядя и тетка, приходимъ къ тому выводу, что во всѣхъ нихъ содержится общая идея отца—матери, и что первое и два послѣднихъ суть только видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ баба есть подобное же видоизмѣненіе общеупотребительнаго папа. Такимъ кореннымъ значеніемъ дяди легко объясняется и значеніе слова дядька, какъ воспитателя, пѣстуна, одинаково извѣстнаго и въ древнее и въ нынѣшнее время ([78]).

Названія дядя и тетка, какъ выражающія понятія слишкомъ общія, безъ различія разнообразныхъ оттѣнковъ родства, не удовлетворяли Славянъ,—и въ ихъ языкѣ съ незапамятныхъ поръ усматриваемъ мы нѣсколько новыхъ терминовъ, въ сущности для тѣхъ же понятій, только болѣе точно и подробно опредѣляющихъ самыя мелкія особенности. Вниманіе къ подобному разграниченію родства въ одной и той же степени необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а черезъ это и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ, которые приходится намъ собирать отрывками, относится къ самому полному развитію семейно-родо-

вой жизни. Въ такомъ состояніи для членовъ въ родѣ сама собою представилась надобность выдѣлить изъ общаго понятія дядя брата отца и брата матери; та же, конечно, надобность побуждала къ болѣе строгому опредѣленію и племянниковъ съ племянницами, которые могли быть дѣтьми братьевъ и сестеръ. Эта чуткость къ особенностямъ родственныхъ отношеній и породила особыя выраженія, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ существуютъ и донынѣ у Славянъ, разумѣется, всего сильнѣе тамъ, гдѣ успѣхи новѣйшей цивилизаціи не проникли слишкомъ глубоко въ старину патріархальную. — Укажемъ прежде частныя названія дядей и тетокъ съ племянниками и племянницами, извѣстныя изъ древнихъ памятниковъ письменности славянской, а затѣмъ взглянемъ, что изъ нихъ уцѣлѣло въ древне-русской жизни.

Дядя по отцу, или братъ отца, именовался у всѣхъ безъ исключенія Славянъ стрыемъ или стрыйцемъ. Происхожденіе этого слова затемнилось, и мы отказываемся опредѣлить его ([79]). Думаемъ, однакоже, что литовское strujus, старикъ, родственно славянскому стрыю и сохранило болѣе общее значеніе. Единственно съ подходящимъ значеніемъ уцѣлѣло это слово, въ нѣсколько измѣненной формѣ, и въ русскомъ простонародьи, какъ въ слѣд. мѣстѣ одной сказки: «объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать, баба рыдать, вереи хохотать» ([80]). Здѣсь строй, вполнѣ соотвѣтствуя правописанію древнихъ папятниковъ старо-славянскихъ стрый (стрꙑ), употреблено въ смыслѣ нищаго, калѣки, что указываетъ на старость, подобно малорусскому диду, тоже нищему.

Тетка по отцу, или сестра отца, называлась тѣмъ же словомъ, только въ женской формѣ, стрына или стрына. Вѣроятно, это же выраженіе относилось и къ женѣ стрыя; по крайней мѣрѣ, польско-чешскія: stryjenka, streyna, stryjna, stryna, а также и хорутанское strina до сихъ поръ удерживаютъ это значеніе.

Обратное отношеніе стрыя и стрыи къ дѣтямъ брата выражалось двоякими названіями: сыновья-братаничи или сыновцы, дочери-братаны, братаньны или сыновицы. Общее имя, безъ различія пола, было братучада или собирательное брату-

чадье. Въ этихъ выраженіяхъ обращаютъ наше вниманіе термины сыновецъ и сыновица: своимъ первообразнымъ словомъ и приставками они весьма убѣдительно говорятъ въ пользу указаннаго нами основнаго значенія дяди. Какъ послѣдній представлялся отцемъ относительно племянниковъ и племянницъ, такъ эти, въ свою очередь, являются дѣтьми, только меньшими, сравнительно съ собственными его сыновьями и дочерьми.

Но и у стрыя и стрыни могли быть дѣти, и взаимныя отношенія ихъ къ братучадамъ опредѣлялись также особыми терминами. Исторія языка и простонародное кое-гдѣ употребленіе сберегли для насъ лишь названіе для мужескаго пола, для сыновей стрыя и стрыи, это стрычичъ или, употребляя древнее правописаніе, какъ въ Кормчей книгѣ, стрычишть. Впрочемъ, отсутствіе имени для дочери стрыя или стрыи въ дошедшихъ памятникахъ ни мало не останавливаетъ насъ утверждать положительно, что въ древности пользовалось всеобщею извѣстностью и слово стрычьна([31]). Такимъ образомъ, то, что называемъ мы въ наше время двоюродными братьями или сестрами по отцу, выражалось въ старину терминами: стрычичи и стрычны. Отсюда въ нарѣчіяхъ польскомъ и чешскомъ и теперь прилагательныя: stryjeczny, streyčeny живутъ съ значеніемъ двоюродный. Нарѣчіе старославянское, въ древнихъ своихъ произведеніяхъ, оставило на память и такія степени стрыйнаго родства, какихъ уже не встрѣчаемъ въ живыхъ говорахъ славянскихъ. Такъ Кормчая книга, имѣвшая, между прочимъ, задачею строго обозначить степени родства для браковъ христіанскихъ, упоминаетъ о стрыѣ великомъ, т. е. братѣ дѣда или бабки, о стрыѣ маломъ, т. е. двоюродномъ братѣ отца или матери. Тутъ же находимъ и прилагательное стрыйный съ присоединеніемъ числительныхъ: первый, второй, третій, для опредѣленія двоюродности, троюродности, четверородности, или втораго, третьяго и четвертаго стрыйнаго родовъ. Само собою разумѣется, что въ соотвѣтствующихъ отношеніяхъ родства женщины удерживали названія: великая стрыня и малая стрыня. Отсюда стрыйный первый братъ есть братъ двоюродный, т. е. стричичь, стрыйный второй братъ — троюродный братъ; тоже и относительно сестеръ: стрыйная третья сестра — сестра четверородная. Хорутан-

ское нарѣчіе, съ поразительною цѣлостью сберегшее родственные термины, употребляетъ для великаго стрыя и стрый общій терминъ съ приставкою пре, равносильною въ русскомъ языкѣ пра: престрицъ, препрепрестрицъ. Едва-ли основательно сомнѣваться въ общеупотребительности этого способа въ старину и у всѣхъ остальныхъ Славянъ. То же хорутанское нарѣчіе даетъ намъ право допускать во всемъ славянствѣ и господство нѣкогда особыхъ единичныхъ выраженій для троюродныхъ братьевъ и сестеръ: тамъ находимъ мы еще въ свѣжей силѣ, въ рѣкоторыхъ мѣстностяхъ, термины: стрычичичь или стрыничиничь.

Дядя по матери, или братъ матери, назывался также у всѣхъ Славянъ безъ изъятія уемъ или вуемъ; сестра матери или жена уя называлась уйка или вуйка. Коренное происхожденіе этого слова гораздо яснѣе. Уже Линде и Юнгманъ сопоставляли его съ латинскимъ avus, хотя послѣднее и осталось у нихъ безъ кореннаго опредѣленія; г. Гильфердингъ сблизилъ уй съ скр. avi, въ значеніи господинъ([82]). Послѣ разбора нами основныхъ корней для названій отца, едва ли можемъ усомниться въ непосредственномъ родствѣ славянскаго термина съ скр. глаголомъ av, защищать, покровительствовать, откуда, какъ видѣли, образовалось въ скр. âvuka, отецъ. Формальная сторона слова ни мало не препятствуетъ этому родству: скр. av вполнѣ обыкновенно замѣняется въ славянскомъ посредствомъ *y*, какъ и наоборотъ ([83]). Корень av, взатый индѣйцами для понятія отца, у Славянъ перешелъ къ обозначенію дяди на томъ же основаніи родственной близости, въ глазахъ младшихъ членовъ рода: отца, дяди и дѣда, на какомъ у древнихъ Германцевъ отнесенъ онъ къ дѣду и бабкѣ. Такъ, въ древ. нѣмецкомъ сѣвер. afi (дѣдъ), въ готск. avô (бабка) ([84]). Вмѣстѣ съ Славянами, этотъ же корень отнесенъ къ дядѣ и теткѣ, также по матери, и Литовцами: awýnas, братъ матери, awynėne, жена его или сестра матери, т. е. уй и уйка ([85]).

Обратное отношеніе уя и уйки къ дѣтямъ сестры указываетъ на полное соотвѣтствіе родству стрыйному. Въ послѣднемъ сыновья, какъ сказано, называются братаничи, дочери — братаны, братаньны; здѣсь сынъ сестры есть сестреничъ или се-

стричъ; дочь сестры — сестреница или сестричьна. Но въ первомъ случаѣ, при стрыѣ, находимъ и другой терминъ: сыновецъ и сыновица. Старославянское нарѣчіе, при всей древности письменности, не предлагаетъ въ настоящемъ случаѣ полнаго соотвѣтствія. Тѣмъ не менѣе, оно сберегло хотя одинъ терминъ, который даетъ право изслѣдователю утверждать и тутъ господство этого соотвѣтствія, если не въ пору письменности старославянской, то незадолго до ея появленія, — хотя рѣшительно отрицать параллелизмъ и во время письменности было бы не послѣдовательно, такъ какъ далеко же не все могла захватить она изъ жизни народа. А въ Кормчей XIII вѣка читаемъ: «аще кто поиметъ сестрениць ли дъщерью»; тоже находимъ у Ефрема Сирина, въ памятникѣ XIV вѣка ([86]). Отсюда, позволяемъ заключить во а) что сестреница или дщерша одно и тоже родство; во б) что если употреблялось названіе дщерша, соотвѣтствующее термину сыновица, то, при господствѣ соотвѣтствія братанича и братаны сестричичу и сестричьнѣ, естественно допустить и названіе дщеричь, равносильное сыновцу. Что замѣтили мы о названіяхъ сыновецъ и сыновица, по отношенію къ стрыю и стрыѣ, тоже слѣдуетъ повторить и о дщеричѣ и дщершѣ относительно уя и уйки, т. е. что и тутъ указывается на отеческое и материнское ихъ отношеніе; въ свою очередь, всѣ эти выраженія вмѣстѣ оправдываютъ и другую нашу мысль, какъ языкъ, при одинаковости основнаго значенія, старается оразнообразить различныя отношенія хотя внѣшнимъ видомъ, измѣненіемъ коренныхъ звуковъ, какъ въ словѣ дядя, или присоединеніемъ особыхъ окончаній, какъ дщерша, дщеричь. Общаго имени для дѣтей сестры, подобнаго братучаду, мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ, что̀, впрочемъ, едва-ли способно ослабить предположеніе о существованіи нѣкогда термина сестрѣчадо или сестрычадо. Такое предположеніе, однакоже, не можетъ имѣть силы несомнѣнности, по отсутствію этого названія и въ живыхъ говорахъ славянскихъ, и въ старыхъ произведеніяхъ ихъ письменности. Иное дѣло относительно дѣтей уя или уйки.

Нарѣчіе старославянское, сколько удалось подмѣтить намъ, не сохранило терминовъ для отношеній родства между дѣтьми сестры и дѣтьми ея брата или другихъ сестеръ. При словѣ

стрый, мы указали на бывшія въ ходу названія: стрычичь, стрыйный братъ, стрыйная сестра и т. д.; при названіи уй не находимъ имъ соотвѣтствующихъ выраженій въ памятникахъ старо-славянскихъ, повторяю, на сколько извѣстны намъ послѣднія по рукописямъ или по словарямъ. Но что и здѣсь было полное соотвѣтствіе, что и эта линія родства опредѣлялась словами отъ кореннаго уй въ давнее время у всѣхъ Славянъ, доказываютъ разбросанно уцѣлѣвшіе остатки въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ, а частью въ старинныхъ по нимъ памятникахъ. Такъ, въ соотвѣтствіе стрычичу встрѣчаемъ у Хорватовъ уйчичъ или вуйчичъ, сынъ уя; дочь его — вуйчишна, что оправдываетъ предложенное выше мнѣніе о несомнѣнности нѣкогда господства термина стрычна, въ смыслѣ дочери стрыя. Двоюродное родство по ую опредѣляется донынѣ въ польскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ прилагательнымъ wujeczny, vujeczev или vujczov; по женской половинѣ, по уйкѣ, прилагательнымъ вуйнинъ. Въ старинномъ польскомъ языкѣ находимъ, въ соотвѣтствіе старо-слав. великому и малому стрыю, названія: starszy wuj, братъ прабабки, stary wuj, братъ бабки ([87]); въ старо-чешскомъ попадается praujec, какъ терминъ, вполнѣ равносильный польскому stary wuj, т. е. братъ бабы. Отсюда, и двоюродный братъ по польски есть wujeczny brat. Полагаемъ, что неумѣстно сомнѣваться и въ томъ, что степени родства и въ этомъ случаѣ опредѣлялись также, какъ при стрыйномъ родствѣ, т. е. посредствомъ числительныхъ: первый, второй, третій, съ прилагательнымъ уйный. Нарѣчіе хорутанское и тутъ замѣняетъ прилагательныя великій и малый частицею пре (или предлогомъ пред), повторяемою дважды и трижды. Понятно, что и двоюродные братья, по матери, назывались уйчичи, вуйчичи, сестры — уйчишны; троюродные — уйчичичи, уйчичишны ([88]).

Перейдемъ ко второй части вопроса: какія изъ приведенныхъ названій родства являются въ древней жизни русскаго народа и до какого времени держались они въ ней. Само собою понятно, что далеко не относительно всѣхъ названій можно высказываться положительно: письменность древне-русская, составляющая въ настоящемъ случаѣ единственное пособіе, конечно, не могла во всей подробности выразить всѣхъ особенностей жизни, а потому

естественно допустить возможность многихъ въ ней пропусковъ и по части родственныхъ названій, хотя на самомъ дѣлѣ, въ жизни, многія изъ нихъ могли существовать въ такой же силѣ, какъ и у другихъ Славянъ. Но есть и въ письменности очевидные слѣды забвенія нѣкоторыхъ названій, когда частныя родственныя отношенія опредѣляются уже не частными именами, а общими, утвердившимися въ языкѣ до послѣдняго времени. Слѣдовательно, хотя приблизительно, есть основаніе не безъ отвѣта пройти вопросъ: въ полной ли цѣлости представляется намъ родъ въ древней Руси, или уже съ потрясеніемъ, и въ чемъ прежде всего выразилось это потрясеніе.

Названіе стрый употреблялось долгое время въ памятникахъ; принимая же во вниманіе правильность значенія этого слова, являющагося постоянно въ смыслѣ брата отца, слѣдуетъ заключить, что и родство этой степени и линіи не подвергалось колебанію и смѣшенію. Форма стръи, исключительная въ древнѣйшей части лѣтописи Новгородской, вообще отличающейся строгимъ соблюденіемъ древнихъ свойствъ языка ([89]), указываетъ прямо на упомянутое уже нами сходство съ литовскимъ strujus, по родству ъ-ра преимущественно съ звукомъ у. Такъ, подъ 1158 годомъ этой лѣтописи ([90]) читаемъ: «и посла (Мстиславъ Изяславичъ) Ростислава стръя своего Кыеву на столъ»; подъ 1175 годомъ той же лѣтописи: «томь же лѣтѣ вьниде самъ въ Новъгородъ, бився съ стръемъ своимъ Михалкомъ»; подъ 1177 годомъ: «слѣпленъ бысть Мстиславъ Князь отъ стръя своего Всеволода»; подъ 1269 годомъ: «не хочю (говорилъ Дмитрій Александровичъ) взяти стола передъ стръемъ своимъ». Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1164 годомъ: «стрый ти умерлъ, а по Олга ти послати». Впрочемъ, въ послѣдней лѣтописи господствуетъ преимущественно форма строй: «Ростиславъ же поклонися строеви своему Гюргеви и пойде въ Смоленскъ», читаемъ подъ 1155 годомъ. Находимъ и уменьшительную форму стрыйко: стрыйко нашь Швидригайло ([91]). Женскій родъ стрыня составляетъ рѣдкость въ памятникахъ, но и одного случая въ Ипатьевской лѣтописи достаточно, чтобы считать и его столь же обычнымъ терминомъ въ древнее время на Руси, какъ и мужескій родъ стрый. Подъ 1155 годомъ находимъ такое выраженіе: «Ростиславъ же

поима стрыню свою съ собою и поиде къ строеви своему». Этотъ Ростиславъ, Князь Смоленскій, былъ сынъ Мстислава; слѣдовательно, братъ послѣдняго, Юрій Долгорукій, былъ ему стрыемъ, а жена Юрья, о которой идетъ здѣсь рѣчь, должна считаться стрыней. Въ современномъ русскомъ языкѣ самое слово стрый уцѣлѣло какъ рѣдкость, въ формѣ строй, и уже безъ всякаго намека на какое бы то ни было родство.

Столь же обыкновенны въ старину и названія братаничъ и сыновецъ. Первое попадается въ памятникахъ въ двухъ формахъ: братаничь и братанъ: Князь великій Святославъ Ивановичь Смоленскій съ вокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничь его, Князь Иванъ Васильевичь; и онъ (кн. Константинъ Дмитріевичъ) не хотя быти подъ своимъ братаничемъ (т. е. подъ сыномъ В. Кн. Василья Димитр.), и Князь Василій въ зверже нелюбье нань; се Яропълкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему; и почася молити о братанѣхъ своихъ; прибѣже изъ Царя града братанъ царевъ, Кюръ Андроникъ. Отсюда и названіе дочери брата братанична или братаньна: призва Всеволодъ Гюргевичь Володимера Святославича къ себѣ Володимерю, и вда зань свою братанъну (по другому списку братаничну), Михалкову дочерь. Ипатьевская Лѣтопись, удержавъ и общее названіе для сыновей и дочерей брата — братучадье, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ этомъ сложномъ словѣ двоякимъ окончаніемъ отличила первыхъ отъ послѣднихъ: братучадо, сынъ брата, братучада, дочь брата: другій свѣтъ створиша на убьенье его со Александромъ братучадомъ его; бѣ братучада его за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасья ([92]). Всѣ эти выраженія, хотя и не всегда съ строго опредѣленнымъ значеніемъ древности, существуютъ и донынѣ въ языкѣ простаго народа русскаго, образовавшаго и особый при этомъ терминъ братаниха, для обозначенія жены брата ([93]).

Не менѣе въ ходу было и второе названіе сыновецъ съ женскимъ сыновица: и ту пріѣха къ нему (къ кн. Юрью) Святославъ Олговичь, веля ему пріяти въ любовь сыновца своего, Всеволодича; преставися Князь Смоленскыи Давидъ, постригъ ся въ схиму, и сѣде сыновець его въ Смоленску Мьстиславъ; пріѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Все-

володичь ([94]). Въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ, кажется, безслѣдно пропалъ этотъ терминъ, если позволительно заключать такъ по областному великорусскому словарю, изданному Акад. Наукъ, и по дополненію къ нему.

Видимо слабѣе удерживались и въ старину термины для потомственнаго стройнаго родства: кромѣ существительнаго стрычичь, кажется, не уцѣлѣло въ русской письменности другихъ названій отъ имени стрый: и посла Мстислава по стрыйчича своего ([95]). Самое прилагательное стрыйный, служившее долго у древнихъ Славянъ, отчасти служащее и донынѣ у нѣкоторыхъ поколѣній для обозначенія, при пособіи числительныхъ, двоюродности, троюродности и т. д., какъ видно, забыто было издавна русскимъ народомъ; не замѣтно у него изстари и отличія между великимъ и малымъ стрыемъ, какъ въ старо-славянскомъ, или между старшимъ и старымъ, какъ въ старо-польскомъ. Во всякомъ случаѣ, родство стрыйное сберегалось въ бо̀льшей силѣ, нежели уйное, какъ сейчасъ увидимъ.

Существительное уй, въ значеніи брата матери, было обыкновенно въ древней Руси. Въ лѣтописи Нестора читаемъ: «Володимеръ бѣ отъ Малуши..., сестра же бѣ Добрыня, бѣ Добрыня уй Володимеру; и выиде противу имъ Володимеръ... къ Теребовлю, и угры приведъ, бана, королева уя ([96]). Женскій родъ уйка, прилагательное уйный, равно уйчичъ и другія производныя отъ уй названія родства ни разу не встрѣтились мнѣ при чтеніи чисто русскихъ памятниковъ. Когда сообразимъ, что и по другимъ нарѣчіямъ славянскимъ, не исключая и старо-славянскаго, находимъ въ этомъ родствѣ болѣе забытаго, чѣмъ въ стрыйномъ, то едва ли не въ правѣ заключить о болѣе раннемъ его забвеніи и Русскими, не сберегшими отъ него ни одного термина, съ самой первой поры письменности, кромѣ кореннаго уй. И въ нисшей степени, въ названіяхъ для племянника и племянницы по сестрѣ, замѣчаемъ также больше потерь уже въ глубокой древности. Въ письменности встрѣчается лишь одинъ родъ названій: сестричичь и сестричьна, а о соотвѣтствующихъ сыновцу и сыновицѣ нѣтъ и намека: Изяславъ же посла напередъ Святослава, сестричича своего, Чернигову; послаша Новогородци Кузьму Твердиславля и Олександра Борисовича..., а отъ владыкы сестричича его

Матвея; вельядскій Кумендерь Гостило и сестричичь местеровъ Тимоѳеи. Попадается и форма сестричь: пожаловати игумену и святой братьѣ взяти въ монастырь сестричя моего, Василья Иванова сына Плещеева ([97]).

Изъ всѣхъ частныхъ названій боковаго родства, употреблявшихся въ древнее время на Руси, уцѣлѣли въ говорѣ простаго народа только два, это: братанъ, о которомъ уже сказали мы, и сестренница или сестрія, но съ значеніемъ уже инымъ, именно, двоюроднаго брата и двоюродной сестры. Послѣдній терминъ находимъ съ такимъ значеніемъ еще подъ 1572 годомъ: «а понялъ Князя Володимера дочерь Настасію, сестрію Борисову» ([98]). Вмѣсто остальныхъ названій, какъ для обозначенія племянниковъ съ племянницами, такъ и дядей съ тетками, установились общіе термины, появленіе которыхъ въ языкѣ замѣтно весьма издавна. Самыя слова, кромѣ приведенныхъ двухъ, да рѣдчайшаго строя, кажется, исчезли безслѣдно изъ языка русскаго: въ немъ рѣшительно не слыхать уже ни объ уѣ, ни о сыновцѣ и сыновицѣ, ни о братаннѣ и сестричичѣ, ни о стрынѣ и стрычичѣ. Между тѣмъ, замѣчательнѣйшая часть ихъ принадлежитъ нарѣчію польскому, и всѣ они, безъ исключенія, пользуются полнымъ практическимъ примѣненіемъ у югославянскихъ народовъ, у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Само собою понятно, что утративши частныя названія, народъ русскій долженъ былъ замѣнить ихъ другими, болѣе общими; среди такихъ названій наиболѣе древними встрѣчаемъ мы тетку и нетія, за тѣмъ племянниковъ и племянницъ. Что касается до дяди, то позднее его укорененіе въ языкѣ видно уже изъ продолжительнаго сохраненія, какъ показали мы, частныхъ выраженій: уя и стрыя.

Значеніе и происхожденіе слова тетка намъ извѣстно; давнее же его употребленіе вмѣсто стрыни и уйки замѣтно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «родися у Князя Всеволода четвертая дчи, и крести ю тетка Олга», читаемъ подъ 1179 годомъ, въ лѣтописи ипатьевской; «пріѣха Мьстиславъ Мьстиславичь и тетка еи (Евфросиньи, дочери Ростислава Рюриковича) Передслава», тамъ же, подъ 1198 годомъ. Замѣнивши такъ рано частныя названія, слово тетка издавна стало употребляться и съ опредѣлительными великій и малый, вмѣсто великая и малая стрыня или уйка,

для обозначенія сестры дѣда или бабки и сестры двоюроднаго дяди. Такое, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе находимъ въ Кормчей книгѣ, а трудно допустить, чтобы послѣдняя не сближалась въ этомъ случаѣ, въ спискахъ русскихъ, съ жизнію народа русскаго.

Второе общее названіе, успѣвшее уже утратиться изъ языка русскаго, есть нетій, употреблявшееся въ значеніи племянника, безъ различія происхожденія отъ брата и сестры, съ первыхъ страницъ лѣтописи отечественной. Въ договорѣ Русскихъ съ Греками, 945 года, два раза упоминается нетій Игоревъ; въ лѣтописи Никоновской также читаемъ: «Волкъ же служа царю Мусулману съ нетии своими, рекше съ сестричи» ([99]). Послѣднія объяснительныя слова, очевидно, свидѣтельствуютъ о забвеніи настоящаго смысла нетія и, на оборотъ, о знакомствѣ съ значеніемъ сестрича: и мы видѣли, что послѣдній, дѣйствительно, пользовался правильнымъ употребленіемъ на Руси еще въ XV столѣтіи. Почему объяснитель сопоставилъ нетія съ сестричемъ, а не съ братаничемъ, рѣшить, конечно, не легко, но думаемъ, что онъ не оставался при этомъ безъ вліянія сербскаго нарѣчія. Въ послѣднемъ, въ самомъ дѣлѣ, нећак и жен. нећака употребляются теперь, употреблялись и въ старину въ смыслѣ племянника и племянницы по сестрѣ и, слѣдовательно, вполнѣ соотвѣтствуютъ сестричу и сестренницѣ. Кормчая книга, перенесенная къ намъ отъ южныхъ Славянъ, въ которой читается: сестричищь нети глаголеться, могла служить объяснителю весьма подручнымъ пособіемъ. Но это, однакоже, не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы нетій и въ старо-русскомъ языкѣ обозначалъ частное, а не общее понятіе: въ пользу именно послѣдняго говорятъ и примѣры старо-славянскаго нарѣчія ([100]), и древнее и нынѣшнее чешское нарѣчіе, въ которомъ уцѣлѣла замѣчательная форма женская: neti, род. neteře, съ значеніемъ вообще племянницы. На тотъ же общій смыслъ указываетъ и происхожденіе, по крайней мѣрѣ родство славянскаго выраженія съ родственнымъ названіемъ другихъ языковъ индоевропейскихъ.

Отрицать коренное родство слав. нетии съ скр. naptŕ, съ латин. nepot (is), съ древне-нѣмецкимъ neft, nefo и съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ neffe, родство, указываемое всѣми современными филологами, касавшимися этого предмета, думаемъ, рѣ-

шительно неосновательно. Звуковая сторона не предлагаетъ никакого къ тому повода. Образовательное окончаніе ar, являющееся въ санскритѣ (naptṛ-naptar) и вовсе невидное въ славянскомъ нетии, оправдывается потерею и въ латинскомъ, и въ древнегерманскомъ, оправдывается утратою, хотя и болѣе позднею и не столь всеобщею, и въ другихъ родственныхъ названіяхъ, напр., въ словѣ братъ. Но чешская форма neti (neteře) осталась и фактическимъ доказательствомъ дѣйствительнаго нѣкогда присутствія приставки ar и въ выраженіи нетии, и въ латинск. nepot, и въ германск. nept. Что касается до отсутствія звука п (-р) передъ т, въ нетии, принадлежащаго и латинскому и нѣмецкому языкамъ, хотя въ послѣднемъ и съ обычнымъ превращеніемъ его въ родственное f, то законы славянскаго звукосочетанія способны объяснить такое отсутствіе самымъ убѣдительнымъ образомъ: выпаденіе губныхъ п и б передъ т — явленіе весьма обыкновенное; стоитъ, напримѣръ, припомнить хотя образованіе неопредѣленнаго наклоненія въ старо-славянскомъ нарѣчіи отъ корней, оканчивающихся на губные: чрѣти, вм. чрьпти, грети, вм. гребти, и др. Такимъ образомъ, и нетии предполагаетъ первоначальную форму нептии.

Гораздо сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе вопросъ о происхожденіи слова naptṛ и основномъ его значеніи. Не удивительно поэтому и замѣчательное разнообразіе въ объясненіяхъ самыхъ первокласныхъ филологовъ, до сихъ поръ не установившихся твердо ни на одномъ рѣшеніи. Послѣднее сводится у каждаго больше къ догадкамъ и предположеніямъ, которыя имѣютъ цѣну только субъективнаго убѣжденія и весьма мало объективной убѣдительности. Подобная нерѣшительность и нетвердость служитъ очевиднымъ доказательствомъ затемненности корня и въ самой древней формѣ слова. По нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ и звуковой стороны и значенія этого загадочнаго выраженія новѣйшее толкованіе, предложенное господиномъ Пиктэ, давшимъ мѣсто и критической оцѣнкѣ всѣхъ прежнихъ толкованій: Потта, Боппа, Куна, Бенфея, Вебера ([101]). По мнѣнію его, существительное naptṛ (-naptar) сложено изъ трехъ частей: а) na, вмѣсто gna, ǵna, съ значеніемъ семья, поколѣніе; б) изъ причастія pât (вм. pânt), отъ глагольнаго корня pâ,

съ значеніемъ охранять, оберегать; и наконецъ, в) образовательнаго окончанія ar(=ŕ). Опущеніе звука g (ǵ) въ первой составной части объясняетъ онъ примѣрами изъ санскрита и изъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ такое опущеніе не подлежитъ сомнѣнію, какъ скр. nâ, значеніе, отъ ǵnâ, знать; nâman, имя, отъ того же глагола ǵna; латинск. nomen, natus; англо-саксонск. cnafa, knapa, новоанглійское knave, въ произношеніи теряютъ k, какъ now, вм. know; ирландск. gnia употребляется на ряду съ nia (племянникъ) и т. д. Ослабленіе причастной формы pât объясняется ослабленіемъ въ зендскомъ ṕitar въ ptar, отъ того же, какъ извѣстно, корня pâ. Коренное значеніе, такимъ образомъ, слова naptŕ должно быть: хранитель, продолжатель семьи, рода, поколѣнія. И это значеніе, какъ ни кажется оно съ перваго взгляда натянутымъ, находитъ поддержку и оправданіе въ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ санскрита, какъ: kula dhâraka, сынъ, собственно хранитель племени (изъ kula и dhŕ), или kulavard hana, тоже сынъ, а собственно увеличивающій, умножающій родъ, семью (отъ vŕdh, расти).

Столь общее значеніе, заключенное въ корнѣ существ. naptŕ, слав. нетии, примѣнимое вообще къ младшимъ членамъ рода, объясняетъ, прибавимъ мы, и разнообразное примѣненіе этого термина къ степенямъ родства у разныхъ народовъ. Такъ у однихъ онъ отнесенъ къ сыну ([102]), какъ gnabat у Галловъ, nidr у Скандинововъ; у другихъ къ внуку, какъ у Индѣйцевъ, Римлянъ, отчасти у древнихъ Германцевъ; у третьихъ къ племяннику, какъ у Нѣмцевъ и у Славянъ; у четвертыхъ, наконецъ, къ потомку вообще, какъ въ греческ. выраженіи νέποδες.

Раннее забвеніе Славянами русскими названія нетій, замѣтное изъ рѣдкаго употребленія его въ старину и изъ смѣшенія въ позднихъ памятникахъ съ сестричемъ, до нѣкоторой степени объясняется продолжительнымъ употребленіемъ частныхъ терминовъ, попадающихся въ письменности, какъ видимъ, вплоть до XVI столѣтія. Съ замираніемъ въ языкѣ послѣднихъ, народъ остановился на другомъ общемъ выраженіи, которое, вѣроятно, казалось ему болѣе понятнымъ и удобнымъ, нежели нетій. Быть можетъ, на введеніе новаго общаго термина имѣло вліяніе и неудобство составить изъ прежняго женскій родъ. Какъ бы то ни

было, но съ XVII вѣка, а можетъ быть и съ XVI, входитъ въ письменность названіе племянникъ и племянница, съ нынѣшнимъ его знаменованіемъ; съ этимъ, кажется, вмѣстѣ, изгоняетъ частные термины и общій дядя.

Еще въ половинѣ XV вѣка, названіе племянникъ имѣетъ самый широкій смыслъ, именно лица, принадлежащаго одному и тому же племени, роду, т. е. смыслъ, какой и долженъ прежде всего принадлежать этому слову, согласно съ его образованіемъ и происхожденіемъ отъ существительнаго племя. Въ судебникѣ Іоанна III читаемъ: «а ѣздити недѣлщикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными или своихъ племянниковъ и людей посылати съ приставными» ([103]). Въ началѣ XVII столѣтія, тоже самое слово употребляется уже въ современномъ, ограниченномъ значеніи, на ряду съ дядей. Въ грамотѣ 1512 года читаемъ: «а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядъ племянники... похотятъ взяти»... или подъ 1640 годомъ:» и намъ бы изъ слободъ крестьянъ и отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью и отъ дядь племянниковъ... велѣть вышускать» ([104]). Такъ какъ и само слово племя входитъ въ рядъ родственныхъ названій, то въ настоящемъ случаѣ находимъ удобнымъ остановиться на основномъ его значеніи, тѣмъ болѣе, что и въ современномъ употребленіи значеніе его далеко не однообразно.

Существительное племя въ языкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ обозначаетъ собою совокупность всѣхъ лицъ, сознающихъ единство происхожденія, свою родственность, какъ бы ни была далека она. Съ этой стороны, оно является какъ бы синонимомъ роду. На синонимичность обоихъ словъ указываетъ, полагаемъ, и самое происхожденіе.

Ближе всего корень существительнаго племя стоитъ въ связи съ скр. par (-pṛ), съ греко-латинскимъ πλεω, pleo, въ смыслѣ наполнять, умножать, въ страдательномъ значеніи — умножаться, расти. Отъ этого корня образовались и въ родственныхъ языкахъ выраженія, вполнѣ соотвѣтствующія въ славянскомъ не только племени, но и плъку (рус. полку), имѣющему въ основѣ своей тотъ же корень pṛ и означающему первоначально множество, толпу ([105]). Такъ, литов. pulkas и по формѣ и по значенію равное слав. плъкъ, древне-верхне нѣмецкое folc, нынѣшнее нѣ-

мецкое volk, съ обычнымъ переходомъ p въ f, древне-сѣверно германское flockr, латин. populus, образованное посредствомъ удвоенія, наконецъ, греч. πλῆθος, — всѣ съ значеніемъ толпы, множества и, наконецъ, народа. Этотъ естественный переходъ значенія отъ умноженія, нарощенія къ народу находитъ подтвержденіе во многихъ примѣрахъ индоевропейскаго языка. Не говоря уже о словѣ народъ, происходящемъ отъ родъ, которое, по своему корню rudh, рости, означаетъ прежде всего возросшее, умножившееся, сравнимъ корень tu, также рости, отъ котораго пошли слѣдующія выраженія: оское tovto, умбрійское tutu, община, готск. thiuda, летск. tauta, народъ, страна, древне-ирское tuath, народъ, и др. ([106]).

Коренное значеніе слова племя дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ и простонародное русское выраженіе: оставить на племя (о животныхъ), т. е. на приплодъ, на умноженіе. Съ такимъ общимъ значеніемъ умножившагося, возросшаго отъ одного корня, отъ одного родоначальника мы и застаемъ слово племя въ древнѣйшей письменности славянской. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1195 годомъ, читаемъ: и позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя; или въ русской припискѣ къ апостолу XIV вѣка: дахъ книгы си отъ стѧжаниꙗ своего къ ст҃ому въскресенію собѣ въ здравиѥ и братии своеи и подроужию моѥмоу и чадомъ своимъ и всѣмоу плѣмени своѥмоу а отцю своѥемоу на памѧть и мт҃ри своѥи и всѣмоу племени своѥмоу изъ мѣршимъ ([107]). Равносильнымъ такому значенію слова племя находимъ въ тѣхъ же памятникахъ и существительное родъ: шедъ бо въ гору синайскую (Воишелгъ) отъ отца своего и отъ рода своего... позна истинную вѣру ([108]); въ припискахъ къ рукописямъ церковнымъ не рѣдко встрѣчаемъ замѣну слова племя словомъ родъ. Первоначальное тожество обоихъ существительныхъ знаменательно удержалось до сихъ поръ въ простонародной русской словесности: въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ: оба слова весьма обыкновенно являются въ нихъ нераздѣльно, въ видѣ тавтологіи ([109]). Поэтому нисколько не удивительно, что и существительное племянникъ является въ старину синонимомъ слову родственникъ, слѣдовательно съ общимъ смысломъ, на что примѣры указали мы еще изъ XV столѣтія. Это общее зна-

ченіе сохраняетъ слово племянникъ и донынѣ у Черногорцевъ, которые называютъ имъ всякаго, кто принадлежитъ племени. Согласно съ образованіемъ и съ основнымъ значеніемъ племянника, въ отдаленное время, въ языкѣ русскомъ, явились и выраженія родникъ, родимецъ, въ смыслѣ принадлежащихъ къ тому же роду, родственниковъ: а иные его эргекины родники къ ясачному зимовью не бывали; и намъ тое вотчину отъ тѣхъ ото всѣхъ родимцевъ и отъ иныхъ, кто будетъ вступатца, очищать ([110]). И какъ отъ родъ образовалось существительное родичъ, столь обыкновенное въ древне-русскомъ языкѣ, для опредѣленія происхожденія отъ того же рода, слѣдовательно, тоже родственника, какъ въ слѣд. примѣрѣ: всташа сами на ся и убиша князя велика Миндовга свои родици ([111]); такъ и отъ слова племя съ подобною же цѣлію составилось существительное племичъ, сохранившееся въ языкѣ сербо-хорватскомъ, хотя въ немъ и получило оно частный смыслъ: благородства происхожденія.

Но по мѣрѣ умноженія племени, съ потерею сознанія родства отдѣльныхъ его членовъ, въ силу огромнаго ихъ распложенія и разбросанности въ самой жизни, и слово племя начало выражать понятіе обширнѣйшее, совокупность уже нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ, развившихся изъ одного первоначально рода. Мало по малу, эта обширность понятія перешла въ общность для обозначенія уже цѣлаго народа, — и въ такомъ смыслѣ племя встрѣчается издавна въ памятникахъ русскихъ. Такъ, лѣтописецъ русскій, при описаніи нашествія Татаръ, выражается: «по грѣхомъ нашимъ придоша языци не знаеми, ихъ же добрѣ никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изъидоша и что языкъ ихъ и котораго племене суть и что вѣра ихъ», — здѣсь, очевидно, племя употреблено вмѣсто народъ. Отсюда и иноплеменникъ, обозначавшій сначала человѣка другаго племени, рода, сталъ означать человѣка другой народности, какъ въ словахъ того же лѣтописца: придоша иноплеменницы, безбожніи татарове, на землю Рязаньскую. Одинаковый переходъ въ понятіи и по тѣмъ же основаніямъ совершился и въ словѣ родъ; и оно не только въ сложной съ предлогомъ формѣ, народъ, съ незапамятныхъ поръ получившей тотъ общій смыслъ, съ какимъ исключительно живетъ въ настоящее время у всѣхъ Славянъ, но и въ первообразной, родъ, стало

означать націю, народъ, какъ въ выраженіи договора Игоря съ Греками: мы отъ рода руськаго, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ древнѣйшаго перевода грѣч. ἔθνος ([112]). Впрочемъ, еще въ XVI столѣтіи замѣтенъ слѣдъ болѣе тѣснаго и частнаго понятія въ словѣ народъ; въ статутѣ Литовскомъ нѣсколько разъ употребляется оно въ смыслѣ сословія, напр., въ слѣдующемъ постановленіи: «коли бы который съ подданныхъ нашихъ, будучи народу шляхетскаго ([113])»... Отсюда же, по сходству съ иноплеменникъ, составилось выраженіе инородецъ, въ которомъ нѣтъ и намека на первобытное частное понятіе рода, т. е. совокупности лицъ, сознающихъ единство происхожденія. Обобщеніе понятія рода—племени совершилось, конечно, постепенно, послѣдовательно, не раздѣльно съ умноженіемъ рода въ жизни. Связующимъ элементомъ при этомъ, въ обоихъ понятіяхъ, служитъ степень и сила сознанія. Въ племени-родѣ сознаніе единства родственнаго ясно и опредѣленно, отчетливо выразившись въ особыхъ терминахъ для членовъ, составляющихъ родъ; въ понятіи племя — народъ сознаніе это уже утратилось; въ слѣдствіе постояннаго размноженія и раздробленія рода, оно должно было больше и больше затемняться, пока не изгладилось, наконецъ, во все, оставивъ вмѣсто себя темное преданіе и внѣшній связующій органъ, языкъ. На этомъ основаніи, вмѣсто иноплеменникъ или инородецъ, столь же обычнымъ сдѣлался терминъ иноязычникъ. Было врямя, хотя до него и можно доходить только мысленно, посредствомъ наведенія, когда не были иноязычниками и самые далекіе теперь по языку народы: Славяне, Греки, Германцы, и др.; наступило время, когда сдѣлались иноязычниками многіе и изъ Славянъ между собою; вѣчное время, быть можетъ, внесетъ подобное иноязычество и въ отдѣльныя части нынѣ цѣлаго, одноязычнаго народа. Примѣръ перехода значенія племени, какъ рода, къ болѣе общему понятію, хотя и не успѣвшему еще обратиться въ синонимъ народу, предлагаетъ черногорское племе, въ смыслѣ округа, населеннаго уже нѣсколькими родами.

Такимъ образбмъ, въ современномъ выраженіи племянникъ-племянница, какъ сынъ или дочь брата или сестры, сохранился очевидный слѣдъ господствовавшаго нѣкогда родоваго быта. Позднее, не раньше XVI вѣка, присоединеніе къ нему этого частнаго,

исключительнаго смысла не можетъ не служить свидѣтельствомъ продолжительной на Руси силы рода. Дѣти братьевъ и сестеръ первые выводятъ семью въ родъ; они служатъ тѣми звеньями, которыя связуютъ членовъ начальной семьи съ членами умножающагося рода — племени; отсюда и понятно, почему, при начавшемся распаденіи этого рода — племени, удержалось именно за ними названіе, принадлежавшее прежде всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ его членамъ.

По всей вѣроятности, въ одно время съ утвержденіемъ въ языкѣ русскомъ слова племянникъ въ частномъ значеніи, вмѣсто древнихъ: братаничъ, сыновецъ и сестричъ, исчезли изъ памяти русскаго народа и частные термины: уй и стрый, замѣнившись общимъ словомъ дядя. По крайней мѣрѣ, съ самаго начала XVII столѣтія, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, терминъ дядя въ общемъ ходу, между тѣмъ какъ древніе уй и стрый не слышны уже вовсе въ русскомъ народѣ.

II. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ РОДСТВА СВОЙСТВЕННАГО.

До сихъ поръ имѣли мы въ виду одну семью безъ всякаго отношенія къ другимъ чужимъ; разбирали членовъ ея въ восходящей и нисходящей и боковой линіяхъ, во все не принимая въ соображеніе связи съ другими родами посредствомъ брака. Но въ жизни Славянъ, какъ и всякаго инаго народа, стоявшаго и стоящаго на одинаковой съ ними ступени патріархальнаго развитія, имѣло важное значеніе и это родство, семьи съ семьею, рода съ родомъ, и точно также отличались разнообразныя его степени посредствомъ особыхъ терминовъ.

Связующимъ звеномъ родовъ другъ съ другомъ является женщина, дѣвица, на которую, потому самому, столь долгое время и смотрѣлъ Славянинъ, кое-гдѣ смотритъ и до нынѣ, какъ на принадлежащую не тому роду, гдѣ родилась она, а чужому, въ которой должна войти черезъ замужество. Отсюда понятно, почему родъ считался бѣднымъ, какъ скоро большинство его членовъ состояло изъ дѣвицъ, и на оборотъ, онъ былъ богатъ, если это большинство составляли мужчины: послѣдніе не только не выходили изъ рода, но еще увеличивали его вводомъ въ свой родъ, въ качество женъ, дѣвицъ изъ чужихъ родовъ.

Со вступленіемъ новаго лица въ данный чужой родъ, въ силу патріархальной жизни въ древности, трудно было избѣжать точнаго опредѣленія отношеній не только всѣхъ членовъ этого рода къ новому лицу, но и къ его родичамъ, отъ которыхъ оно отдѣлилось. Вмѣстѣ съ этимъ, подобныя отношенія не могли не отразиться особыми терминами въ языкѣ. Количество такихъ терминовъ въ настоящее время значительно уменьшилось: причина въ позднѣйшей жизни, неизбѣжно сопровождавшейся и сопровождающейся ослабленіемъ и паденіемъ стародавнихъ родственныхъ отношеній. Въ свою очередь, обиліе родственныхъ названій, встрѣчающееся въ первое время исторіи славянской, не можетъ не служить доказательствомъ прочности и широты родственныхъ узъ въ ту пору.

Постараемся разсмотрѣть и термины взаимнаго родства между членами двухъ родовъ, употреблявшіеся въ старину у Славянъ, отчасти слышимые и теперь, и, по возможности, уяснить основную мысль, выражавшуюся въ нихъ.

Соединеніе двухъ родовъ, какъ сказано, совершалось введеніемъ дѣвицы, въ такомъ случаѣ уже невѣсты, въ родъ жениха. Условіемъ ввода былъ бракъ, въ слѣдствіе котораго невѣста и женихъ становились мужемъ и женою. Первый относительно родителей жены своей становился зятемъ, послѣдняя, по отношенію къ отцу и матери своего мужа, дѣлалась снохою. Вотъ самыя начальныя новыя отношенія. Но идея этихъ отношеній въ приведенныхъ славянскихъ словахъ совершенно затемнилась, и для разъясненія ея предстоитъ такая же потребность обратиться къ соплеменнымъ языкамъ, какая была побужденіемъ предыдущихъ сравненій и сближеній.

Родственные языки далеко не всѣ предлагаютъ выраженія, которыя бы соотвѣтствовали славянскому зять и по происхожденію, и по значенію. Ближе всего стоятъ къ нему скр. ǵâmâtṛ, латин. gener, литов. žentas и, быть можетъ, греч. γάμβρος. Звуковое сходство особенно поразительно въ литовскомъ выраженіи, гдѣ все различіе заключается лишь въ темѣ склоненія: здѣсь оно есть a, въ славянскомъ же первоначально i, согласно съ звуковыми особенностями обратившееся въ ь. Я не говорю о литовскомъ слогѣ en, сохранившемся вполнѣ въ

старославянскомъ правописаніи съ носовымъ знакомъ зать (-зенть, польск zięć). Что же касается до звуковъ ж и з., то ихъ родство и взаимная мѣна даже въ одномъ языкѣ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ разныхъ говорахъ, слишкомъ извѣстны, чтобы не дѣлать препятствія къ отожествленію литов. žentas съ слав. зять. Но близость литовскаго названія не объясняетъ ни мало, въ настоящемъ случаѣ, значенія славянскаго: и оно на столько же отдѣлилось отъ коренной формы, что само нуждается въ пособіи другихъ языковъ. Останавливаясь на начальныхъ коренныхъ слогахъ санскритскаго и латинскаго выраженій, не трудно отмѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ сочетаніе ǵa, ǵan, такъ какъ скр. звукъ ǵ (-дж) развился изъ первобытнаго g, которое уцѣлѣло въ латинскомъ. Къ этому сочетанію подводятся естественнымъ путемъ и слова славянское и литовское. Звуки ж и з, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, не коренные и принадлежатъ сравнительно позднѣйшей исторіи языка литво-славянскаго. При внимательномъ сравненіи послѣдняго съ языками древнѣйшаго вида, оказывается, что они замѣняютъ коренные ģ (-g) и g. Въ настоящемъ случаѣ находимъ мы ģ въ латинскомъ и, съ обычнымъ измѣненіемъ въ ǵ, въ санскритскомъ. Въ слѣдствіе этого, и въ другихъ словахъ славяно-литовскіе звуки ж—з являются соотвѣтствующими скр. ǵ, латино-греческому g, какъ ǵna, вм. gna, греч, γνω, въ γνῶσις γνώσκω, латин. gna, gno, въ gnarus, cognosco,—въ литовскомъ žinnau, žinnĕ, въ славянскомъ знаю, знаніе (1). Соображая такое относительное свойство языка литво-славянскаго, едва-ли мы въ правѣ сомнѣваться въ одинаковомъ происхожденіи словъ зать и žentas съ скр. ǵa, въ ǵâmâtṛ, и съ латин. ge, въ gener, и въ нихъ, какъ въ болѣе сберегшихъ коренный смыслъ, не искать объясненія.

Первая составная часть санскритскаго существительнаго ǵâmâtṛ, очевидно, указываетъ на корень ǵan, образовавшійся изъ gan (сохранившаго первобытный звукъ въ греческомъ языкѣ въ формахъ: γένος, γεννάω, въ латинскомъ — въ словѣ gen-us), въ значеніи рождать, производить. Въ этомъ отношеніи разногласія нѣтъ; совсѣмъ другое относительно второй половины слова: рѣдкій языкоизслѣдователь не предлагаетъ особаго объясненія, изъ которыхъ не одно приходится считать за личную

догадку, а иногда и произвольное предположеніе. Такъ Боппъ разлагаетъ его на ǵâ, вм. ǵâja, женщина, жена, и mâtŕ, мать: qui uxoris matrem tanquam matrem suam habet (2). При такомъ толкованіи пришлось бы допустить слишкомъ сложную идею въ двусложномъ словѣ, а потому въ предположеніи и не трудно подмѣтить произволъ. Лассенъ сравниваетъ ǵâmâtŕ съ jâmatŕ, отъ jam (обуздывать, укрощать, соединять), откуда сложный глаголъ upajam, взять въ замужество (uxorem accipere, in matrimonium ducere) (3). На это сближеніе ǵâmâtŕ съ jam, upajam указывалъ въ свое время и Поттъ (4), но тутъ же не скрылъ и сомнѣнія, не нашедши въ греко-латинскомъ языкѣ подобнаго перехода j въ g, какъ въ санскритѣ j въ ǵ, и хотя въ соотвѣтствіе санскр. upajam представилъ гречес. δαμᾶν, первоначально укрощать, потомъ жениться, при всемъ томъ для gâmâtŕ счелъ болѣе основательнымъ подставить корень ǵan. Несмотря на сравненіе съ jâmâtò, и Лассенъ держится того же корня ǵan, отъ чего и ǵâmâtŕ, по его послѣднему толкованію, есть der erzeuger von Kindern, имѣетъ, слѣдовательно, значеніе одинаковое съ выраженіемъ для отца: pitŕ, pater, батя. По мнѣнію Пиктэ (5), словообразованіе существительнаго gâmâtŕ представляется, напротивъ, вполнѣ яснымъ (parfaitement claire); и дѣйствительно, разложеніе имъ даннаго слова на ǵa, въ смыслѣ поколѣніе, потомство, что̀ видно въ словахъ gâvat, имѣющій потомство, и ǵâspati, отецъ семейства, и mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи производитель, отъ mâ, производить, рождать, не только имѣетъ за себя всю силу вѣроятности по отношенію къ понятію, но едвали способно вызвать и какое-либо рѣшительное препятствіе съ внѣшней звуковой стороны. Въ такомъ случаѣ ǵâmâtŕ, зять, означалъ бы того, кто производитъ, распространяетъ родъ, потомство. Подобное значеніе находитъ и фактическое оправданіе въ языкѣ караибскомъ, указанномъ тѣмъ же Пиктэ, гдѣ зять, hibàli muku, собственно значитъ — производящій внуковъ, разумѣется, относительно родителей мужа и жены.

Но ни слав. зать, ни литов. zĕntas не предлагаетъ ни малѣйшаго слѣда второй составной части въ санскритскомъ языкѣ (mâtar), слѣдовательно, переносить къ нимъ цѣликомъ и значеніе послѣдняго было бы не совсѣмъ основательно. Санскритъ,

въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть только руководителемъ, пособіемъ; болѣе точное значеніе приходится искать въ самомъ славянскомъ и литовскомъ. Его, полагаемъ, отыскать и не трудно, если примемъ въ соображеніе извѣстный уже корень и взглянемъ внимательнѣе на приставку. Послѣдняя въ языкѣ славянскомъ есть ть, образовавшееся изъ первоначальнаго ти (-ti), на что указываетъ и особенность склоненія слова зать въ старо-славянскомъ нарѣчіи, объясняемая единственно основною темою на и (-i). Сопоставляя существительное зать съ однородными по формѣ словами: тать, гость, тьсть и др., склоняющимися точно также по темѣ на и (-i), съ увѣренностію можемъ заключать, что приставка ть (-ti) служила и въ славянскомъ языкѣ для обозначенія лицъ муж. рода, подобно санскритской ti, въ pati, господинъ, латинской также ti, въ hosti, греческой τι въ πότι и т. д. Что же касается до литовскаго окончанія ta, то, принадлежа причастію прошедшаго страдательнаго, она не рѣдко черезъ него переходитъ къ существительнымъ, съ означеніемъ также лицъ муж. рода, какъ и славян. ть ([6]). Сопоставляя съ такою приставкою корень ǵan-gan (слав. за, литов. žen), смѣемъ думать, не уклонимся отъ истины, предположивъ въ словахъ зать, zĕntas основное значеніе раждающаго, производящаго. Въ сущности, идея эта ни мало не отличается отъ той, какая заключена въ скр. ǵâmâtṛ, только послѣднее выражаетъ ее съ большею распространенностью. Эта же идея, какъ видѣли выше, принадлежитъ всецѣло и нѣкоторымъ выраженіямъ для родителей, отца и матери, а слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, ежели въ какомъ либо другомъ родственномъ языкѣ встрѣтимъ мы выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее по формѣ славянскому зать и употребляющееся съ значеніемъ отца. За такое выраженіе и позволяемъ себѣ считать скр. ǵati, отецъ, съ обычною утратою носоваго n передъ нѣкоторыми звуками, въ томъ числѣ и передъ t ([7]).

Славянское названіе сноха хотя и затеряло также первоначальную идею, изъ которой образовалось, тѣмъ не менѣе въ внѣшнемъ составѣ своемъ удержало прочнѣе образовательный корень, а потому представляетъ и меньше затрудненій для объясненія, при пособіи родственныхъ языковъ. Ближайшимъ къ нему по звукамъ

стоитъ санскритское snusă, вм. sunusă, изъ существит. sunus, сынъ. Приставку să позволяемъ мы разсматривать за равносильное и родственное окончаніе родит. падежа въ санскритѣ — sja, и какъ существительное manusă, человѣкъ, указываетъ на род. падежъ manusja, отъ manu, собственно принадлежащій Ману, происходящій отъ Ману, такъ и слово snusă выражало бы прежде всего то, что принадлежитъ сыну.

Взаимная мѣна въ санскритѣ звуковъ s и š на столько обыкновенна, родство ихъ такъ очевидно, проявляясь и въ словообразованіи и во флексіяхъ ([8]), что, думаемъ, едва ли въ окончаніяхъ să и sja не справедливо будетъ видѣть и генетическую связь. Правда, перенося эту связь къ слову snusă, не можемъ не замѣтить, что въ историческую пору санскритскаго языка родительный падежъ отъ темы на u (-у) сблизился съ формою ablativî на ôs, и въ мужскомъ и женскомъ родахъ, но употребленіе нѣкогда общаго окончанія sja и при темѣ u, въ родительномъ падежѣ, удерживалось долго въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ въ amušja отъ мѣстоименнаго слова amu, тотъ, сей, и при томъ съ измѣненіемъ зубнаго s въ язычное š ([9]). Родственные другъ съ другомъ въ санскритѣ, звуки s и š одинаково замѣняются и въ славянскомъ языкѣ, именно посредствомъ с и х. Первый способъ замѣны, въ окончаніи словъ, по преимуществу сохранился въ древнѣйшихъ формахъ нарѣчія старо-славянскаго; послѣдній сдѣлался господствующимъ сравнительно въ позднюю пору, и въ этомъ отношеніи языкъ славянскій совпалъ съ Зендомъ, замѣняющимъ упомянутые звуки посредствомъ гортаннаго h. На основаніи этого, вмѣсто šu или su санскритскаго языка, нарѣчія славянскія удержали окончаніе хъ для мѣстнаго падежа множественнаго числа, а въ силу смѣшенія съ нимъ родительнаго множественнаго, и для послѣдняго; потому же самому, санскритское окончаніе аориста sam перешло въ славянскомъ въ хъ, хотя непосредственно соотвѣтственное санскриту славянское съ не погибло безслѣдно и въ томъ и другомъ случаяхъ ([10]).

Языки греческій и латинскій, какъ замѣтно, весьма рано забыли основное значеніе въ словѣ снoха, сколько можно судить по искаженному его виду, съ потерею существеннаго звука s передъ n: νυός, nurus, вм. nusus ([11]). Прочнѣе сохранилось оно

въ древне-нѣмецкомъ языкѣ, который своими формами: snur, snura служитъ какъ бы посредникомъ между санскрито-славянской и греко-латинской формами. Нѣнѣшній нѣмецкій языкъ замѣняетъ выраженіе snura описательнымъ schwiegertochter. Такое явленіе естественнѣе всего обусловливается забвеніемъ древнихъ свойствъ языка; въ силу этого забвенія, исчезло и сознаніе о коренномъ родствѣ сына и снохи (sunu и snura), столь ясномъ въ пору нераздѣльной жизни соплеменныхъ народовъ, когда ихъ языкъ слѣдовалъ общему закону, и мало по малу затемнившемся, со времени ихъ раздѣленія, когда языкъ каждаго изъ нихъ, въ силу различныхъ вліяній, сталъ вырабатывать свои спеціальныя особенности, и въ звукакъ и въ этимологическихъ формахъ. Вслѣдствіе сего, изъ первобытнаго sunu образовались формы: sun, son, sohn, все меньше и меньше казавшіяся родственными съ snura. Отсюда, стремленіе осмыслить выраженіе, сознаніе о происхожденіи котораго, а вмѣстѣ и объ основномъ его значеніи, уже исчезло: отсюда и schwiegertochter, вмѣсто snura. Стремленіе къ подобному же осмысленію становится замѣтнымъ и между нарѣчіями славянскими, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ отъ языка нѣмецкаго, что въ нихъ употреблено не описательное выраженіе, а тоже коренное слово только въ томъ видѣ, какой получило оно въ языкѣ славянскомъ въ отдѣльномъ употребленіи: изъ основнаго sunu въ славян. языкѣ явилась форма сынъ, откуда и вмѣсто сноха, въ нарѣчіи хорутанскомъ, образовалось sinaha (-сынаха), въ польскомъ synowa. Какъ первое, такъ особенно послѣднее довольно наглядно свидѣтельствуетъ о значеніи древняго термина—сноха, представляя какъ бы переводъ его на новѣйшій языкъ, согласно съ требованіями позднѣйшей системы звуковъ и формъ. Окончаніе ова, подобно мужескому овъ, находящееся въ словѣ synowa, выражаетъ тоже свойство принадлежности, какое присуще санскритскому ša (близкому къ sja) въ snušă ([12]). И такъ, основное значеніе термина зять есть раждающій, производящій (поколѣніе, потомство); сноха — принадлежащая сыну, жена сына, сынова ([13]).

Родители перваго, относительно снохи, получили въ славян-

скомъ языкѣ названія свекра и свекрови, родители снохи, по отношенію къ зятю, — тестя и тещи.

Выраженія свекоръ и свекровь, какъ общія всѣмъ кореннымъ языкамъ индоевропейской отрасли, тѣмъ меньше способны затруднять въ объясненіи, чѣмъ съ большею послѣдовательностью можно слѣдить за постепеннымъ видоизмѣненіемъ ихъ формы и чѣмъ прочнѣе выдерживаются въ каждомъ изъ языковъ свойственные имъ и значительно уже уясненные законы фонетики. Приведенныя славянскія выраженія принадлежатъ именно къ разряду такихъ словъ. Въ языкахъ соплеменныхъ представляются они въ такомъ видѣ: скр. çvaçura (свекоръ), çvaçrû (свекровь), греч. ἑκυρος, ἑκυρά, лат. socer, socrus, готск. svaihra (изъ svaihran), svaihrô, древне-нѣмец. suehur, suigar, литов. szeszuras. Санскритское çvaçura съ большею наглядностью указываетъ на сложность своего образованія: первая составная часть его, очевидно, есть çva, вторая — çura. Если послѣднее не возбуждаетъ сомнѣнія, то çva можетъ объясняться только предположеніемъ, правдоподобіе и вѣроятность котораго обусловливаются лишь сравненіемъ съ формами въ остальныхъ языкахъ родственныхъ. Дѣйствительно, не смотря на небный звукъ ç, развившійся въ санскритѣ изъ первобытнаго k, форма слова çva, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ позднѣйшей формаціи, вмѣсто древнѣйшей sva. Надежнѣйшимъ ручательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ именно другіе родственные языки, въ томъ числѣ и славянскій. Небное ç санскрита соотвѣтствуетъ въ греко-латинскомъ языкѣ обыкновенно звуку k, какъ это видно и изъ второй половины даннаго слова (çvaçura — ἑκυρ — socer); между тѣмъ въ обѣихъ этихъ языкахъ, въ первой половинѣ слова, находимъ: въ греч. ἑ, равное se, при чемъ v могло быть опущено на общемъ основаніи не любви древнихъ Грековъ къ этому придыхательному звуку (14); въ латинскомъ so, вѣроятнѣе всего, вмѣсто suo или svo, что имѣли случай замѣтить и въ выраженіи soror, вполнѣ соотвѣтствующемъ скр. svasrû. На первоначальное sva вмѣсто çva указываетъ и готскій языкъ съ древне-нѣмецкимъ, а также и славянскій съ литовскимъ, изъ которыхъ послѣдній, одинаково съ греческимъ и латинскимъ, отбросилъ v, какъ поступилъ и славянскій языкъ въ словѣ сестра. Принимая,

такимъ образомъ, во вниманіе большинство языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые по письменности восходятъ къ глубокой древности, мы рѣшаемся признать вѣроятнѣйшимъ то объясненіе çva-çura, которое видитъ въ первой части этого слова притяжательное мѣстоимѣніе sva, свой.

Что касается второй половины, çura, то и въ несложномъ видѣ слово это было въ употребленіи у древнихъ Индѣйцевъ (çûra) прежде всего съ значеніемъ человѣка, мужа, отъ глагольнаго корня çur, быть сильнымъ, крѣпкимъ; потомъ человѣка храбраго, мужественнаго, героя, господина. Съ послѣднимъ значеніемъ живетъ оно и въ языкѣ греческомъ, гдѣ санскритскому ç обыкновенно соотвѣтствуетъ k, которое и видимъ въ κύριος, господинъ, повелитель. Латинскій языкъ, на ряду съ греческимъ, не измѣнившій гортаннаго кореннаго, удержалъ это слово въ сложномъ socer (=soker); тоже встрѣчаемъ и въ древне германскомъ, въ которомъ также обычно скр. небному ç соотвѣтствуетъ придыхательный гортанный h, что и есть въ svaihra, suehur. Языкъ славянскій обнаруживаетъ въ отношеніи этого звука знаменательную для исторіи народа въ дописьменную пору непослѣдовательность: въ немъ находимъ въ соотвѣтствіе скр. ç звуки с, к, щ; иногда одно и тоже коренное слово предлагаетъ два звука, дѣлая, такимъ образомъ, невозможнымъ опредѣленіе родства ихъ безъ пособія сравнительнаго метода (15). Такъ и слово çûra извѣстно въ простонародномъ языкѣ русскомъ въ формѣ суръ, съ значеніемъ храбреца, молодца; въ формѣ щуръ, нами уже разсмотрѣнной, наконецъ, въ формѣ коръ (-стар. слав. къръ), равной греческому κυρ, въ κύριος, латин. ker, въ socer, какъ видно въ сложномъ свекръ (=свекъръ). Отсюда, коренное значеніе этого термина есть — свой господинъ, какимъ естественно долженъ былъ стать отецъ мужа для молодой жены, покинувшей свой родъ и вступившей въ чужой, сдѣлавшійся ей теперь своимъ (16). Послѣ этого не требуетъ особаго поясненія и значеніе свекрови: оно тоже самое лишь съ примѣненіемъ къ женѣ свекра, матери мужа (17).

Рѣшаемся думать, что слово çura, съ первобытнымъ гортаннымъ к, уцѣлѣло въ славянскомъ языкѣ не въ одномъ сложномъ свекоръ. По крайней мѣрѣ, попадающееся въ переводахъ

церковныхъ сочиненій слово коуригъ, соотвѣтствующее греческому νυμφαγωγός, слѣдовательно, равносильное нынѣшнимъ выраженіямъ: сватъ, дружка, по мнѣнію нашему, не можетъ имѣть другаго происхожденія, какъ отъ того же çura, греч. κυρ (ιος). Примѣнимость кореннаго смысла къ данному значенію коурига, думаемъ, не можетъ встрѣтить затрудненія. Гораздо отдаленнѣе уже отъ этого смысла другое слово, распространенное у всѣхъ Славянъ и которое кажется намъ происходящимъ отъ того же корня: это коуръва, въ значеніи непотребной женщины. Быть можетъ, это значеніе и отсутствіе, на первый взглядъ, посредствующихъ терминовъ и было причиной того, что въ существующихъ объясненіяхъ этого слова, мы не видимъ доселѣ никакой опредѣленности и положительности; встрѣчаемъ, напротивъ, до такой степени произвольныя догадки, не рѣдко противорѣчащія законамъ словообразованія и звуковой системы, что допустить ихъ несравненно труднѣе, нежели предположить даже непосредственный скачокъ въ значеніи отъ çura къ коуръвѣ. Казалось бы, близкое отношеніе славянскаго выраженія къ германскимъ формамъ: hors, готск. huora, древне верх. нѣмецкое, huor, hôrr, huore, средне верх. нѣмец., наконецъ, нынѣшнее нѣмецкое hure, съ тѣмъ же значеніемъ, что и коуръва, могло естественно побудить изслѣдователей къ опредѣленію общаго происхожденія ихъ, съ одной стороны; съ другой, столь очевидною близостью, доходящею до тожества германскихъ формъ съ оканчаніями въ suehur, svaihra, указать на очевидную родственность тѣхъ и другихъ,—и тѣмъ не менѣе, самые нѣмецкіе филологи считаютъ удобнѣйшимъ обратиться лучше къ самымъ туманнымъ и гадательнымъ объясненіямъ и сближеніямъ, нежели взглянуть внимательнѣе и въ этомъ случаѣ на корень çur (-kur), въ тожествѣ котораго съ hur и hrô въ окончаніи сложныхъ словъ (suehur и svaihrô) почти никто изъ нихъ не сомнѣвается ([18]). Причина ясна: отдаленность значенія, доходящаго до противоположности. Между тѣмъ современный смыслъ далеко не можетъ служить порукою того же значенія и въ глубокой древности; напротивъ, каждый языкъ въ состояніи представить не одинъ десятокъ примѣровъ того, какъ древнѣйшій смыслъ даннаго слова переходитъ

въ обратный въ позднѣйшемъ употребленіи, отъ хорошаго къ дурному, и на оборотъ. Отъ нынѣшняго, напримѣръ, значенія польскаго выраженія kobieta, женщина, не легко также заключать къ значенію его, всецѣло соотвѣтствующему общеславянскому слову коуръва, тогда какъ въ произведеніяхъ литературы польской даже 17 столѣтія оно не сомнѣнно (19). Встрѣчая же въ новогреческомъ языкѣ существительное κυράνα или κοιράνα, въ значеніи хозяйка дома, госпожа (20), родство котораго съ κύριος, а слѣдовательно съ çura, конечно, не возбудитъ ни въ комъ недоразумѣнія, мы рѣшительно не видимъ ни съ какой стороны препятствія сопоставить съ нимъ славянское слово коуръва, а съ этимъ вмѣстѣ и не считать его родственнымъ по происхожденію съ коръ въ свекоръ, съ hur въ suehur, а черезъ это и съ старогерманскими huora, huor, huore, нынѣшнимъ hure. Въ основѣ всѣхъ, такимъ образомъ, приведенныхъ реченій лежитъ одинъ корень, kur, видоизмѣнившійся въ санскритѣ въ çur. Какъ бы, впрочемъ, ни было, но мнѣніе Миклошича о возможности заимствованія Славянами выраженія коуръва отъ нѣмцевъ, въ томъ случаѣ, если hure послѣднихъ родственно съ скр. gâra, свидѣтельствуетъ лишь о крайнемъ увлеченіи (21).

Говоря о терминахъ свекоръ и свекровь, вспомнимъ о формахъ чешской и малорусской, оправдывающихъ наше мнѣніе объ образованіи слова сноха и о родствѣ его съ скр. snusă. Свекровь по чешски svegrusĕ, гдѣ g вмѣсто k появилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ языка нѣмецкаго, употребляющаго съ незапамятныхъ временъ гортанные звучные, вмѣсто отзвучныхъ славянскихъ; конечное e, въ še, представляетъ перегласованіе коренного a, въ силу позднѣйшаго свойства нарѣчія чешскаго замѣнять широкія гласныя узкими, послѣ смягченныхъ, какъ lud — lid, duša — duše и т. под. Так. образ., svegrusĕ вмѣсто старинной формы svekrusă. Кажется, несомнѣнно, что окончаніе здѣсь ša одного происхожденія и одного значенія съ скр. šă въ snusă, т. е. соотвѣтствуетъ sja съ означеніемъ принадлежности, въ настоящемъ случаѣ жены свекра. Но какъ скр. să въ snusă въ славянскомъ вообще перешло въ ха, такъ и чешскому окончанію ša въ svekrusă находимъ соотвѣтствующее ха въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ господствующая форма, замѣняющая древ-

нее свекръ, есть свекруха. При такомъ взглядѣ на окончаніе ха, вмѣсто ша, уясняется и значеніе существительныхъ на ха въ названіи женъ по фамиліи мужей, распространенномъ по преимуществу въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ: смирниха, жена Смирнова, шепиха, жена Шепа, соколиха, жена Соколова, никитиха, жена Никитина; подобное же образованіе иногда приходится слышать изъ устъ Малороссіянъ и отъ фамилій на скій. Едва ли, послѣ этого, покажется лишеннымъ всякаго основанія и предположеніе наше о происхожденіи окончанія ха изъ ша и о соотвѣтствіи послѣдняго окончанію sja, служившему въ прадревнюю пору языка индоевропейскаго для опредѣленія принадлежности вообще, а при имени мужа, въ частности, жены его ([22]).

Соплеменные народы разобранныя названія, свекоръ и свекровь, относятъ въ одинаковой степени и къ родителямъ мужа и къ родителямъ жены; у Славянъ для обозначенія послѣднихъ искони существуютъ особые термины, хотя, какъ увидимъ, не исключенъ общій смыслъ и первыхъ. Эти особые термины суть тесть и теща. Уединенности ихъ, а черезъ это и затруднительности сравненія, слѣдуетъ приписать затемненность корня и неизвѣстность основнаго значенія. Тому же должна была содѣйствовать и замѣна этихъ названій другими словами среди самихъ Славянъ, какъ у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, употребляющихъ вмѣсто тесть существительное пунац, вмѣсто теща — пуница, равно не всегда и не всюду одинаковость значенія тестя и тещи, какъ родителей жены. Въ письменности церковно-славянской первое не однажды является въ смыслѣ зятя, переводя греческое γάμβρος, латин. gener, какъ въ пандектахъ Антіоха ([23]); послѣднее, теща, въ старыхъ памятникахъ польскаго языка замѣняетъ иногда сноху, употребляясь въ формѣ teyść. ([24]). Не удивительно поэтому, что нѣкоторые ученые славянскіе, принимая послѣднее значеніе разсматриваемыхъ выраженій за основное, сопоставили славянскія выраженія тьсть и теща съ еврейскимъ tachen, означающимъ зятя. Такъ поступилъ и Юнгманнъ, руководясь, очевидно, чешскими формами: tchan и tchynĕ ([25]). Формы эти, конечно, заслуживаютъ вниманія со стороны филолога, но едва ли простое созвучіе съ ними еврейскаго слова даетъ достаточное ручательство

даже въ вѣроятности родства, не только въ несомнѣнности его. Гораздо прочнѣе искать сближенія въ средѣ языковъ родственныхъ.

Сравнивая старославянскую форму тьсть съ только что указанною чешскою tchan, не трудно подмѣтить различіе лишь въ образовательномъ суффиксѣ, такъ какъ х чешское, очевидно, равносильно родственному с. Но эта замѣна показываетъ ясно, что с въ словѣ тьсть принадлежитъ корню, окончаніе же составляетъ ть, одинаковое и въ выраженіяхъ зать, гость, тать и др., и которое, какъ имѣли мы случай видѣть, употребляется Славянами и для обозначенія лицъ. Такимъ образомъ, корень слова есть тьс, гдѣ ь замѣняетъ какой либо одинъ изъ основныхъ гласныхъ звуковъ, именно а или і. Соображая разнообразный характеръ славянскаго звука с, соотвѣтствующаго, между прочимъ, санскритскому kš ([26]), нельзя не остановиться на глаголѣ takš, употребляющемся въ языкѣ Ведъ въ значеніи производить, приготовлять, работать, и составляющемъ желательную форму глагольнаго корня tak, въ смыслѣ поддерживать, переносить. Участіе этого глагола въ образованіи родственныхъ терминовъ очевидно изъ скр. выраженій takman, tôkman, tôka, съ означеніемъ дитя, потомство; еще болѣе изъ зендскаго taokhma, въ смыслѣ сѣмя, поколѣніе, перешедшаго въ персидскомъ въ формы tuchm, tuchum, столь близкія къ чешской tchan (=тъchan). Этотъ же глаголъ въ старо-прусскомъ языкѣ звучалъ tikint, дѣлать, откуда существительное teikusna, твореніе ([27]); въ греческомъ — τέκτω изъ τέκω, рождать, производить, откуда, наравнѣ съ санскритомъ, греческое τέκος, τόκος, τέκνον, дитя. Въ языкѣ славянскомъ отъ первообразной формы tak, кажется, нѣтъ глагола; за то отъ желательной takš явилось тесать, подобно литовскому taszan, съ тѣмъ же значеніемъ. Рѣшаемся думать, что слово тесть идетъ непосредственно отъ первообразнаго tak, хотя по формѣ и нѣтъ препятствія сопоставлять его съ takš; но въ этомъ отношеніи едва ли бы соотвѣтствовало ему значеніе глагола тесать, получившее, конечно, отъ отдаленнѣйшей древности свой техническій, спеціальный смыслъ, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ извѣстенъ глаголъ этотъ во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Но изъ tak не могло ни-

какимъ образомъ явиться въ славянскомъ тьс (=тес); звукъ k санскритскаго языка прежде всего соотвѣтствуетъ славянскимъ гортаннымъ, и уже посредствомъ нихъ, въ силу чисто славянской фонетки, свистящимъ и шипящимъ. Что и тутъ, дѣйствительно, первоначально слѣдуетъ предполагать звукъ гортанный, наглядным и убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ упомянутая форма чешская, tch-an, непосредственно сближающаяся съ скр. глаголомъ tak: согласно съ правописаніемъ старо-славянскимъ, она должна была звучать нѣкогда тъх-анъ, съ глухимъ гласнымъ середи корня. При посредствѣ этой уже формы образовалась и господствующая въ славянскихъ нарѣчіяхъ тьсть, гдѣ переходу х въ с способствовалъ новый суффиксъ ть (=ti), а это, въ свою очередь, потребовало измѣненія широкаго ъ въ узкое ь.

Значеніе, смѣемъ думать, не только не противорѣчитъ нашему производству, а скорѣе поддерживаетъ и подкрѣпляетъ его. Въ названіяхъ отца и матери, какъ сказано выше, господствующая идея есть рожденіе, покровительство; эта же идея лежитъ и въ основаніи глагольнаго корня tak, — а тесть съ тещей суть родители жены. Ежели припомнимъ при этомъ, что и въ названіи зять заключено тоже самое основное понятіе, то не удивимся, встрѣтивши кое-гдѣ изрѣдка терминъ тьсть замѣняющимъ выраженіе зать; съ этимъ вмѣстѣ и теща могла заступить мѣсто снохи, т. е. жены сына: двѣ отдѣльныхъ семьи соединяются въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, мужчины и дѣвицы, которые завязываютъ собою узелъ новой семьи, новаго рода, имѣющаго стать въ одинаковыя отношія къ той и другой. Но если въ славянскомъ языкѣ форма тьсть способствовала дѣйствительному значенію, то санскритское окончаніе man потребовало страдательнаго, будучи само въ связи съ страдательнымъ причастнымъ окончаніемъ ([28]); отсюда takman значитъ собственно рожденное, дитя. Согласно съ санскритомъ пошелъ и греческій языкъ, образовавшій τέκνον, также въ значеніи чадо; дитя ([29]). На примѣненіе идеи рожденія къ дѣтямъ мы указали выше, при разборѣ выраженій сынъ и чадо.

Образованіе женской формы теща (= старославян. тьшта) отъ тесть (=ст.-слав. тьсть) объясняется вполнѣ естественно требованіемъ славянскаго словообразованія и звукосочетанія. Су-

ществительное тьсть принадлежитъ къ числу немногихъ словъ, сохранившихъ въ формахъ склоненія родственность съ склоненіемъ древнихъ языковъ на тематичное и (=i), подобно словамъ: пѫть, зѧть, гость и др.; въ немъ, какъ и въ послѣднихъ, конечное ь замѣняетъ основное и, такъ что первоначальный видъ слова тьсть долженъ быть тьсти. Въ слѣдствіе приставки родоваго суффикса а для образованія женскаго рода, конечное и превращается въ j и своимъ вліяніемъ, по общему въ славянскомъ языкѣ закону, превращаетъ или смягчаетъ ст въ шт или щ, сливаясь съ ними въ одинъ звукъ. Отсюда тьстја = тьшта или русская форма теща. Попадающуюся форму въ древне-русскихъ памятникахъ: цтя или цьтя, вмѣсто тьстя, какъ въ слѣдующемъ выраженіи: «братъ наистарѣйшій, Романъ, уимаетъ волости у наю, слушая цтя своего, Святослава» ([31]), — объяснить весьма легко, какъ составившуюся отъ сліянія двухъ звуковъ тс, равноспльныхъ звуку ц.

Какъ очевидно, Славяне воспользовались и въ этихъ терминахъ родства общимъ корнемъ индоевропейскимъ, но пошли своимъ особымъ путемъ въ примѣненіи ихъ къ степени родства. Выраженія тесть и теща въ томъ смыслѣ, въ какомъ преимущественно употребительны они у Славянъ, принадлежатъ исключительно имъ; для обозначенія родителей жены, по отношенію къ ея мужу, другіе соплеменные народы пользуются тѣми же названіями, какія пріурочены родителямъ мужа по отношенію къ его женѣ, т. е. свекоръ и свекровь. Это находимъ мы въ санскритѣ, латинскомъ, древнемъ и новомъ германскомъ. Безъ сомнѣнія, подобной самостоятельности и особенности данныхъ терминовъ, указывающимъ на сравнительную ихъ новость въ языкѣ, слѣдуетъ приписать и ту неопредѣленность, не устойчивость въ ихъ употребленіи, какая бросается въ глаза наблюдателя надъ совокупностью нарѣчій славянскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только сравнительною новостью появленія этихъ названій съ господствующимъ значеніемъ и можно объяснить замѣну ихъ кое-гдѣ, какъ напр., у Хорутанъ, свекромъ и свекровью: не есть ли это остатокъ памяти о нѣкогда всеобщемъ употребленіи ихъ, на равнѣ съ Индійцами, Римлянами и Германцами? Въ свою очередь, не о томъ же ли говоритъ и смѣшанность понятій въ выраженіяхъ тесть и

теща, когда примѣняются они и къ зятю съ снохою? Едва ли не этой шаткости должно приписать и распространенность во всемъ юго-славянствѣ, у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, особыхъ терминовъ для тѣхъ же понятій. Извѣстно, что у поименованныхъ только что народовъ славянскихъ гораздо въ большемъ ходу названія пунац и пуница, вмѣсто тесть и теща.

Было бы не безполезно и не неважно опредѣлить происхожденіе указанныхъ юго-славянскихъ выраженій, чтобы видѣть, на сколько сродна или отдаленна идея, въ нихъ заключенная, отъ разъясненной идеи въ соотвѣтствующихъ имъ словахъ тесть и теща. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи рѣшить этого вопроса положительно, и только путемъ отрицанія существующаго толкованія, быть можетъ, пособимъ окончательному рѣшенію. Толкованіе словъ пунац и пуница принадлежитъ въ послѣднее время г. Гильфердингу. Въ своемъ сочиненіи «о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», онъ сближаетъ пуница съ скр. глагомъ van, любить, откуда vanitâ, женщина. Конечно, значеніе послѣдняго выраженія, какъ оно ни обще, не противорѣчитъ понятію о тещѣ; но уважаемый авторъ должно быть опустилъ изъ виду мужескій родъ, пунац, къ которому vanitâ не имѣетъ уже никакого отношенія. Независимо отъ этого, мы не можемъ не замѣтить, что въ подобномъ сближеніи играетъ роль больше кажущееся созвучіе, съ предположеніемъ при томъ равенства санскритскаго v славянскому п, нежели историческій взглядъ на звуковое развитіе сербо-хорватскаго нарѣчія. Даже допущеніе дѣйствительнаго равенства скр. v славянскому п ни мало не устраняетъ и не ослабляетъ подрывающаго подобное сближеніе вопроса: почему и какимъ путемъ скр. an замѣнилось посредствомъ ун въ сербскомъ нарѣчіи? Такая замѣна не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Между тѣмъ, гласный звукъ у, въ пунац, пуница, прежде всего долженъ остановить вниманіе, какъ скоро то или иное явленіе языка касается исключительно Сербовъ и Хорватовъ. И у тѣхъ и у другихъ звукъ у, кромѣ общаго происхожденія и значенія во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, представляетъ и свою спеціальную особенность, развившись изъ древнѣйшаго лъ, какъ: пук, вук, вм. плъкъ, влъкъ. Предположить въ настоящемъ случаѣ именно такое происхожденіе звука у въ дан-

ныхъ терминахъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе послѣдніе другимъ Славянамъ. Предположеніе это получитъ несомнѣнность, когда примемъ въ соображеніе посредствующую форму, уцѣлѣвшую въ хорутанскомъ нарѣчіи, въ которомъ нерѣдко старо-слав. лъ, согласно съ русскимъ языкомъ, обращается въ ол; существительное же polnica, въ значеній теща, попадается въ переводѣ Новаго Завѣта Трубера и указываетъ на плънъ = серб. хорватск. пун. ([32]). Такимъ образомъ, уже не пунац или пуница приходится сравнивать съ скр. van и vanitâ, а плънац или плъница; но противъ такого сравненія, надѣемся, возстанетъ не послѣ другихъ и самъ г. Гильфердингъ ([33]).

Новыя отношенія между двумя родами не ограничились новыми названіями только для главныхъ лицъ, родоначальниковъ, для родителей мужа и жены. Патріархальность быта не разлучна съ силою и живостью родственнаго чувства, а потому не могла не вызвать болѣе широкаго и точнаго опредѣленія и дальнѣйшихъ отношеній между родственниками соединенныхъ чужихъ родовъ. Братъ мужа не могъ въ такой же силѣ быть братомъ и для жены, подъ вліяніемъ этого быта; уравненіе замѣчается лишь въ позднѣйшей жизни народа, напр. русскаго, часто уже не отличающаго вовсе брата отъ деверя: родственныя отношенія, входившія въ составъ существенныхъ условій древнѣйшаго быта народнаго, всецѣло его проникавшія, необходимо вызывали и строгое отличіе разнообразныхъ степеней, что, въ свою очередь, неизбѣжно отражалось и на языкѣ. Отсюда, какъ для брата и сестры мужа, такъ и на оборотъ, для брата и сестры жены, какъ скоро роды вступили въ связь посредствомъ брака ихъ членовъ, образовались и особыя выраженія, въ первомъ случаѣ деверь и золовка, во второмъ — шуринъ и своякиня. Три первыхъ названія родились на почвѣ обще индо-европейской, и донынѣ, съ свойственными каждому отдѣльному языку видоизмѣненіями, распространены по всѣмъ составнымъ частямъ нѣкогда не раздѣльнаго племени.

Существительное деверь находитъ себѣ соотвѣтствующія выраженія, и по формѣ и по значенію, во всѣхъ коренныхъ языкахъ родственныхъ; такъ: скр. dêvar или dêvṛ, греч. δαήρ (= δᾱερ δᾱ-ερ), латин. levir, съ обращеніемъ d въ l ([34]), литов.

dĕweris, англо-саксон. tacur, tacor, древ. герм. zeihhur([35]). Не смотря, однакоже, на распространенность этого слова и на исключительное его значеніе брата мужа въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ, коренное его происхожденіе, а съ этимъ и основная идея до такой степени затемнены, что нѣкоторые изъ Филологовъ признали лишнимъ даже и пускаться въ его объясненіе([36]). Но для правильнаго взгляда на происхожденіе слова не неважно и то понятіе о лицѣ, имъ обозначаемомъ, какое высказывается въ жизни народной; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать этого условія хотя бы и въ качествѣ пособія. Посмотримъ, какую роль придаетъ деверю славянскій народъ.

Съ большею или меньшею распространенностью, выраженіе деверь знакомо всѣмъ Славянамъ до настоящаго времени: болгар., серб., хорват., хорутан. девер, чешск. dever̆, польск. dziewierz. Далеко однакоже не всюду замѣчаемъ одинаковое значеніе. У однихъ Славянъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, деверемъ называется и братъ жены, вмѣсто русскаго шурина; у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, деверь вообще тотъ, кто приводитъ къ алтарю жениха и невѣсту, слѣдовательно, равнозначущъ русскому дружкѣ. У Сербовъ, кромѣ того, означаетъ друга и секунданта, какъ въ слѣдующей пѣсни:

па ђевери од њи одступише,
и они се ударат стадоше.

Такое разнообразіе въ значеніи уяснится само собою, ежели мы вглядимся внимательнѣе въ обрядъ браковъ у Славянъ, доселѣ удержавшихъ такъ много знаменательныхъ обычаевъ, способныхъ поднять насъ къ глубочайшей старинѣ и тѣмъ облегчить уразумѣніе первоначальнаго смысла самыхъ выраженій. Дружкомъ и по сіе время обыкновенно бываетъ жениховъ братъ, замѣняемый ближайшимъ его родственникомъ или лучшимъ другомъ въ томъ только случаѣ, когда брата не имѣется или почему либо онъ признается неспособнымъ. Обязанность дружка состоитъ въ главномъ распоряженіи всѣми сложными обычаями при свадьбѣ, особенно при разгульномъ свадебномъ угощеніи; онъ же съ мечемъ стоитъ и около двери спальни молодыхъ. Послѣдняя обязанность брата женихова была, между прочимъ, поводомъ произво-

дить и самое слово деверь отъ двери ([37]). Понятно, что при замѣнѣ брата кѣмъ-либо другимъ, и названіе деверя, принадлежащее первому, могло перенестись на послѣдняго; отсюда значеніе деверя у Сербовъ и Хорватовъ, кромѣ брата жениха, и вообще того, кто ведетъ молодыхъ къ алтарю, у Хорутанъ — der für die Braut bestimmte Hochzeitdirector. А такъ какъ замѣнить въ подобномъ случаѣ брата всего скорѣе могъ или другъ жениха, или братъ невѣсты, то слово деверь, какъ у тѣхъ же Сербовъ, стало обозначать и друга, и брата невѣсты — жены, какъ у Чеховъ. Согласно съ этимъ, употребляется и слово женскаго рода, образовавшееся у Славянъ чешскихъ и сербскихъ: deverynĕ или deveřinĕ первыхъ означаетъ сестру мужа и жены, деверуша послѣднихъ жену деверя и тоже, что у Нѣмцевъ kranzjungfrau ([38]). Впрочемъ, значеніе деверя у Чеховъ, равно и у Поляковъ, скорѣе можетъ говорить въ пользу забвенія ими первоначальнаго смысла слова и, въ силу этого, смѣшенія съ названіемъ шуринъ; на это очевидно указываетъ и постепенная потеря въ языкѣ ихъ самаго выраженія деверь, вмѣсто котораго, и у тѣхъ и у другихъ, столь же обычно употребляется нѣмецкое schvager, одинаково для брата мужа и для брата жены, слѣдовательно, вмѣсто славянскаго деверь и шуринъ. Принимая въ соображеніе древнѣйшіе языки, а также господствующеее по сіе время значеніе деверя у Славянъ и исключительное обозначеніе имъ брата мужа, по отношенію къ женѣ, въ древнѣйшую пору, можемъ смѣло заключить, что это значеніе и есть первоначальное, основное; всѣ остальныя развились уже позднѣе, подъ вліяніемъ частныхъ условій каждаго поколѣнія славянскаго.

Всматриваясь въ должность деверя при свадьбахъ славянскихъ, при всей ея сложности и многосторонности, нельзя не отмѣтить господствующаго въ ней направленія — распространять и поддерживать веселье и разгулъ: деверь шутитъ, остритъ, заводитъ игры; ему принадлежитъ главный надзоръ за невѣстой, ухаживанье за нею; онъ же и главный ея руководитель ([39]). Подобный характеръ деверя въ состояніи дать по крайней мѣрѣ толчекъ искать въ смыслѣ самаго выраженія что либо указывающее на него ([40]). Максъ-Миллеръ, а за нимъ и Пиктэ не задумываются производить скр. dêvar отъ div, свѣтить, потомъ играть, шутить;

пособіемъ имъ при этомъ служитъ и скр. терминъ родства bhâma, означающій мужа сестры и происходящій отъ глагола bha съ значеніемъ, подобнымъ глаголу div. Идея веселости, радости не чужда родственныхъ терминовъ, какъ замѣтно и изъ скр. названія сестры мужа nandinî, собственно радующая. Мы позволимъ себѣ только нѣсколько ограничить непосредственный корень существительнаго деверь, производя его не прямо отъ div, господствующее значеніе котораго весьма далеко, а отъ dêv, уже второобразнаго глагола, употребительнаго съ исключительнымъ смысломъ играть, шутить. Присоединимъ къ этому, что и самое слово dêva является не рѣдко съ значеніемъ дитяти, любящаго играть ([41]) Допуская такое толкованіе слова деверь, мы далеки отъ того, чтобы признавать наличный характеръ деверя въ обрядовыхъ обычаяхъ Славянъ за основаніе къ названію: это потребовало бы признанія подобныхъ обычаевъ въ нераздѣльной еще жизни народовъ арійскихъ, что было бы слишкомъ смѣло и крайне сомнительно; напротивъ, мы охотнѣе готовы предположить обратное явленіе, что нынѣшній обрядовый характеръ деверя развился, быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ первобытнаго и, безъ сомнѣнія, очень долго сознававшагося основнаго значенія. Быть можетъ, ранніе браки востока, ставившіе младшаго мужнина брата въ положеніе соучастника въ играхъ съ женою послѣдняго, были первымъ основаніемъ къ такому названію; нельзя безусловно отрицать и вліяніе на него переворота въ отношеніяхъ между двумя родами, прежде чуждыми, часто враждебными, дѣлавшимися посредствомъ брака отдѣльныхъ членовъ ихъ близкими, родственными, что согласовалось съ общею радостью, весельемъ ([42]). Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казалась шаткою эта догадка, все же она имѣетъ больше за себя, нежели производство Диффенбаха ([43]), отнесшаго слово dêvar къ скр. глагольному корню ju, связывать, соединять. Ни со стороны внѣшней, звуковой, ни со стороны понятія нельзя оправдать такого производства безъ самыхъ насильственныхъ натяжекъ ([44]).

Названіе золовка, принадлежащее сестрѣ мужа, также всеобще распространено въ мірѣ славянскомъ, хотя въ позднѣйшую пору и замѣтно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вытѣсненіе его другими словами. Старо-славянская форма, вѣроятно, ближайшая къ

основнвму корню есть злъва; рядомъ съ нею стоитъ болгарская залва, за нею полногласная русская форма золовка, малорусская уменьшительная зовиця, сербо-хорватская заова, зава, хорутанская zava, zavična, zvična, словацкая zolvice, чешская zelva, zelvice, употребительная только въ простомъ народѣ, и то изрѣдка, замѣняясь чаще, подобно наречію польскому, нѣмецкимъ словомъ szwagrowa. Замѣна эта есть явленіе довольно новое у Поляковъ; по крайней мѣрѣ, еще въ XVI столѣтіи образцовые писатели и поэты польскіе не чуждались славянскаго выраженія. Вѣроятно тоже самое было и у Чеховъ ([45]).

Основная идея существительнаго золовка могла бы, повидимому, весьма легко объясниться сопоставленіемъ съ несомнѣнно родственнымъ выраженіемъ греческимъ и латинскимъ γάλως и glos, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ; но и въ нихъ одинаково оказывается утраченнымъ коренное происхожденіе; они являются у самыхъ древнихъ писателей уже исключительно съ тѣсно ограниченнымъ смысломъ опредѣленнаго родства. И здѣсь, слѣдовательно, всего ближе было бы обратиться къ санскриту, который оказывалъ и намъ, въ настоящемъ трудѣ, свое пособіе, и который скорѣе могъ бы привести къ желаемой цѣли, владѣя письменностью отдаленнѣйшихъ временъ. Но и санскритъ, въ словѣ золовка, осторожными филологами признается неспособнымъ безъ натяжекъ, которыхъ мы постоянно стараемся избѣгать, помочь опредѣленію кореннаго смысла въ такой степени, чтобы не возбуждать подозрѣній и сомнѣній въ изслѣдователѣ. По крайней мѣрѣ существительное cjâla, съ которымъ еще въ 1836 году ([46]) сравнивалъ Поттъ γαλως, glos и золовка, извѣстно съ инымъ значеніемъ, съ значеніемъ брата жены, и стоитъ такъ уединенно, особнякомъ, что гораздо основательнѣе, полагаемъ, отказаться вовсе отъ пріисканія кореннаго смысла, чѣмъ допускать предположенія, неимѣющія никакой объективной опоры. Обратимъ вниманіе, что поттово сравненіе не выдерживаетъ критики и со стороны звуковой: сродство скр. ç съ греко-латинскимъ g и съ слав. з такъ необыкновенно, что можетъ оправдываться развѣ чрезъ мѣру свободнымъ и ненаучнымъ обращеніемъ со звуками. Невѣроятность родства γαλως, glosu золовка съ cjâla доказывается еще положительнѣе мнѣніемъ Максъ-Миллера, уяснив-

шаго, еще въ 1856 году, образованіе небнаго ç въ скр. словѣ çjâla изъ зубнаго s, которое ни въ какомъ уже случаѣ не могло преобразиться въ греческомъ и латинскомъ въ g. Съ этимъ, какъ замѣтно, вполнѣ соглашается и Курціусъ ([47]). Съ этой точки зрѣнія и мы гораздо охотнѣе послѣдовали бы за Пикте, поставившимъ славянское, греческое и латинское выраженія совершенно отдѣльно отъ çjâla и не домогавшимся подыскивать какой-либо корень санскритскій ([48]), еслибы славянскій терминъ своимъ образованіемъ и своимъ звуковымъ отношеніемъ къ родственнымъ языкамъ не давалъ законнаго права къ естественному сближенію. Быть можетъ, понятное и отчасти извинительное невниманіе къ спеціальнымъ условіямъ славянскаго словообразованія со стороны германскихъ филологовъ и было причиною того, что имъ не удалось изъ предѣловъ одного греко-латинскаго языка подойти къ болѣе прямому пути.

Старославянская форма злъва, лежащая въ основѣ всѣхъ остальныхъ формъ нарѣчій славянскихъ, указываетъ прежде всего на первообразное злъв, которое гласнымъ л въ корнѣ своемъ свидѣтельствуетъ о корнѣ въ санскритѣ также съ гласнымъ л, или, по ближайшему родству его съ r, которое весьма обыкновенно и замѣняется первымъ, съ гласнымъ r; въ остальныхъ языкахъ родственныхъ слѣдовало-бы ожидать звукъ l или r, предшествуемый однимъ изъ чистыхъ гласныхъ: a, o, e, и. Въ греческомъ, дѣйствительно, и находимъ γαλω ([49]). Что касается до начальнаго согласнаго въ корнѣ, то онъ долженъ соотвѣтствовать въ санскритѣ славянскому з и греческому γ, а такой звукъ можетъ быть только g или равносильный ему, изъ него развившійся, ǵ (дж). Но при этомъ невозможно оставить безъ вниманія сербохорватскую форму заова. Соображая звуковую систему этого нарѣчія, по отношенію къ нарѣчію старославянскому, мы съ полнымъ правомъ можемъ замѣнить его, по правописанію послѣдняго, посредствомъ зълва, изъ котораго только и могла образоваться форма заова, такъ какъ старо-славянскому злъва соотвѣтствовало бы въ нынѣшнемъ сербскомъ и хорватскомъ зува, по общему и неизмѣнному правилу обращать гласное л (=ст. слав. лъ) въ у, какъ: влъкъ-вук, плъкъ-пук и т. под. Но зълва требуетъ уже въ корнѣ непремѣнно чистаго гласнаго, послѣ начальной со-

гласной, а потому и предполагаемый въ соотношеніе къ славянской формѣ злъв санскритскій корень gṛ или gi долженъ принять иной видъ, съ гласнымъ между g и r или l. Этотъ гласный звукъ, во первыхъ, необходимо считать короткимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ изъ него не образовалось бы слабое ъ въ славянскомъ языкѣ; во вторыхъ, имъ можетъ быть только a или y, потому что лишь эти звуки соотвѣтствуютъ гласному ъ. Мы позволяемъ себѣ видѣть этотъ корень въ санскритскомъ словѣ gar, смѣняемомъ въ большинствѣ словъ на gur или даже gurv, съ значеніемъ: возносить, поднимать, высоко ставить. Отсюда, прилагат. guru, въ смыслѣ высокій, почтенный, достоуважаемый. Тожественность gar и gur очевидна и изъ упомянутаго прилагательнаго, которое въ сравнительной и превосходной степеняхъ является съ a: garîjas, garišta. Это прилагательное (guru) въ женскомъ родѣ звучитъ gurvî. Слѣдуя обратному пути, подставляя вмѣсто санскритскихъ соотвѣтствующіе славянскіе звуки, получимъ зълва, такъ какъ долгое î въ окончаніяхъ женскаго рода замѣняется въ славянскомъ обыкновенно черезъ a (срав. ǵanî-жена). Что касается до отношенія упомянутаго прилагательнаго, къ понятіямъ родства, то необходимо обратить вниманіе: 1) на подобное-же значеніе, съ понятіемъ почтенія и уваженія, въ терминахъ свекоръ и свекровь, на образованіе atta, въ смыслѣ почтенный, отъ слова отецъ; 2) на употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ санскритской литературы выраженія guru въ качествѣ существительнаго и съ видимымъ примѣненіемъ къ родству, почему Боппъ для такихъ случаевъ и выразилъ его значеніе слѣдующимъ образомъ: guru, subst., magister et quaevis utriusque sexus persona propinquae cognationis causa imprimis veneranda; 3) не забудемъ и двойственнаго числа gurû, попадающагося въ значеніи: parentes (=родители) (50). Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, равенство звуковъ a и u (въ прилаг. guru), мы легко поймемъ и греч. α въ γάλως; соображая, съ другой, женскій родъ gurvî, убѣдимся, что в въ слав. злъва принадлежитъ корню; это в мы смѣло подразумѣваемъ и въ греч. выраженіи, въ которомъ оно должно предполагаться въ качествѣ дигаммы, въ косвенныхъ падежахъ: родит. γαλο-ος вм. γαλοϝος, и именительный гомерическій γαλοως, вм. γαλοϝως. Нарѣчіе старо-

славянское, очевидно, слѣдуя господствующему употребленію, установившемуся въ немъ относительно корней съ гласнымъ р̀— л̀, и въ настоящемъ случаѣ сотетаніе ар или ур превратило въ гласное л̀ (=р̀) ([51]) и такимъ образомъ составило форму злъва ([52]).

Относительно высказаннаго нѣкогда г. Аксаковымъ производства золовки отъ прилагательнаго золъ, злой замѣтимъ, что такое производство можетъ имѣть основаніе только въ случайномъ и ненормальномъ отношеніи родственницъ (жены брата и сестеръ мужа) въ современномъ быту народа, а не въ исторіи языка и даже не въ историческомъ развитіи самыхъ отношеній упомянутыхъ родственницъ. Какъ бы ни смотрѣли на наше сближеніе съ guru, но несомнѣннымъ для насъ остается то, что существительное злъва возникло не на славянской почвѣ, а въ эпоху совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ; на это убѣдительно указываютъ греч. γαλως и латин. glos, отвергать родство которыхъ съ славянскимъ терминомъ едва-ли рѣшится самая строгая филологія.

Третье названіе, возникшее также въ эпоху общей жизни народовъ арійскихъ, есть шуринъ, съ значеніемъ брата жены. Основная форма этого названія въ славян. языкѣ должна быть шура, что и встрѣчается въ нарѣчіи сербскомъ, съ тѣмъ-же значеніемъ, какое принадлежитъ и русскимъ Славянамъ. На нее же указываетъ и старо-русское слово шурія, въ собирательномъ смыслѣ, въ выраженіи: «а что оу Ондрѣя вытягальная грамота и рядная с шоуріею своею, ино дас Ондрѣи. ([53]). Нарѣчія западно-славянскія окончательно забыли этотъ терминъ, замѣнивъ его нѣмецкимъ швагеръ, общимъ для родства между братьями и сестрами мужа и жены: такъ у Чеховъ, Лужичанъ и даже у Поляковъ. Но что существительное шуринъ забыто только ими, будучи знакомо въ древнее время и имъ, на равнѣ съ Славянами восточными и южными, видно изъ господствующаго употребленія въ XVI еще столѣтіи у Поляковъ слова szurzy (родит. szurzego).

Происхожденіе этого названія, думаемъ смѣло, должно быть отнесено къ тому же коренному выраженію, какимъ объяснили мы выше слово свекоръ. Коренное санскр. çura также послѣдовательно, не нарушая звуковыхъ законовъ, могло появиться въ славянскомъ въ формѣ шура, какъ и въ формахъ съ начальными

звуками с, к и щ, вмѣсто небнаго ç. Въ такомъ случаѣ, и здѣсь основная идея есть: господинъ, герой, что, съ одной стороны, весьма знаменательно объясняется обычнымъ скр. терминомъ для этого понятія — âtmavîra, изъ âtman (свой) и vîra (мужественный человѣкъ, герой), или прилагательнымъ çvaçurja ([54]), столь наглядно указывающимъ на одинаковость идеи въ шуринѣ и свекрѣ, съ другой — оправдывается характеромъ шурина въ обрядовой части свадебъ славянскихъ. Дѣйствительно, въ свадебныхъ обрядахъ до сихъ поръ, особенно у Славянъ русскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, шуринъ представляется въ качествѣ распорядителя судьбою своей сестры, невѣсты. Онъ выводитъ ее на показъ жениху; его проситъ зять отдать свое суженое, онъ продаетъ сестру; онъ обуваетъ ее къ вѣнцу; онъ же первый встрѣчаетъ молодыхъ послѣ вѣнца и отворяетъ ворота свадебному поѣзду; его, наконецъ, откупаютъ з покути, съ передняго угла, куда садится онъ рядомъ съ своей сестрой, какъ вѣрнѣйшій ея защитникъ и хранитель ([55]). Также и у Сербовъ; братъ невѣсты не прежде передаетъ сестру деверю, какъ получитъ денежный окупъ; деверь не прежде получитъ и приданое невѣсты, какъ выкупивъ его у ея брата ([56]). Все это, перенесенное въ отдаленную эпоху браковъ посредствомъ похищенія, увода, не можетъ не характеризовать брата невѣсты дѣйствительнымъ и крѣпкимъ ея стражемъ, съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдующимъ ея похитителей, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ доселѣ съ отмичарами сербскими. Понятно, что, съ точки зрѣнія жениха, шуринъ естественно становился господиномъ, властелиномъ его невѣсты, будущей жены. Съ такимъ понятіемъ легко могло соединиться и понятіе любезности, пріятельства, какъ скоро женихъ достигалъ своей цѣли, получалъ свою невѣсту отъ ея брата. На такое-то значеніе указываетъ областное слово шурка, употребляющееся въ тверской губерніи въ смыслѣ милый, любезный, и, конечно, одного происхожденія съ шуринъ.

Четвертое названіе, соотвѣтствующее въ родственныхъ степеняхъ золовкѣ, есть свѣсть, т. е. сестра жены, по отношенію къ ея мужу. Терминъ этотъ принадлежалъ нѣкогда всѣмъ Славянамъ, сохраняясь въ большинствѣ ихъ и до настоящаго времени. Его находимъ мы въ памятникахъ старо-славянскихъ, въ

формахъ свьсть и свѣсть; онъ занимаетъ видное мѣсто и въ кормчей книгѣ; господство его въ древности у русскихъ оправдывается частымъ присутствіемъ въ русской письменности ([37]); въ формѣ свѣсь живетъ онъ и донынѣ въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи. Что касается южной Россіи, то единственно только онъ и употребляется для обозначенія сестры жены, въ видѣ свисть, съ уменьшительною формою свистонька. Съ тѣмъ же значеніемъ находимъ мы его и у Сербовъ и Хорватовъ, въ формѣ сваст, и у Хорутанъ—сиваст. Въ нарѣчіяхъ западныхъ, у Чеховъ, Поляковъ, и Лужичанъ, и это родство обозначается въ настоящее время нѣмецкимъ названіемъ швагрова; но не такъ было въ старину. У Поляковъ świésć встрѣчаемъ въ полной силѣ еще въ XVI столѣтіи, какъ, напр., въ хроникѣ Стрыйковскаго: poslal Mendog do świeści, siostry żony swojej, aby przyjechała na pogrzeb siostry; чешское swĕst отмѣчено Вацерадомъ, попадается не разъ и послѣ въ письменности, хотя и въ разнообразномъ значеніи родства посредствомъ брака. По Вацераду, оно означаетъ и сестру жены, и сестру мужа (золовку), и жену брата; въ послѣднее время, ко всему этому присоединилось и значеніе свекрови. Въ современномъ нарѣчіи чешскомъ, равно и польскомъ, слово это погибло вовсе, замѣнившись упомянутымъ уже нами выраженіемъ žvagrova. Принимая въ соображеніе господство значенія у наибольшей части Славянъ существительнаго свѣсть, какъ сестры жены, его же находя у Чеховъ въ XIII столѣтіи и послѣ, можемъ смѣло утверждать, что обобщеніе понятія свѣсти у послѣднихъ не есть исконное, а произошло уже въ слѣдствіе ослабленія родственныхъ названій, что, въ свою очередь, могло быть результатомъ только потрясенія и самаго быта родоваго.

Происхожденіе слова свѣсть, а съ этимъ и коренной смыслъ его, полагаемъ, опредѣлить не трудно, если взять во вниманіе равносильное ему и замѣнившее его современное русское названіе и вообще другіе термины родства посредствомъ браковъ. Употребительнѣйшее выраженіе въ сѣверной Россіи для сестры жены теперь есть своякиня, своячина, свояченица. Въ основаніи всѣхъ этихъ словъ, очевидно, лежитъ мѣстоимѣніе свой; оно же несомнѣнно и въ соотвѣтствующемъ названіи мужскаго рода

своякъ, попадающемся и въ церк. славянскихъ памятникахъ, едва ли, впрочемъ, не подъ вліяніемъ русскаго говора ([58]); свояками называются въ настоящее время мужья, женатые на родныхъ сестрахъ. Въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ и сербо-хорватскомъ рус. своякъ замѣняется свакомъ, въ чемъ нельзя не видѣть только иной формы того же самаго слова, образовавшейся посредствомъ обычнаго стяженія оя въ а, какъ въ пас изъ поясъ, сва изъ своя, ка изъ коя, стана изъ стояна и множество другихъ случаевъ, принадлежащихъ особенно сербохорватскому нарѣчію ([59]). Это же а рѣшаемся мы видѣть и въ сербохорватскомъ выраженіи сваст, хорутан. сиваст; въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ, старо-славянскомъ, древнемъ и областномъ русскомъ стяженное а усилилось, по примѣру множества случаевъ въ языкѣ славянскомъ, въ ѣ, откуда и произошло свѣсть, съ переходомъ же ѣ въ и малорусское свисть. Единство происхожденія свѣсти черезъ сваст съ свакомъ очевидно изъ лужицкаго нарѣчія, въ которомъ вм. свѣсть употребляется свака. Можно бы на первый взглядъ видѣть въ сваст не стяженіе оя въ а, а первобытную тему мѣстоименія свой, санскр. sva; такое предположеніе, повидимому, оправдалось бы и древностью вообще родственныхъ названій, образованіе которыхъ относится въ большинствѣ къ порѣ нераздѣльной жизни индоевропейцевъ; но противъ подобнаго мнѣнія нельзя не выставить и нѣкоторыхъ сомнѣній. Такъ, въ то время, какъ родственные языки не предлагаютъ намъ тожественныхъ по формаціи терминовъ, тема скр. мѣстоимѣнія sva употребляется лишь съ короткимъ а, сохраненіе котораго въ томъ же видѣ въ славянскомъ языкѣ составляло бы необыкновенный случай. Между тѣмъ долгота а въ сваст до сихъ поръ слышится въ говорѣ Сербовъ, оправдывается она и формою свѣсть; эта же долгота указываетъ ясно на долгое а въ темѣ. На этомъ основаніи, мы и позволили себѣ выше замѣтить, что происхожденіе разсматриваемаго термина совершилось собственно на славянской почвѣ и обязано стяженію двухъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгій. Отсюда понятно, что и окончаніе сть принимаемъ мы за образовательную приставку, какъ въ словахъ: старость, младость и т. п.

Къ мѣстоименному же корню свой находимъ мы еденственно

справедливымъ отнести и существительныя сватъ, сватья, свака, за ними и глаголъ сватать и существительное сватьба. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что какъ серб. свак соотвѣтствуетъ рус. своякъ, гдѣ очевидно мѣстоимѣніе свой, такъ и древне-русскому сватьство, встрѣчающемуся, между прочимъ, въ уставѣ Владиміровомъ, соотвѣтствуетъ нынѣшнее свойство, въ смыслѣ родства между двумя родами, соединенными посредствомъ брака; во вторыхъ, значеніемъ въ древне-русскомъ языкѣ глагола свататься, въ смыслѣ сближаться, сговариваться, осваиваться, какъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи: Изяславъ сватается со Всеславомъ мысля на наю ([60]). При такомъ объясненіи происхожденія словъ: сватъ, свататься, сватьба, мы отступаемъ отъ догадки Шимкевича, полагавшаго возможнымъ производить эти слова отъ глагола веду на томъ основаніи, что жена называлась иногда, въ древнее время, на Руси, водимая, какъ Бошняками доселѣ называется доведена, а также и на попадающемся въ старину правописаніи сватьба ([61]). Замѣчательно, что такое производство повторено въ 1858 году однимъ изъ молодыхъ чешскихъ филологовъ, г. Новотнымъ ([62]).

Говоря о происхожденіи свѣсть отъ свой, полагаемъ умѣстнымъ остановиться и на другихъ выраженіяхъ родства, образовавшихся изъ того же мѣстоименія, что, надѣемся, подтвердитъ еще болѣе мнѣніе наше и относительно образованія свѣсть и сватьба.

Мѣстоименіе свой во всѣхъ родственныхъ языкахъ, даже въ простомъ своемъ видѣ, служитъ общимъ терминомъ для названія родственниковъ. Такъ, скр. svaka, составленное изъ sva и суффикса ka, означаетъ propinquus, proximus, подобно тому какъ mamaka (собств. мой) употребляется дѣтьми въ значеніи родителей ([63]); это напоминаетъ употребленіе Славянами мой-моя, вм. мужъ-жена. Вмѣстѣ съ svaka, въ смыслѣ родственника ([64]), извѣстно въ санскритѣ съ тѣмъ же значеніемъ и сложное svágana, изъ sva и ǵana (рожденный). Тоже находимъ и въ латинскомъ suus, и въ слав. свой, какъ въ пословицѣ русской: *свой своему* по неволѣ другъ. Отсюда въ старо-славянскомъ своить и своишь уже исключительно родственникъ, родичъ; серб. свойта собраніе, совокупность родныхъ ([65]). Но, кажется, съ незапамятныхъ поръ,

языкъ славянскій обозначеніе родства посредствомъ сложныхъ и производныхъ отъ свой отнесъ преимущественно къ опредѣленію отношеній двухъ родовъ, соединенныхъ бракомъ между ихъ отдѣльными членами. Особенно послѣдовательны при этомъ нарѣчія церковно-славянское и русское, въ которыхъ явственно отличаются два термина: родство, для восходящей и нисходящей, прямой и боковой линій, и свойство, для двухъ родовъ или семей, породнившихся, сдѣлавшихся своими, черезъ бракъ. Отсюда, въ первомъ случаѣ утвердилось названіе родственникъ или родичъ, во второмъ—своить, своишь или свойственникъ. Это общее названіе, съ различными видоизмѣненіями формы, сдѣлалось терминомъ и для частныхъ степеней свойственнаго родства, различныхъ у разныхъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ русскомъ, наряду съ своякиня, какъ сказано, стоитъ своякъ, т. е. мужъ жениной сестры, тогда какъ соотвѣтствующимъ ему, въ сербскомъ нарѣчіи, словомъ свак Сербка называетъ мужа своей сестры (66). Впрочемъ, у Сербовъ употребительна и форма свояк, вмѣсто свак, что убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу происхожденія послѣдняго отъ свой, какъ и въ пользу тожественности происхожденія свасти съ свакомъ. Въ самомъ значеніи ихъ очевидное соотвѣтствіе: свастью называетъ мужъ сестру своей жены; свакомъ называетъ каждая Сербка мужа родной своей сестры. Различіе, слѣдовательно, у Русскихъ съ Сербами, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что Сербы въ названіи сваст, какъ Лужичане въ свака, не усилили а въ ѣ, что, кромѣ русскаго нарѣчія, произошло въ чешскомъ и польскомъ, имѣющихъ свѣсть, и въ томъ, что Русскіе не стянули оя въ а въ выраженіи своякъ, какъ Сербы въ свак. Замѣна свѣсти посредствомъ своякиня едва ли не обязана формѣ своякъ, въ которой виднѣе сохранился коренной смыслъ по нагляднѣйшему сбереженію кореннаго мѣстоимѣнія. Само собою понятно, что чешское слово svak точно также не могло удержать однообразія въ значеніи, какъ и сродное ему svĕst', — и его употребленіе встрѣчаемъ мы и въ смыслѣ мужа сестры, и въ смыслѣ шурина, деверя и др.

Существительное сватъ, съ женскимъ родомъ сватья, которыя, не задумываясь, относимъ мы также къ корню свой, имѣютъ

самое разнообразное значеніе, но съ неизмѣннымъ у всѣхъ Славянъ ограниченіемъ родства между двумя родами или семьями. На Руси прежде всего сватами называютъ другъ друга отцы мужа и жены, какъ сватьями ихъ матери, за симъ сватами величаютъ и тѣхъ, кто при бракѣ заступаетъ мѣсто отца, или кто испрашиваетъ жениху невѣсту и предлагаетъ невѣстѣ жениха. Поэтому въ Сербіи сватами называютъ всѣхъ, кто отправляется вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою. У Чеховъ сватъ является столь же неопредѣленнымъ значеніемъ, какъ свакъ, выражая то общее понятіе родственника, хотя непремѣнно при содѣйствіи брака, то брата мужа или жены, т. е. шурина или зятя, подобно послѣднему. Не уступаетъ чешскому разнообразію и употребленіе термина сватъ въ польскомъ нарѣчіи; въ нарѣчіяхъ же хорватскомъ и хорутанскомъ не рѣдко сватомъ обозначается даже женихъ. Въ соотвѣтствіе свату во второмъ его русскомъ значеніи, для женщины употребляется слово сваха, т. е. лице, устраивающее бракъ посредствомъ взаимнаго предложенія жениха и невѣсты. Въ томъ же значеніи живетъ оно и у Чеховъ и Поляковъ. И какъ у Русскихъ стало обозначать это слово не рѣдко женщину, мѣшающуюся не въ свое дѣло, такъ точно и у послѣднихъ находимъ его въ этомъ смыслѣ въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Dobry on bordzo człowiek, by go nie psowała
Domowa swacha, ta go właśnie osiodłała ([67]).

Разнообразію значеній приведенныхъ словъ удивляться мы не будемъ, ежели сообразимъ общность понятія кореннаго мѣстоименія, изъ котораго всѣ они образовались. Само собою понятно, что при этомъ общемъ основномъ понятіи, каждый членъ двухъ семей, связанныхъ между собою въ лицѣ двухъ членовъ бракомъ, есть свой другу, свойственникъ, свакъ, своякъ, сватъ, или, въ женскомъ родѣ, свѣсть, свака, сватья, сваха. Но каждый народъ, удержавъ одну форму для общаго понятія, другія обратилъ въ частные термины, сообразно личнымъ своимъ желаніямъ. Отсюда неизбѣжно должно было появиться то разногласіе въ ихъ значеніи, о какомъ только что говорили мы. Но это же самое разнообразіе, распространившись не только на нарѣчія, по

отношенію ихъ другъ къ другу, а и на каждое отдѣльное нарѣчіе, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ развитія его изъ одного общаго понятія, выражавшагося нѣкогда всѣми этими словами, и лишь съ теченіемъ времени, частью при совмѣстной еще жизни, частью по разъединеніи славянскихъ народовъ, усвоившими частное значеніе.

Относительно внѣшняго разнообразія словъ нами уже высказано замѣчаніе на своемъ мѣстѣ; здѣсь прибавимъ только, что и независимо отъ стяженія оя въ а могли образоваться слова: свакъ, сваха, сватъ, а изъ послѣдняго сватьство, сватать, именно посредствомъ опущенія й въ мѣстоименіи свой и усиленія о въ а. По крайней мѣрѣ такой способъ образованія можетъ находить подтвержденіе въ формѣ существительнаго свотво, въ смыслѣ свойство, какъ въ слѣд. выраженіи: «сказаніе хытро о чювьствехъ телесных и о душевьнѣм свотвѣ» ([68]). Съ опущеніемъ того же й составилось, вѣроятно, и существительное свобода, соотвѣтствующее скр. svâîra, имѣющему въ основаніи также мѣстоименіе sva и означающему буквально—господинъ надъ собою, самъ себѣ господинъ ([69]).

Представленными и, по мѣрѣ силъ, разъясненными названіями не ограничивается еще количество терминовъ въ языкѣ славянскомъ для междуродоваго или семейнаго родства. Мы видѣли одну сторону отношеній жены и мужа къ ихъ братьямъ и сестрамъ, выраженныхъ названіями деверь и золовка, шуринъ и свѣсть. Обратное отношеніе послѣднихъ къ первымъ, деверя и золовки къ женѣ (брата), шурина и свѣсти къ мужу (сестры), произвели выраженія: ятровь и своякъ.

Слово ятровь доселѣ сохраняется въ областномъ русскомъ говорѣ какъ названіе жены брата со стороны золовки и деверя; въ древнее время оно было всеобще употребительнымъ, что можно замѣтить изъ частой встрѣчи этого слова въ памятникахъ лѣтописныхъ и законодательныхъ: поимають мачехи своя и ятрови; а жену его, свою ятровь, и съ дѣтми везоша въ Рязань; Богу же бывшю поспѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія ятровь свою и дѣтятѣ ([70]); аще безъ вины свекорь біеть сноху или деверь ятровь ([71]) — во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе ятрови тоже самое, жены брата. Но какъ брать-

евъ можетъ быть двое и больше и всѣ они могутъ быть женатыми, то понятно, что жены ихъ, по отношенію ко всѣмъ братьямъ мужей своихъ, т. е. къ деверьямъ, должны быть тоже ятровями. Отсюда естественъ переходъ термина ятровь отъ жены брата къ опредѣленію взаимныхъ отношеній всѣхъ женъ братьевъ: здѣсь, полагаемъ, причина, почему ятровями стали называть другъ друга жены двухъ и болѣе братьевъ. Въ такомъ значеніи живетъ это слово у Сербовъ и Хорватовъ, какъ видно и въ слѣд. пословицѣ: bile se jetervice (жены братьевъ) preko svekervice ([72]). Въ настоящее время терминъ этотъ въ языкѣ русскомъ все больше и больше выходитъ изъ употребленія, даже въ быту простаго народа. У Великоруссовъ не слыхать его почти нигдѣ, у Малоруссовъ ятровка произносится кое-гдѣ, но какъ воспоминаніе о какомъ то старомъ родствѣ; у Бѣлоруссовъ ятрувка живетъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ не разъ попадается въ пѣсняхъ народныхъ ([73]). Нельзя не думать, что скоро придетъ время, когда и это выраженіе также забудется всюду, какъ забыто оно Чехами, употреблявшими нѣкогда и его, сколько можно судить по словарю Вацерада, въ которомъ объясненіе его вполнѣ сходится съ значеніемъ русскимъ и сербо-хорватскимъ: jatrvenice — janitrices, duorum fratrum inter se uxores, или Поляками, jątrew которыхъ попадается довольно обыкновенно еще въ XVI столѣтіи.

Происхожденіе и основное значеніе слова ятровь или, по правописанію старо-славянскому, ІАТРЪ (родит. ІАТРЪВЕ) едвали представляютъ особое затрудненіе, если сообразить соотвѣтствующій терминъ въ скр. языкѣ, въ которомъ jâtṛ является съ тѣмъ же значеніемъ и съ тѣмъ же образованіемъ, какъ и въ славянскомъ языкѣ. Корень слова, очевидно, есть jam, равный въ ст.-слав. ИМ, въ ИМѪ, и ІА, въ ІАТИ, съ разнообразными значеніями, между которыми занимаютъ видное мѣсто и управлять, укрощать, поддерживать. Послѣдняя часть слова состоитъ изъ того же суффикса tṛ (tar), на который не разъ приходилось указывать намъ и въ другихъ терминахъ родства, какъ на выражающій собою дѣйствующія лица. Долгота звука ja обязана всего вѣроятнѣе выпуску носоваго m (вм. jamtṛ) ([74]); въ славянскомъ языкѣ послѣдній не погибъ, какъ видно изъ ст.-слав. формы

ıатръ и польской jątrew. Мы не имѣемъ ничего противъ положенія Поктэ, видящаго въ выраженіи jâtr, съ господствующимъ значеніемъ жены мужнина брата (mariti fratris uxor), идею о помощницѣ, соучастницѣ въ трудѣ, какою естественно должна казаться жена втораго брата, по отношенію къ женѣ перваго. Съ этимъ вмѣстѣ вполнѣ соглашаемся и съ тожественностью происхожденія латин. термина janitrix, во множ. janitrices, какъ выражали взаимныя свои отношенія у древнихъ Римлянъ жены двухъ братьевъ (75). Понятно, что ятровь относительно родителей ея мужа есть сноха; отсюда легко образовалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великой Россіи и выраженіе сношеница, смѣнившее собою старинное ятровь: сношеницами въ Владимірской, напр., губерніи называются жены братьевъ, т. е. ятрови (76).

Соотвѣтствующій терминъ ятрови для мужескаго пола есть своякъ. Происхожденіе этого слова, а съ нимъ и коренное значеніе нами разсмотрѣно. Видѣли мы и то, что своякъ есть только особая русская форма употребительнаго у другихъ Славянъ существительнаго свакъ; упомянули, между прочимъ, и о томъ, что прежде всего своякъ или свакъ означаетъ вообще своего, свойственника, потомъ, въ частномъ смыслѣ, мужа сестры. Отсюда понятенъ переходъ къ тому значенію, какое исключительно соединено съ словомъ своякъ въ нарѣчіи русскомъ и какое, на ряду съ значеніемъ мужа сестры, извѣстно и другимъ Славянамъ, какъ Сербамъ и Хорватамъ, именно—взаимное обозначеніе двухъ лицъ, женатыхъ на родныхъ сестрахъ. Какъ ятровь отъ первоначальнаго понятія жены мужнина брата (= деверя), при нѣсколькихъ женатыхъ братьяхъ, перешло къ взаимному названію женъ послѣднихъ, такъ точно и своякъ или свакъ отъ понятія мужа сестры, при нѣсколькихъ замужнихъ сестрахъ, сдѣлался взаимнымъ терминомъ для мужей послѣднихъ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить и синонимическое выраженіе для свояка, господствующее у югославянскихъ народовъ: Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ; ѳто — пашанац, пашеног и въ сокращенномъ видѣ паш. Къ сожалѣнію, мы находимъ себя внѣ возможности дать какое либо удовлетворительное объясненіе происхожденія этого термина и первобытнаго кореннаго его значенія.

Понятно, что отсутствіе подобнаго названія у родственныхъ народовъ составляетъ главное препятствіе; за то, въ свою очередь, отсутствіе это служитъ и убѣдительнымъ доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія самого названія, обязаннаго, вѣроятно, единственно народамъ югославянскимъ (77).

Этимъ мы можемъ и заключить исчисленіе и объясненіе терминовъ родства и свойства, извѣстныхъ и общеупотребительныхъ въ мірѣ славянскомъ. Не рѣшаемся утверждать, чтобы ихъ не было больше; напротивъ, скорѣе склоняемся въ пользу того, что среди многочисленнаго нашего племени живетъ не одинъ еще пятокъ подобныхъ терминовъ, не станемъ отрицать и того, что въ ряду послѣднихъ, быть можетъ, не одно выраженіе восходитъ своимъ образованіемъ къ глубокой старинѣ совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ и своимъ кореннымъ значеніемъ способно освѣтить не одну ея сторону, сокрытную исторіей; но такія названія или вращаются въ узкой мѣстности, оставаясь доселѣ не тронутыми ни древнѣйшею, ни новѣйшею письменностью Славянъ, или и попались случайно въ послѣднюю, но не были нами замѣчены. Въ замѣнъ такихъ, невольно опущенныхъ нами названій, взглянемъ, хотя бѣгло, на тѣ выраженія, которыми опредѣлилъ народъ славянскій членовъ, связующихъ отдѣльные роды, стоящихъ какъ бы на рубежѣ между родствомъ и свойствомъ и, своимъ соединеніемъ, производящихъ взаимность между тѣмъ и другимъ. Чѣмъ розобщеннѣе между собою рисуются роды въ древнѣйшей жизни, тѣмъ знаменательнѣе, конечно, долженъ былъ представляться и актъ ихъ объединенія, а черезъ то и важнѣе для изслѣдователя терминологія, опредѣляющая воззрѣніе глубокой старины какъ на самый актъ, такъ и на лицъ, занимающихъ въ немъ главное мѣсто.

Актъ самаго соединенія двухъ родовъ или семей выражается въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ весьма различными терминами. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ исключительно однимъ и вовсе неизвѣстны въ другихъ; тѣмъ не менѣе, почти всѣ они заслуживаютъ вниманіе изслѣдователя и способны, хотя и въ видѣ намековъ, бросить новый свѣтъ на отдаленнѣйшую эпоху. Въ ст. славянскомъ нарѣчіи общеупотребительнѣйшее выраженіе для этого акта было бракъ; оно же существуетъ и у русскихъ

Славянъ, преимущественно на сѣверѣ. Коренной смыслъ этого слова слишкомъ простъ и не выражаетъ собой ничего больше, кромѣ взятія, потому что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ происхожденіи его отъ корня бра-бер, въ скр. bhar-bhr. Чѣмъ проще и незатѣйливѣе идея событія, обставленнаго съ давнихъ временъ самыми сложными обрядами, тѣмъ естественнѣе, думаемъ, предположить глубокую ея древность, когда послѣднія не успѣли еще укорениться въ жизни и сдѣлаться необходимѣйшимъ условіемъ брака. Подобная идея не стоитъ уединенно въ славянскомъ языкѣ; она же очевидна и въ скр. выраженіи vid, совершать бракъ, жениться или выходить замужъ, собственно-же: пріобрѣтать, получать. Отсюда, vêttar, женихъ, собственно пріобрѣтающій, берущій. Этотъ корень замѣтенъ и въ греч. языкѣ, въ выраженіи, относящемся также къ браку, именно въ словѣ ἔδνον, вмѣсто Ϝέδνον, съ значеніемъ подарка невѣстѣ отъ жениха. Сюда же позволяемъ себѣ отнести и слав. вѣно, съ тѣмъ же самымъ, какъ извѣстно, значеніемъ, гдѣ ѣ служитъ поднятіемъ кореннаго и, какъ въ скр. vêttar, а д опущено передъ н, по весьма обычному правилу языка славянскаго (78). Оправданіемъ нашего мнѣнія могутъ служить и древне германскія выраженія: weotoma, weotuma, witma, wittemon, приданое, указывающія собою на тотъ же корень vid, посредствомъ германскаго wit (79).

Словомъ бракъ и ограничиваются всѣ славянскіе термины съ понятіемъ простымъ, общимъ и неопредѣленнымъ; рядъ другихъ выраженій вводитъ уже замѣтно какой либо частный оттѣнокъ, относящійся преимущественно къ способу брака. Такъ, чешское sňatek, происхожденіемъ своимъ отъ sníti, сходиться, откуда и sněm, сходка, собраніе, невольно напоминаетъ слѣдующее замѣчаніе Нестора о древнѣйшемъ бракѣ у Славянъ, такъ прозрачно рисующее первобытный на него взглядъ народа: «схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Идея схожденія, простаго физическаго соединенія, какъ первобытный способъ брака, даетъ себя чувствовать и въ греческ. терминѣ γάμος, бракъ (слѣдовательно тоже что чешское sňatek), имѣющемъ въ основѣ своей корень gam, съ значеніемъ идти, подходить, а потомъ соединяться съ женщиной.

Но по мѣрѣ того, какъ жизнь возвышалась нравственно и отбрасывала обычаи звѣринскіе при бракѣ, обставляя послѣдній все большею человѣчностью и болѣе чистою обрядностью, и новые термины для брака заимствовались уже отъ новыхъ обычаевъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести ст. слав. обр҃ченіе, въ смыслѣ испрашиванья невѣсты, откуда обр҃чьникъ, женихъ, и обр҃чьница, невѣста. Корень этого сложнаго выраженія, конечно, есть рука, свидѣтельствующій объ установившемся уже обычаѣ передавать руку невѣсты жениху въ знакъ брака. Обычай этотъ восходитъ къ отдаленной старинѣ и принадлежитъ началомъ своимъ, безъ сомнѣнія, нераздѣльной еще жизни цѣлаго арійскаго племени. Санскритскія выраженія для брака: karagraha, pânigraha означаютъ собственно взятіе руки; нѣтъ надобности и распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ рука и донынѣ въ брачныхъ обрядахъ во всей Европѣ. У Индійцевъ строго опредѣлялось и лице, которое обязано было передавать руку невѣсты жениху, въ случаѣ отсутствія отца ([80]). Польское gody, въ смыслѣ брака, являющееся въ чешскомъ уже съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ svatebni hody, въ томъ же значеніи брака, сватьбы, переноситъ насъ снова въ глубокую древность и къ обрядности, свидѣтельствующей о пастушескомъ бытѣ народа. Вполнѣ основательно, думаемъ мы, сопоставляетъ славянское выраженіе Пиктэ съ скр. gôdâna, обозначающимъ приданое невѣсты, выдававшееся вмѣстѣ съ послѣднею съ извѣстными обрядами и состоявшее первоначально изъ коровъ (gô); отсюда эпитетъ Индра gôda или gôdatra, т. е. доящій коровъ. Въ древне-германскомъ faderfio, въ англо-саксонскомъ faedhering feoh, собственно скотъ отца, потому же самому стали обозначать приданое, выдававшееся отцемъ дочери при ея замужествѣ ([81]). Распространеннѣе, однакоже, всѣхъ этихъ терминовъ извѣстны у Славянъ выраженія веселье и свадьба. Останавливаться на нихъ излишне, такъ какъ значеніе перваго вполнѣ ясно, а происхожденіе втораго разсмотрѣно нами выше. Замѣтимъ только одно, что въ обозначеніи соединенія двухъ родовъ весельемъ нельзя отрицать идеи радости въ слѣдствіе прекращенія непріязненности, враждебности прежде чужихъ родовъ, чѣмъ объясняетъ г. Миллеръ и нѣкоторые термины свойствен-

наго родства ([82]). Дѣйствительность такой враждебности, по крайней мѣрѣ отчужденности проникаетъ насквозь и доселѣ свадебныя пѣсни Славянъ, изображающія съ одной стороны жениха чужбинином, чужимъ человѣкомъ, даже черной тучей, съ другой — представляя опасенія за будущую жизнь молодой въ чужой семьѣ. Враждебностью, конечно, можно только объяснять и обычай умычки, увода невѣсты. Радость, так. образомъ, отъ перемѣны отношеній, отъ умноженія силы связью съ новымъ родомъ понятна; и если веселье, весилье теперь скорѣе говоритъ въ пользу разгульнаго пиршества во время свадьбы, то само послѣднее первоначально могло быть естественнымъ послѣдствіемъ союза семей ([83]).

Главныя дѣйствующія лица въ актѣ брака, очевидно, суть невѣста и женихъ. Понятія, соединяемыя съ этими названіями въ настоящее время у Славянъ, едва ли мыслимы и a priori для древнѣйшей поры, когда получили выражающія ихъ реченія свое образованіе. Взглядъ на ихъ происхожденіе и сопоставленіе ихъ съ синонимическими терминами убѣдятъ въ этомъ еще больше.

Словомъ невѣста опредѣляемъ мы то состояніе дѣвицы, въ какомъ находится она отъ помолвки до вѣнца. Но такое состояніе не согласно съ эпохою, когда бракъ былъ дѣломъ случайнымъ, зависѣвшимъ отъ минутнаго распоряженія, когда не существовало ни обычаевъ предварительнаго ознакомленія, ни сложной обрядности, обставившей бракъ въ позднѣйшее время. А между тѣмъ, далеко не въ первобытную пору бракъ рисуется простымъ схожденіемъ молодыхъ людей обоего пола, умычкой дѣвицы во время игрищъ или при другомъ случайномъ свиданіи. Кромѣ свидѣтельства Нестора, о томъ же говоритъ и обычай сербскаго отмичарства, на тоже указываетъ и арабское сказаніе, въ силу котораго покрытіе женихомъ головы невѣсты, какъ бы случайно и мимоходно ни произошло оно, было достаточнымъ символомъ брака ([84]). При такихъ условіяхъ, дѣвица прямо становилась женою и слово невѣста могло выражать развѣ первый моментъ брачной жизни, но уже ни въ какомъ случаѣ то, что понимается подъ нимъ теперь. Тоже подтверждаетъ и коренное происхожденіе его. Обыкновенно сопоставляютъ славянское выраженіе невѣста съ скр. глаголомъ viç, входить, вступать, въ сложной формѣ

niviç, жениться, uxorem ducere. Основное, слѣдовательно, значеніе невѣсты есть вошедшая (въ чужой домъ?) или введенная; другими словами, невѣста есть молодая жена, только что вступившая въ бракъ. Это видимъ мы и въ скр. терминѣ для невѣсты navavarikâ, собственно молодая жена; вѣроятно, не безъ родства съ этимъ терминомъ и латинское слово noverca. Первобытное значеніе невѣсты не вполнѣ утратилось и до нынѣ у Славянъ, сколько видно изъ названія невѣсткой жены сына, со стороны родителей ея мужа. Съ этимъ значеніемъ живетъ слово невѣстка въ той части русскаго народа, которая не употребляетъ уже частныхъ названій; не рѣдко приходится слышать, какъ невѣсткой зовутъ молодую жену въ семьѣ не только свекоръ съ свекровью, но и деверья и золовки. Въ польскомъ нарѣчіи такое понятіе о невѣсткѣ встрѣчаемъ уже въ 16-мъ столѣтіи ([85]). Лишь съ перемѣною условій брака, съ измѣнившимися обыкновеніями въ немъ, народъ сталъ соединять съ словомъ невѣста идею, какая утвердилась за нимъ въ настоящее время, и какой рѣшительно не видно въ корнѣ слова.

Точно также и соотвѣтствующее невѣстѣ выраженіе — женихъ указываетъ собою на лице уже соединенное съ женою и вовсе не опредѣляетъ того положенія молодаго человѣка, какое принадлежитъ жениху въ современномъ быту. И какъ отъ невѣста произошло старо-славянское названіе невѣстникъ, какъ синонимъ жениха, такъ отъ послѣдняго, въ нарѣчіи малорусскомъ, образовалось синонимическое невѣстѣ — женышина, уже простымъ отношеніемъ къ слову жена отрицающее въ древности въ невѣстѣ идею дѣвичества. Что невѣста въ начальной жизни народа соотвѣтствовала понятію жены, кромѣ кореннаго значенія и приведенныхъ сближеній и сравненій, видно и изъ соотвѣтствующаго выраженія ninka, употреблявшагося Славянами древанскими вмѣсто невѣста, что ясно изъ уцѣлѣвшей отъ нихъ пѣсни, изображающей свадьбу животныхъ: kati mes ninka bejt? Telka mes ninka bejt (-кто будетъ невѣстой? Телка будетъ невѣстой). А мы знаемъ уже, что словами неня, нянька, ненька Славяне обозначали, отчасти обозначаютъ и теперь, мать и того, кто заступаетъ ея мѣсто, во всякомъ случаѣ уже женщину; слѣдовательно, въ древанскомъ выраженіи ninka уже заключена идея

жены, какъ существа раждающаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матери. Подобное же явленіе, одинаково свидѣтельствующее о первоначальной быстротѣ брака, при отсутствіи того переходнаго состоянія дѣвицы, въ какомъ находится она невѣстою въ наше время, замѣтно и въ названіи зять. И это слово, въ уменьшительной формѣ zantik (=затикъ), употреблялось у тѣхъ же Древанъ въ смыслѣ жениха, хотя происхожденіе его прямо говоритъ объ обозначаемомъ имъ лицѣ, какъ о человѣкѣ женатомъ: kati mes zantik bejt? strezik (стрижъ) mes zantik bejt, — читаемъ въ той же пѣсни. Не необыкновенна замѣна жениха зетомъ, ѣдущимъ за своею невѣстою, и въ пѣсняхъ южныхъ Сербовъ.

Точность родоваго быта, отразившаяся въ такомъ множествѣ родственныхъ названій, съ неменьшею строгостью обнаружилась и въ опредѣленіи особаго вида родственности, который не подходитъ прямо ни къ родству, ни къ свойству. Я разумѣю при этомъ слова, обозначающія отношенія дѣтей матери къ ея мужу и дѣтей отца къ женѣ, и обратно. Слова эти отчимъ и мачиха съ одной стороны, пасынокъ и падчерица — съ другой. Происхожденіе ихъ и коренный смыслъ не требуютъ остановки, такъ какъ всѣ они очень ясно указываютъ на простыя слова: отецъ, мать, сынъ и дочь, изъ которыхъ образовались посредствомъ приставокъ и окончаній и которыя нами разсмотрены на своемъ мѣстѣ. Въ такой формѣ застаемъ мы ихъ съ первой поры письменности славянской, сколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянскимъ; въ этомъ же видѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ древней русской лѣтописи ([86]). О томъ, какими словами и съ какимъ кореннымъ значеніемъ замѣнены пасынокъ и падчерица у другихъ Славянъ, сказано выше. Изъ всѣхъ приведенныхъ выраженій, сколько мнѣ извѣстно, одно слово мачиха встрѣчается въ другой формѣ, именно матерша, какъ въ слѣд. мѣстѣ кормчей книги: о совокупляющихся съ двома братами, ли съ сестрами своими, ли съ матершами([87]). Это различіе касается, впрочемъ, единственно приставки, ни мало не измѣняя характера значенія. Окончаніе ша, которое одно, въ настоящемъ случаѣ, могло бы придавать особый оттѣнокъ значенію, — такъ какъ звукъ р, удержанный въ матерша, погибъ въ мачиха потому, что послѣднее образовано не изъ темы матер, а уже изъ формы

именит. падежа мати, — тожественно окончанію ха, что старались доказать мы, по поводу образованія существительнаго сноха. Оба окончанія, въ словахъ личныхъ женскаго рода, одинаково опредѣляютъ принадлежность. Въ древне-русскомъ языкѣ находимъ и названіе сына мачихи мачешичемъ, какъ въ лѣтописи ипатьевской: Володимировичъ же и Володимиръ мачешичь, не успѣвша ему ничтоже, воротишася опять ([88]).

Совокупность всѣхъ членовъ родства и свойства, отмѣченныхъ столь подробно, до мелкихъ оттѣнковъ, въ отношеніяхъ особыми выраженіями, обималась общими терминами въ языкѣ славянскомъ: ближикъ и ужика. Если первое указываетъ собою на близость жизни, подобно греч. πλήσιος, то второе свидѣтельствуетъ прямо объ общей связи всѣхъ родственныхъ членовъ, происходя, очевидно, отъ уже, веревка, связь, и будучи родственно съ словомъ узы (=старослав. жза), откуда узелъ. Таже идея связи заключена и въ скр. выраженіи bandhu, съ одинаковымъ общимъ значеніемъ родственника, отъ глагольнаго корня bandh, связывать. Къ тому же понятію сводится и серб. врвник, несомнѣнно одного происхожденія съ врьвъ, вервь, веревка ([89]), и означающее также родственника, слѣдовательно, предполагающее въ основѣ связь, узы, соединяющіе всѣхъ членовъ рода въ одну цѣлую единицу. Отсюда, вполнѣ логично и необходимо заключеніе объ образованіи древне-русской верви, въ смыслѣ союза, общины, изъ первобытнаго рода, представлявшаго собою отдѣльное недѣлимое, жившее особо отъ другихъ подобныхъ недѣлимыхъ и которое, въ силу размноженія своего и потери сознанія о первоначальной родственности, претворилось въ быту государственномъ въ особую административную единицу, выбиравшую себѣ представителя, въ качествѣ старшины, старосты, кнеза, подобно тому, какъ родъ избиралъ со смертію родоначальника главу изъ старѣйшихъ или способнѣйшихъ членовъ. И какъ на Руси вервь, община, округъ продолжало долго напоминать своимъ устройствомъ и круговымъ обязательствомъ передъ закономъ о своемъ развитіи изъ семьи и рода, такъ и okolina чешская, являющаяся съ тѣмъ же характеромъ, даетъ себя чувствовать въ законодательствѣ чешскомъ еще въ XV — XVI вѣкахъ; даже польское ополье, не смотря на раннее укорененіе

чуждыхъ началъ въ жизни государственной, предлагаетъ достаточно ясные слѣды своего существованія въ XIV столѣтіи (90). Термины околина и ополье для насъ важны въ томъ отношеніи, что тожествомъ устройства своего съ древне-русскою вервью, убѣждаютъ въ совокупности рода и въ самомъ географическомъ размѣщеніи и тѣмъ окончательно рѣшаютъ дѣло объ образованіи общинъ и цѣлыхъ округовъ изъ одной первоначально семьи.

Оканчивая подборъ и объясненіе терминовъ родства и свойства въ языкѣ славянскомъ, считаемъ не лишнимъ высказать и нѣкоторыя мысли, возникавшія въ насъ во время труда. Не предлагаемъ ихъ въ качествѣ неоспоримыхъ выводовъ, а какъ положенія, способныя дать толчокъ болѣе свѣдущимъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и обстоятельнѣйшимъ заключеніямъ. Положенія эти относятся частью къ исторической и позднѣйшей жизни Славянъ, частью къ нѣкоторымъ указаніямъ на устройство ихъ древнѣйшаго, доисторическаго быта.

Въ первомъ случаѣ, не можетъ не остановить вниманія каждаго изслѣдователя неравномѣрное распредѣленіе по отдѣльнымъ поколѣніямъ славянскимъ названій кровнаго и свойственнаго родства, какъ, въ свою очередь, нельзя не подмѣтить и вообще паденія и исчезновенія и тѣхъ и другихъ всюду, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени. Послѣдній фактъ, впрочемъ, слишкомъ понятенъ и не требуетъ особеннаго углубленія: чѣмъ сильнѣе проникаютъ въ народъ начала новой жизни, неразлучной съ общительностью, враждебною патріархально родовой замкнутости, тѣмъ, естественно, необходимѣе ослабленіе широкихъ узъ родства и ограниченіе ихъ лишь тѣснымъ кругомъ ближайшихъ родичей, а съ этимъ и неизбѣжнѣе забвеніе стараго обилія названій, потерявшихъ уже практическую силу. Лучшимъ, хотя и въ обратномъ смыслѣ, доказательствомъ могутъ служить тѣ поколѣнія славянскія, которыя продолжаютъ жить на прежнемъ положеніи патріархальности, какъ большая часть юго-Славянъ: Сербовъ, Болгаръ и Хорватовъ. У нихъ, по преимуществу, живетъ почти ненарушимо и весь обильный словарь родственныхъ терминовъ. Между тѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ, не исклю-

чая и русскаго, недосчитывается уже бо́льшая ихъ часть, въ слѣдствіе замѣны нѣсколькихъ частныхъ названій однимъ общимъ. При этомъ одни поколѣнія обратили забывчивость свою преимущественно на родство свойственное, другія на кровное. Уже это одно служитъ ручательствомъ неодинаковаго ихъ взгляда на то и другое родство.

Такъ у Славянъ западныхъ, особенно у Поляковъ, потеря отразилась преимущественно на названіяхъ свойства. И у Чеховъ и у Поляковъ не слышны уже болѣе ни шуринъ, ни деверь, ни своякъ, вмѣсто которыхъ употребляется одно выраженіе; при томъ не славянскаго происхожденія, швагеръ; подобнымъ же образомъ женскій родъ — швагрова замѣняетъ у нихъ золовку, свѣсть и ятровь. Напротивъ, русскій народъ съ гораздо большею выдержанностью сберегъ донынѣ свойственные термины. Въ то время какъ большая половина названій родства погибла и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, выраженія для свойства, за немногими исключеніями, живутъ на всемъ пространствѣ русскаго простонародья. Конечно, принимая въ соображеніе постепенность забвенія ихъ въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ сильнѣе дѣйствуетъ если не общественность, то общежительность съ неразлучнымъ вредомъ для патріархальной неподвижности, можно съ вѣроятностью предполагать, что и эта полнота близка къ тому же разрушенію, какое замѣтно въ образованномъ классѣ народа. Вѣроятность скорой утраты и терминовъ свойства подкрѣпляется аналогіей съ совершившимися уже потерями въ названіяхъ родственныхъ. И тутъ точно также начало потерямъ положено было передовою частью народа, сколько можно судить по неупотребленію ихъ въ письменности XVI и послѣдующихъ вѣковъ и по сохраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ простомъ народѣ, при забвеніи, по крайней мѣрѣ при рѣшительномъ неупотребленіи образованными людьми: послѣдніе, дѣйствительно, изгнали изъ своего словаря и ятровь, и свѣсть, и шурина и свояка, даже деверь, зять, свекоръ съ свекровью и тесть съ тещею являются какою то рѣдкостью, анахронизмомъ. Когда бы, впрочемъ, ни исчезли термины свойства въ русскомъ простонародьѣ, но то остается для насъ несомнѣннымъ, что свойственное родство удерживается въ немъ гораздо крѣпче, что не можетъ не вести къ

заключенію о предпочтеніи его въ понятіяхъ народа передъ кровнымъ родствомъ. Обратное явленіе встрѣчаемъ у Славянъ западныхъ, чешскихъ и польскихъ. Тогда какъ у Русскихъ уцѣлѣли особые термины послѣдняго лишь для самыхъ ближайшихъ степеней, для дочери, сына, внука, бабы, тетки, дяди, дѣда и племянника, сохраняясь для свойства почти въ первобытной полнотѣ; у Чеховъ и Поляковъ послѣдніе существуютъ въ трехъ — четырехъ названіяхъ, и то скорѣе въ видѣ провинціализмовъ; термины-же кровнаго родства опредѣляютъ донынѣ и стрыйную и уйную степени, въ восходящей и нисходящей линіяхъ. Мы замѣтили, что видовыя названія уй и стрый, съ женскими родами, сестрничъ, братаничъ и сыновецъ, сестрична и сыновица употребляются въ Чехіи и Польшѣ и теперь, не оставивъ отъ себя и слѣда въ самой отдаленной глуши русскаго простонародья.

Объяснить такую противоположность востока съ западомъ въ мірѣ славянскомъ, конечно, не легко Но рѣшаемся думать, что не вполнѣ лишены основанія и слѣдующія соображенія. Предпочтенію или укрѣпленію свойства въ понятіяхъ народа на востокѣ едва ли не во многомъ способствовало христіанство. Оно поставило бракъ на степень высокаго таинства и придало столь важное значеніе производимому посредствомъ него родству. Духовенство, какъ извѣстно, неоднократно и съ особенною силою ставило этотъ предметъ цѣлью своихъ нравственныхъ поученій, постоянно стараясь искоренить взглядъ на него язычества. Самыя постановленія церковныя не могли не вести народъ къ тому же высокому мнѣнію о брачныхъ узахъ, съ положительною опредѣленностью исчисляя отдаленныя степени свойства, при которыхъ запрещался бракъ. Христіанство въ этомъ отношеніи скрѣпляло свойство и задерживало его отъ тѣхъ послѣдствій естественнаго развитія общества, какія не замедлили проявиться въ родѣ. Послѣдній, въ силу такого развитія, все больше и больше съуживался и изъ нераздѣльной совокупности нѣсколькихъ семей переходилъ въ одну семью. При этомъ, понятно, оказались излишними и многія названія, обязанныя прежней совмѣстной жизни. Для народа казалось уже достаточнымъ ограничиться одними общими терминами, вмѣсто частныхъ, видовыхъ, господствовавшихъ въ періодъ крѣпости родоваго быта. Въ слѣдствіе этого дядя замѣ-

нилъ уя и стрыя тетка, уйку и стрыню, племянникъ — сестричича и братанича, племянница — сестричну и братану. Не станемъ отрицать, что и на западѣ славянскомъ церковь также заботилась о возвышеніи брака и объ искорененіи во взглядѣ на него языческихъ понятій; но тамъ давно уже предѣлы свойства, въ которыхъ могъ состояться брачный союзъ, свелись въ тѣсныя рамки, ограничившись лишь ближайшими степенями. Это одно не могло не произвести особыхъ послѣдствій. Но гораздо важнѣйшее, по нашему мнѣнію, имѣло вліяніе на паденіе, съ одной стороны, свойственныхъ названій и на упроченіе, съ другой, кровнаго родства у западныхъ Славянъ, раннее выдѣленіе сословій и особое положеніе дворянскихъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ простой народъ терялъ больше и больше свою независимость и переходилъ изъ положенія свободныхъ землевладѣльцевъ въ сословіе простыхъ работниковъ, правильнѣе рабовъ, всецѣло подчиненныхъ волѣ или произволу дворянъ землевладѣльцевъ, что окончательно утвердилось, напр., въ Польшѣ въ первыхъ годахъ XVI вѣка, дворянство употребляло всѣ средства, чтобы связать какъ можно прочнѣе свои роды и тѣмъ упрочить за собою большую политическую силу. Эта связь, выражаясь видимымъ образомъ въ одномъ гербѣ для всѣхъ членовъ одного рода, изъ сколькихъ бы отдѣльныхъ семей ни состоялъ онъ, скрѣплялась и законодательными постановленіями о неотторженности отъ него недвижимаго имущества. Заботливость объ исключительной принадлежности такого имущества данному роду произвела полное отчужденіе отъ наслѣдства въ немъ лицъ женскаго пола, не исключая и дочерей, даже и въ томъ случаѣ, когда не было ближайшихъ наслѣдниковъ братьевъ, сыновей, племянниковъ, внуковъ. Какъ бы ни была далека степень родства, но каждый родичъ пользовался преимущественнымъ правомъ на наслѣдство передъ дочерью, не теряя этого права даже и тогда, когда недвижимое имущество было продаваемо самимъ владѣльцемъ; ему стоило только внести уплаченную за имѣніе сумму, чтобы возвратить его снова въ прежній родъ. Ничего подобнаго, кажется, не было на востокѣ. Этотъ порядокъ съ совмѣстною, большею частью на одномъ кускѣ земли, жизнью всѣхъ семей одного дворянскаго рода, доходившихъ числомъ до нѣсколькихъ десятковъ еще въ XVI и XVII

столѣтіяхъ, при полномъ сознаніи своего единства, не могъ не содѣйствовать продолжительному отличенію степеней родства, сохранившему въ памяти и самые термины родственные. Такъ думаемъ мы о причинѣ столь замѣчательной противоположности, въ этомъ отношеніи, между восточными и западными Славянами, не скрывая своего желанія встрѣтить болѣе положительное и подробное ея объясненіе.

Взглядъ на родственныя названія способенъ вести къ заключеніямъ и о доисторической жизни и не только однихъ Славянъ, но всего племени арійскаго. Такъ, самое бѣглое вниманіе къ количеству названій, отличающихъ столь строго и точно мелкіе оттѣнки родственности, не можетъ не убѣдить въ глубочайшей древности развитія брачной жизни и въ преимущественномъ господствѣ одноженства. Полигамія никогда не въ состояніи породить такой прочности семейныхъ отношеній и столь широкаго сознанія родовыхъ связей до отдаленнѣйшихъ степеней: а мы видѣли, что наибольшая часть терминовъ отличается общностью происхожденія у всѣхъ народовъ индоевропейскихъ, и слѣдовательно возникла въ нераздѣльной еще ихъ жизни. Подобное же положеніе брака и семьи или рода указываетъ убѣдительно на высокую относительно ступень образованія этихъ народовъ еще за долго до самостоятельнаго появленія каждаго изъ нихъ въ исторической жизни. Разборъ кореннаго значенія нѣкоторыхъ выраженій, дѣйствительно, возводитъ такое положеніе брака до быта пастушескаго, какъ это видно изъ разсмотрѣнныхъ терминовъ для самаго понятія брака. Тѣже выраженія рисуютъ намъ и послѣдовательное развитіе и очищеніе его отъ простаго захвата дѣвицы къ сложной обстановкѣ разнообразными, часто поэтическими обрядами. Цѣлые вѣка, безъ сомнѣнія, проходили прежде, чѣмъ одинъ способъ брачныхъ соединеній успѣвалъ смѣняться другимъ. Исконной чистотѣ взгляда на бракъ, конечно, слѣдуетъ приписать и расширеніе семьи въ родъ, связывавшій тѣсными узами любви и дружбы всѣхъ разнообразныхъ его членовъ; о такомъ характерѣ связи говоритъ коренное понятіе родственныхъ названій. Въ этомъ же свойствѣ рода должно искать основанія тому, что онъ послужилъ образцемъ первоначальнаго общественнаго устройства цѣлаго народа славянскаго. Образованіе русской в е р в и, чеш-

ской околины, польскаго ополья, бывшихъ зародышами позднѣйшаго государства, обязано единственно размноженію рода: тѣ же патріархальныя начала любви и почтенія къ старшимъ, какія руководили управленіемъ послѣдняго, перешли всецѣло и на верви, околины, ополья; и они точно также представляли самостоятельныя единицы относительно другъ друга, какими жили роды, пока соединеніемъ подъ властью одного правителя, князя, не образовали самостоятельной государственной единицы, не утративъ, однакоже, на первое время, своего внутренняго самоуправленія. Выраженія околица и ополье предлагаютъ, съ другой стороны, новое доказательство той непреложной для безпристрастнаго ума истины, что народы славянскіе за долго до сліянія отдѣльныхъ поколѣній въ государства были вполнѣ осѣдлыми воздѣлывателями своихъ полей, распредѣленныхъ первоначально по родамъ, разросшимся съ теченіемъ времени въ округи или общины, т. е. въ верви, околины, ополья.

Послѣ всего сказаннаго нами, едва ли заслуживаютъ опроверженія натянутыя усилія польскаго историка, Шайнохи, доказать, что значеніе рода у Славянъ обязано только христіанству, что w pogaństwie nie było dalszych krewnych, что cała rodzina pogańska składała się tylko zojca i synów, что pogaństwo nie znało ani rodziny, ani dziedziczności w poźniejszem znaczeniu słowa ([91]). Такія заключенія свидѣтельствуютъ только о непростительномъ увлеченіи національною новизною, при томъ возникшею не изъ туземныхъ началъ, и о небрежномъ отношеніи къ дѣйствительной наукѣ о старинѣ. У Славянъ языческихъ потому именно и не была, да и быть не могла наслѣдственность въ *позднѣйшемъ смыслѣ*, что родъ былъ слишкомъ крѣпокъ и совокупенъ и не допускалъ общаго имущества до раздѣла въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ. А что издавна нѣтъ слѣдовъ такаго быта въ польскомъ простонародьѣ, то, конечно, г. Шайнохѣ извѣстна причина, лишившая такъ давно не—шляхту польскую всякой тѣни не движимаго имущества.

ПРИМѢЧАНІЯ:

къ первому отдѣленію.

(1) Корнесловъ русскаго языка. Спб. 1842.

(2) Formenlehre d. kirch. Slawisch. Sprache. 1852, стр. 111.

(3) Lexicon Palaeoslov. graeco-latin. Vindobonae, 1862—1865.

(4) Въ такихъ опредѣленіяхъ, подъ именемъ «коло родства человѣча», приводится семь степеней въ слѣд. порядкѣ: младенецъ до 7 лѣтъ, отроча до 14, дѣтище до 21, юноша до 29, мужъ до 35, срѣдовѣченъ до 42, старецъ до 56; за этимъ идетъ матерство безъ указанія границы. См. Описаніе рукоп. Румянц. Музея. Востокова, Спб., 1842, стр. 4.

(5) Glossarium Sanscritum. Berolini, 1847.

(6) См. примѣч. 4

(7) Ипатіев. лѣтоп., стр. 76, подъ 1154 годомъ; договоръ съ Греками, лаврент. лѣт., стр. 19; Извѣстія 2-го отд. Акад. Н., 1857, 293, Минея Праздничн., № XXXIX; Краледвор. рукоп.: Забой, Славой и Людекъ; Slovnik česko-německý, подъ словомъ muž.

(8) И другы рече: сѫпрѫгъ воловьнѣшихъ коупихъ пать, остром. Еванг., 107, б; се, брате, вѣ соупроуга бѣховѣ, единоу браздоу тѧжаща,—предсмертныя слова св. Кирилла, обращенныя къ брату, св. Меѳодію. Šafařík. Památky dřevn. písemn. Jihoslovanů, 1851, стр. 5 житія св. Меѳодія.

(9) Дополненія къ актамъ историч. 1, № 231, письмо 2-е, тоже и въ письмѣ третьемъ; въ письмѣ шестомъ: семъишка твоя крушка съ дѣтми, много челомъ бью. Въ письмѣ первомъ, гдѣ мать пишетъ сыну, понятно, такаго выраженія уже не встрѣчаемъ.

(10) Etymolog. Forschungen, 1, 126, по старому изданію. Съ этимъ соглашается и Бопп, ставя посредствующею формою между strî и su существ. sôtrî, изъ котораго образовалось первое. Срв. Lassen, Indisch. Alterth. 1, 813.

(11) См. Miklosich, Lexicon pal. slov. grec. latin и Востокова, Словарь церков. слав. языка, подъ словами веденица, ведовица.

(12) Полн. Собр. Рус. лѣтоп., 1, 34. Между тѣмъ, въ церк. славян. письменности слово водима попадается, какъ доселѣ извѣстно, только въ смыслѣ распутной женщины.

(13) Miklos., Lexicon pal. slov., подъ словомъ хоть.

(14) Описан. рукоп. Синод. Библіот. 1, 110, 109; также Лексиконъ Миклошича.

(15) Buschmann: über den Naturlaut, въ Abhandlungen (philolog. historische) der koniglichen Akademie de Wissenschaften zu Berlin. 1853, 391 — 425.

(16) Срв. Новгород. перв. лѣтоп., стр. 35; Новгород. третью, 240; Лѣтоп. Переяслав., стр. 49, 61, 73, 18.

(17) Bopp. Glossar. Sanscr.. стр. 217.

(18) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Sprache: die annahme, dass otz″ (=otec) ein ursprungliches potz″ (=potec) vertreten, scheint bedenklich, weil auch das charakteristische r des schlusses abgeht und kaum durch z ersetzt wird. стр. 186.

(19) atavus quia atta est avi, id est pater, ut pueri usurpari solent. Срв. Pott. Etymolog. Forsch. 2, 315.

(20) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Spr., 189.

(21) Kòniginhof. Handschrift, 1829, 72.

(22) Grimm, тамъ-же.

(23) Serbische Lesekòrner, 1833, 137.

(24) Словарь живаго великорус. языка, Даля.

(25) Лѣтоп. Ипат., стр. 89, подъ 1161 годомъ.

(26) Забой, Славой и Людекъ.

(27) Животи Краљева и архиепископа Српских. Даничић, Загреб. 1866, стр. 211.

(28) Pictet: Les origines Indo-europ., 2, 350.

(29) Срв. Отчеты 2-му Отдѣл. Акад. Н. кандидата Микуцкаго, тетрадь 2-я, Сбп., 1855, № 6-й, стр. 5. Понятно, что мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, касательно производства лужицкаго nan (отецъ) отъ папа (мать). Изъ нашего изложенія, надѣемся, ясно, что и то и другое названія одинаково и самостоятельно образованы изъ общаго кореннаго сочетанія на.

(30) Pictet. Тамъ-же, стр. 350.

(31) Тамъ-же, стр. 349. На значеніе рождать въ корнѣ mâ указываетъ и Боппъ. Срв. его Gram. Sanscr., 1845, § 124, прим. Тоже принимаетъ и Миклошичъ: Die Wurzel des Altslovenisch., 1857.

(32) См. статью Malého, Časap. česk. Mus., 1857, 2 svaz, стр. 165.

(33) Pott, Etymol. Forsch., 1, 230.

(34) Срв. Lateinisches f fur altes dh, замѣтка Курція въ Zeitschrift fur vergleichende Sprachforsch., 11, 398 — 400.

(35) Значеніе foemina, какъ питающая грудью, die Saugende, подобно скр. dhênu, a foetus — питаемаго, der Säugende, der gesaugt werdende, наравнѣ съ скр. dhêtu, срв. у Керна, въ Zeitschr. fur vergleich. Sprachforsch. 7, 274.

(36) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1847, 1, 7.

(37) Вотъ какъ говоритъ Гриммъ: Die Sprache der Nomaden enthalt einen reichtum manigfacher ausdrucke fur schwert und waffen und für die viehzucht in jeder lage, welche dem gebildeten zustand hernach lästig oder uberflussig erscheinen: das begatten, trachtig sein, gebären, sterben, schlachten wird fast bei jedem vieh anders und eigens benannt, wie der jager am verschiedenen wild den gang und einzelne glieder des leibs mit abweichenden wortern zu bezeichnen pflegt. Dieser in freier luft lebenden hirten auge sieht weiter, ihr ohr hört schärfer, wie sollte nicht uberall ihre rede sinnliche anschauung und fulle gewonnen haben? Gesch. der Deutsch. Sprache, 1, 14.

(38) Корнесловъ Шимкевича, 1, 73.

(39) Какъ на болѣе подробное и ясное изложеніе, укажемъ на сочиненіе г. Буслаева, о вліяніи христіанства на славян. языкъ, стр. 161 — 163; Срезневскаго — Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 140 — 144.

(40) Въ Archiw fur Studien der neueren Sprache und Literatur, Herrig, 9 Bd, 1851 стр. 472.

(41) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1, 16.

(42) Срв. Lassen. Indisch. Alterth., 1, 813, прим. 1.

(43) Не беремся рѣшать, на сколько основательна догадка Боппа о родствѣ arbha съ garbha, въ значеніи чрево, животъ См. его Glossar. Sanscr. подъ словомъ arbha. Впрочемъ, дальше мимоходной догадки Боппъ нейдетъ.

(44) Доказывать дѣйствительность такаго происхожденія, равно и способъ образованія изъ этого корня формы пасторак у Славянъ южныхъ нахожу излишнимъ послѣ обстоятельнаго обслѣдованія этихъ словъ Шафарикомъ. См. Славян. Древности, въ рус. переводѣ, т. 1, кн. 1, стр. 274 — 299.

(45) Переходъ изъ ктн въ штн обязанъ установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю слав. языка смягчать к въ ш какъ въ этомъ окончаніи, такъ и въ окончаніи кть; отсюда: пештн изъ пекти, рештн изъ ректи, или ноштъ изъ основной формы нокть, соотвѣтствующей скр. nactam (отъ неупотребительной nacta, т. е. ночью), латин. noct-is, греч. νυκτ-os и т. д. Звукъ ъ въ дъштн вполнѣ по-старо-славянски замѣняетъ короткое коренное и въ санскритѣ, какъ, въ свою очередь, вполнѣ согласно съ фонетикой рус. языка замѣняется въ послѣднемъ посредствомъ о. Звуки гортанные г, к, х, представляя такое множество случаевъ, и въ корняхъ и во флексіяхъ, взаимной мѣны другъ съ другомъ, въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, точно также замѣняются одинъ другимъ и въ отношеніи языковъ родственныхъ между собою.

(46) Срв. Bopp, Gramm. d. Sanscr. Spr., § 124. Распространенность его въ языкѣ очень велика; въ примѣръ приведу: âhartŕ, приготовитель; yaštŕ, жертвоприноситель; dâtŕ, дятель. nêtŕ, водитель, вождь; mânajitŕ, почитатель, и др. Очевидно, окончаніе это одинаково, и по происхожденію и по значенію, съ греко-латинскими τωρ, τηρ, tor и съ слав. тель. Замѣна этимъ тель первообразнаго тер видна въ самомъ существительномъ дочь, въ древнѣйшей его формѣ: косвенные падежи ст. славян. существительнаго дъшти — дъштере, дъштери и т. д. говорятъ ясно объ основѣ дъштер, изъ которой произошли послѣднія формы и которая стянулась въ именит. падежѣ въ дъшти, подобно существ. мати изъ матер (родит. матере и т. д.), равному скр. mâtar, греч. μητηρ. лат. mater.

(47) Indisch. Alterth., 1, 513, прим.

(48) Срв. Pott, Etym. Forsch., 1, 229; Miklosich, Die Wurzeln des altslow. Wien, 1857.

(49) Изъ всѣхъ славян. парѣчій, кажется, въ одномъ сербскомъ уцѣлѣло это слово, въ значеніи кормилицы, няньки, и то какъ рѣдкость, попадаясь лишь въ пѣсни миѳическаго происхожденія, гдѣ нагорная вила, соглашаясь съ мнѣніемъ юноши, что его любезная красивѣе ея, объясняетъ такое превосходство незатѣйливымъ своимъ воспитаніемъ:

мене је гора родила,
у зелен листак повила,
јутрена роса падала,
мене је вилу дојила,
од горе вјетриц пувао,
мене је вилу шикао:
то су ми биле дадије. Караџ.,

Пјесме, 1845, 1, 191.

(50) Quant à une troisième hypothèse, qu' il (Bopp) propose encore comme la plus plausible, savoir que duh aurait ici l'acception causative de allaiter, et que duhitar aurait désigné primitivement la femme en général, avant de passer à la fille, on peut objecter, ce semble, l'absence de tout rapport aux parents, tandisqu' un nom de parenté doit exprimer quelque rapport spécial. Comment un père ou une mère auraient — ils appelé leur fille ma nourrice? Les orig. Indoeurop. 2, 354 — 355.

(51) Vergleich. Grammatik, 1, 299.

(52) Antholog. Sanscr., 262.

(53) Литовское brolis образовалось, по мнѣнію Боппа, черезъ опущеніе t и перемѣну r на l (Glossar. Sanscr. подъ словомъ bhrâtŕ; срв. Pott, Etymol. Forsch. 2, 111), что, впрочемъ, справедливо можетъ опровергаться замѣчаніемъ Нессельманна, видящаго въ окончаніи lis обычный суффиксъ уменьшительныхъ именъ, а въ формѣ brolis сокращеніе изъ brotelis; конечное r въ литовскомъ могло утратиться также точно, какъ утратилось оно въ большинствѣ славян. нарѣчій, и было-бы непослѣдо-

вательно видѣть его превращеніе въ l въ такой приставкѣ, которая имѣетъ въ языкѣ самостоятельное значеніе, именно въ уменьшительныхъ именахъ. Срв. Schleicher, Litauische Grammatik, Prag, 1856, стр. 130 — 131. Звукъ t дѣйствительно и существуетъ въ существ. brotuszis, въ значеніи двоюроднаго брата. Pictet, 2, 362.

(54) Glossar. Sanscr., подъ bhrâtṛ.

(55) См. его Хрестоматію, стр. 283.

(56) Indisch. Altersh., 1, 813. Пикте, вѣроятно, подъ вліяніемъ замѣчаній Бетлинга и Лассена, сопоставляя оба выраженія bhartṛ и bhrâtṛ, уже прямо объявляетъ, что «quant à la signification étymologique de ce nom du frère, elle est si claire, qu' aucun dissentiment ne s'est produit à son sujet. Les orig. Ind. А положительное утвержденіе Бопна radix incerta?

(57) Etymol. Forsch. 1, 126; 2, 554; Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr, 175.

(58) Glossar. Sanscr., подъ словомъ svasṛ, а такжеvergleich. Gram. 1, 299.

(59) Zeitschrift für vergleich, Sprachforsch. 5, 235.

(60) Les origin. Indoeurop. 2, 365 — 366.

(61) Сопоставленіе понятій молодости и слабости, бѣдности, худобы, обыкновенно во всѣхъ языкахъ и, конечно, зависитъ отъ преимущественнаго, если не исключительнаго вниманія древнѣйшаго человѣка къ силѣ физической. Отсюда-то и образовалась синонимичность выраженій молодой, юный, малый и слабый, бѣдный, худой, какъ напр., въ слѣд. выраженіи: что ради ни боле ни хоуже (меньше) числомъ суть евангелиа. Рукоп. Пчелы, Времянникъ, кн. 25, стр. LXXII. Срв. нашу замѣтку въ текстѣ, подъ словомъ ребенокъ.

(62) Срв. выше, подъ корнемъ av для названія отца.

(63) Срв. Гильфердинга, матеріалы для сравнит. словаря, изд. 2-мъ отдѣл. Акад. Н., листъ XXVX, стр. 451.

(64) Les origin. Indoeurop. 2, 367.

(65) Срв. Hanuš, Nàstin Slohověd y, 1864, Praha, стр. 83: baba тоже, что dospelà, dorostlà, velkà, какъ děd, т. е. didi, лит. didis.

(66) Сербск. пословицы Караджа., 74.

(67) Glossar. Sanscr. подъ pra, срв. para remotior, ulterior, posterior. Шлейхеръ это pra признаетъ за тему, изъ которой въ языкахъ индо-европейскихъ образовалось числительное порядочное для единицы. Записки Акад. Н., Спб., т. 10, стр. 57, статья: темы именъ числительныхъ въ литовскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

(68) Dem scr. ati (ultra, nimis) entspricht, wie allgemein anerkannt wird, gr. ἔτι, lat. et und auch wohl at in atavus. Cf. atimâtras übermässig, atirâtras übermächtig. Curtius, Grundzüge d. griechisch. Etymol., 1858, 1, 61.

(69) Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ подъ 1451 годомъ, 1, № 76; срв. №№ 88, 89.

(70) Стр. 45, подъ 1149 годомъ.

(71) Думаю такъ, не смотря на лексиконъ Миклошича, который въ опредѣленіи значенія: праштоуръ proneporis filius, т. е. праправнукъ, руководился единственно слѣд. мѣстомъ Кормчей: оть правноука родивы се глаголеть се праштоуръ. Одна Кормчая и при томъ однимъ мѣстомъ едва-ли въ состояніи пересилить господствующее значеніе пращура, какъ родственника въ восходящей линіи среди русскихъ Славянъ какъ въ старину, такъ и въ настоящее еще время. Востоковъ, по нашему мнѣнію, поступилъ основательнѣе, опредѣливши пращура однимъ терминомъ δίσπατος, прадѣдъ.

(72) О вліяніи христ. на слав. языкъ, Буслаева, 149 — 152; Гильфердингъ, Матер. для сравнит. Словаря, лист. XXVIII, стр. 434. Для оправданія родства щура съ sthûra требовалось-бы какъ можно больше примѣровъ, такъ какъ переходъ скр. sth въ слав. въ щ (-шт) вообще необыкновененъ.

(73) Значеніе предковъ и ихъ боготвореніе у народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, равно и олицетвореніе ихъ въ образахъ и истуканахъ, а также и въ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ подробно и отчетливо изложено въ сочиненіи: Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit und die Entwickelung der Civilisation von Tyler. Leipzig, 1866, преимущественно въ шестой главѣ (стр. 136 — 192) подъ заглавіемъ Bilder und Namen.

(74) Православ. Собесѣдникъ, январь, 1858, 157 — 158, Слово о постѣ. На тоже боготвореніе въ язычествѣ намекаетъ и обратное значеніе дѣдъ, дѣдка въ христіанствѣ, въ смыслѣ нечистаго, дьявола; доказывать, полагаемъ, нѣтъ надобности, какъ обожаемые нѣкогда предметы, съ переворотомъ религіознымъ, перешли къ противоположному значенію.

(75) Lexicon Pal. slov. Miklosich, подъ словомъ дѣдъ.

(76) Срв., между прочимъ, Гильфердинга, Матер. для словаря, листъ XV, стр. 239.

(77) См. Южно-русскія пѣсни, изд. Метлинскимъ, стр. 206.

(78) Наутрѣя же увѣдавши княгини и съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ... Данила же возмя дядька передъ ся, изыде изъ града. Лексик. Академич.

(79) Гильфердингъ, въ Матер. для Словаря, сближаетъ съ скр. sthûra, человѣкъ, мужчина; Юнгманнъ, въ своемъ чешскомъ лексиконѣ, сопоставляетъ съ скр. strî, женщина, жена. Какъ то, такъ и другое сближеніе въ одинаковой степени не легко, по нашему мнѣнію, вяжутся съ стрыемъ и по формѣ и по значенію.

(80) Собраніе сказокъ Аѳанасьева, вып. 4, стр. 82.

(81) Мы уже окончили свою статью, какъ попалась намъ въ руки замѣчательная книга, изданная въ память извѣстнаго хорутанскаго дѣятеля, Водника, подъ заглавіемъ: Spomenik Vodnikov, 1859, Lajbach; а въ этой книгѣ съ особеннымъ интересомъ прочитали наблюденіе Золо-

кара надъ употребительными донынѣ названіями родства у Хорутанъ; здѣсь то нашли мы и фактическое подтвержденіе нашей догадки: Хорутане, дѣйствительно, до сихъ поръ знаютъ стрычну. См. отдѣльную статью въ упомянутой книгѣ: Slovenski Rodovnik, 254—260.

(82) Матер. для словаря, листъ XX, стр. 318.

(83) Срв. savja, лѣвый, и церк.-слав. шоуи. Матер. для Словаря, тамъ же, стр. 316—319; Schleicher, Formenl. d. Kirch.-Slav. Sprache, 76—77.

(84) Lottner, Zeitschrift fur vergleich. Sprachforsch, 7, 165.

(85) Litauische Grammatik, 144; Pictet, Les orig. Indoeurop, 2, 349, къ тому же корню относитъ и нѣмец. oheim, дядя.

(86) См. Словарь церк.-слав. языка Востокова.

(87) Porządek Sądów i Spraw miejskich prawa Magdeburskiego. Przemysł, 1760, 125.

(88) Справедливость и этого предположенія оправдывается тою же статьею Залокара, въ которой приведены въ замѣчательной полнотѣ существующія до сихъ поръ родственныя названія у хорутанскихъ Славянъ.

(89) О языкѣ сѣверн. рус. лѣтописей, Спб., 1852, 148—156.

(90) Новгород. первая лѣтоп., стр. 13, 16, 61; Ипатьевская, стр. 78—92.

(91) Акты историч. 1, № 42, стр. 86, подъ 1448 годомъ.

(92) Новгород. четвертая, стр. 92, подъ 1386 год.; Новгород. первая, стр. 109, подъ 1419; Акты относящіеся до юрид. быта Россіи, 1, № 63, стр. 448; подъ 1549 год. акты истор., 1, № 650; Новгор. первая, стр. 6, подъ 1132 год.; Ипатьев., стр. 78, подъ 1155; тамъ же, стр. 93, подъ 1165 год.; стр. 121, подъ 1179; тамъ же, стр. 170; стр. 185, подъ 1251.

(93) Толковый Словарь живаго великорус. языка, Даля, подъ словомъ братъ.

(94) Лаврент. лѣтоп., стр. 147, подъ 1154 год.; срв. Новгород. первая, стр. 11, подъ 1185; Лѣтоп. Переяслав., стр. 71; тамъ же, стр. 104, подъ 1198; Ипат., стр. 77—78, подъ 1155.

(95) Истор. Госуд. Россійск., Карамзина, т. 3, прим. 54.

(96) Лаврент. лѣтоп., стр. 135, подъ 1143 год.

(97) Тамъ же, стр. 137; Новгород. первая, стр. 79, подъ 1339; тамъ же, стр. 109, подъ 1420 год.; срв. Акты истор. 1, №№ 38, 71, подъ 1446 и 1462 годами; акты до юрид. быта, стр 151.

(98) Новгород. вторая лѣтоп., стр. 172.

(99) Никонов. лѣтоп., 5, 88.

(100) Lexicon Pal. Slov. Miklos: нетии fratris filius vel sororis.

(101) Les origin. Indoeurop. 2, 355—359.

(102) Срв. gnabât, тамъ же, стр. 357, прим. 2.

(103) Акты истор. 1, 152.

(104) Дополн. къ актамъ историч. 1, № 167, стр. 296; Акты истор. 3. № 211, стр. 367;

(105) Гильфердингъ сопоставляетъ славян. племя, которое пишетъ онъ, вопреки даннымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, черезъ ѣ (плѣмя), съ скр. prî, любить. Едвали останется онъ при прежнемъ мнѣніи, сообразивши родственные языки и сравнивши происхожденіе другихъ синонимичныхъ выраженій какъ въ славянскомъ, такъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ.

(106) Zeitschr. fur vergl. Sprachforsch. 7, 166, статья Лоттнера. Сюда же можно бы было поставить и сербо-хорват. traha, порода, племя, которое г. Гильфердингъ производитъ отъ скр. tṛh (см. Матер. для словаря), расти, еслибы такое значеніе корня tṛh не возбуждало сомнѣнія.

(107) Новгор. первая лѣт., стр. 23; Опис. рукоп. синод. библіотеки 1, № 46, стр. 296.

(108) Новгород. первая лѣт., стр. 58. подъ 1265 год.

(109) Такъ въ пословицѣ: родъ — племя близко, а свой ротъ ближе.

(110) Акты истор., 4, 473; срв. Дополн. къ актамъ историч., 4, 268; Акты, относящ. до юридич. быта, 1, № 63, стр. 456.

(111) Новгород. первая лѣтоп., стр. 58.

(112) О вліяніи христіанства на слав. языкъ, Буслаева, 154.

(113) Временникъ Общ. Ист. и Древн., кн. 19, статутъ литовскій, стр. 68.

Ко второму отдѣленію.

(1) Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что скр. ǵ соотвѣтствуетъ и въ славянскомъ языкѣ, подобно литовскому, гораздо чаще звуку ж, чѣмъ з. Такъ: ǵiv—жить (и здѣсь ǵ вм. кореннаго g, на что указываетъ и литов gywas, живой, и готск. qvivs, тоже), ǵanî — жена и др. Впрочемъ, славян. языкъ предлагаетъ примѣры обоюднаго перехода g въ ж и з въ одномъ и томъ же словѣ; напр., зрѣно и жрѣновъ отъ корня ǵrî, тереть, мельчить. Glossar. Sanscr. Bopna.

(2) Glossar. Sanscr. Bopp, подъ словомъ ǵâmâtr.

(3) Indisch Alterthumskunde, 1, §13, примѣч. 1.

(4) Etymol. Forsch. 1, 261—262.

(5) Les origin. Indoeurop., 2, 371.

(6) Litauisch. Gramm., Schleicher., стр. 99, 115.

(7) Указывая на выраженія, родственныя славянскому зать въ другихъ языкахъ, мы привели условно и греческ. γάμβρος. Условность наша основана на сомнительности первоначальнаго значенія корня γαμ, изъ котораго образовалось γαμβρος. Что дѣйствительно въ основѣ этого слова лежитъ корень γαμ, сомнѣваться нельзя, уяснивши его образованіе. Звукъ β, повидимому, принадлежащій корню, смущать не можетъ, какъ обычная вставка между носовымъ губнымъ μ и ρ, требуемая особенностями греческаго звукосочетанія, какъ въ силу такого же требованія вставляется въ томъ же греч. языкѣ и δ между язычнымъ носо-

вымъ ν и тѣмъ же ρ, напр., въ ἀνδρός. Подобную вставку β встрѣчаемъ и въ другихъ словахъ, какъ: ἄμβροτος, ἀμβροσία, μεσημβρία и т. д. Такимъ образомъ γάμβρος вм. γάμρος, какъ ἄμβροτος вм. ἄμροτος, отъ корня mṛ (-mar, литов. mirti, слав. мрь-ти), изъ котораго явилось, тожественно съ греч. и по формѣ и по значенію, санскритское слово amṛta, т. е. ἀμβροσιά, вм. ἀμροσια, или какъ μεσημβρία изъ μέσος и ἡμέρα. Въ латинскомъ gener сохранился коренной носовой звукъ n; вставка послѣ него d передъ r оказалась излишнею, при удержаніи гласнаго e: gener — generi; но она стала необходимою съ утратою этого e, какъ видно изъ франц. gendre. Что же касается до значенія корня γαμ, въ γάμβρος, то мнѣніе не одинаково. Большинство филологовъ не затрудняется сопоставлять его съ gan, ĝan, а слѣдовательно γάμβρος съ gener, слѣдовательно съ зать, объясняя, такимъ образомъ, μ переходомъ изъ первоначальнаго ν (-n); но Пикте (Les orig. indoeurop., 2. 334) находитъ такой переходъ весьма необыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ, когда не требуется онъ вліяніемъ послѣдующихъ губныхъ, и сближаетъ въ силу этого греч. γαμ съ скр. gam, въ значеніи идти, соединяться съ женщиной, откуда производитъ онъ и γάμος, γαμεῖν. На это позволимъ мы себѣ сказать слѣдующее: а) переходъ n въ m далеко не исключительно ограничивается вліяніемъ губныхъ; тотъ же корень gan въ литов. языкѣ является обыкновенно въ формѣ gam или, съ ослабленіемъ a въ i, gim, какъ въ prigimtis, существо, природа (Срв. Schleicher, Litauisch. Gramm. стр. 116: radix gan, die sonst im litauish gam lautet); б) значеніе соединенія съ женщиной (coire cum faemina) весьма производное и встрѣчается, сколько извѣстно, въ глаголѣ сложномъ upagam, и притомъ не безъ существительнаго жена, женщина, какъ strîjam upagantum; в) при этихъ сомнѣніяхъ невольно обратимся и къ соотвѣтствующимъ словамъ въ родственныхъ языкахъ, въ которыхъ, какъ видѣли, въ основѣ термина для зятя лежитъ корень именно gan=ĝan; наконецъ, г) нельзя не обратить вниманія и вообще на идею первобытныхъ терминовъ родства у народовъ индоевропейскихъ, которая въ наибольшей части сводится къ рожденію и въ которой не замѣтно указанія на что-либо плотское, чувственное. Вотъ почему мы рѣшаемся думать, что и греч. γάμβρος идетъ отъ того же корня gan, рождать.

(8) Bopp, Sanscr. Gram. §§ 77—81.

(9) Тамъ же, § 129, стр. 69.

(10) Такъ уцѣлѣло оно въ мѣстоименныхъ формахъ насъ, васъ, равно въ старинныхъ окончаніяхъ для мѣстнаго падежа въ древне-чешскомъ нарѣчіи, какъ: dolas, lužas, polas и др. (срв. Počatkové staročcské mluvnice, Šafař, стр. 32). Сохранилось и въ формахъ аориста: пріасъ, начасъ и др., вм. позднѣйшихъ: пріахъ, начахъ.

(11) Подобная же утрата спереди s произошла въ греч. и латин. языкахъ въ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ слав. снѣгъ: πίϰ и νέω;

литов. snĕgas, готск. snaivs, др. нѣм. sne (род. snewes), — очевидно, отъ корня snu, течь, капать (-fluere, stillare).

(12) Не даромъ Іоаннъ Экзархъ Болгарскій въ своемъ примѣненіи греческой грамматики Іоанна Дамаскина къ языку славянскому и не употреблялъ другой формы для родительнаго падежа, какъ форму прилагательныхъ притяжательныхъ: муж. овъ, жен. ина. См. Іоан. Экзархъ Болгар., Калайдовичъ, Москва, 1824, стр. 77.

(13) Мы не затруднились опустить въ текстѣ объясненіе слова сноха, представленное Поттомъ (Elymol. Forsch. 1, 230) и Веберомъ (Indis. Stud., 5, 260). Хотя первый, въ своемъ толкованіи со стороны значенія, и не предлагаетъ ничего несообразнаго съ общимъ характеромъ общихъ названій родства у народовъ индоевропейскихъ, тѣмъ не менѣе, сторона звуковая едва-ли способна выдержать строгую критику. Поттъ разлагаетъ слово sunuša на предлогъ sam (-съ) и глаголъ vas, обитать, жить, въ причастіи прошедшемъ ušita, такъ что основная форма была бы sam-vasâ Но почему же была бы взята форма причастная и притомъ прошедшаго времени? Далѣе, если и возможенъ переходъ an (-am) въ u въ санскритѣ, то какъ объяснить переходъ am въ un; еще болѣе, какъ допустить безслѣдную потерю цѣлаго слога (an, am) въ славянскомъ языкѣ, или равноспльнаго ему носоваго ж? Что касается до корня snu, течь, подставляемаго Веберомъ, объясняющимъ понятіе sunuša тѣмъ, что сноха какъ бы растекается изъ боязни и почтенія къ свекру, то, думаемъ, нѣтъ нужды доказывать несостоятельность его въ настоящемъ случаѣ.

(14) Срв. Compendium der vergleich. Grammatik, Schleicher, I, 57—58.

(15) Срв. Гильфердингъ: объ отношеніи языка славян. къ языкамъ родственнымъ. Москва, 1853, стр. 45 и слѣд.

(16) Едва-ли основательно сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшая форма ст.-слав. нарѣчія должна быть свекъръ, а не свекръ, какъ попадается въ памятникахъ. Гласный звукъ въ срединѣ между к и р доказывается всѣми родственными языками, а характеръ его опредѣляется свойствомъ гласнаго и въ послѣднихъ, обращаемаго обыкновенно въ ст.-слав. нарѣчіи въ ъ, какъ скоро это и короткое, опредѣляется новѣйшими гласными о и е, слышными въ именит. падежѣ современныхъ нарѣчій славянскихъ, и бѣглостью ихъ въ другихъ падежахъ: свекоръ — свекра, sveker—svekra.

(17) Ст. славян. форма свекръı, слышная отчасти и донынѣ въ говорахъ народныхъ, сохранила по своему образованію всю близость къ скр. çvaçrû, латин. socrus, въ которыхъ долгое и весьма часто и съ незапамятныхъ поръ соотвѣтствуетъ въ слав. звуку ы. Происхожденіе нынѣшней рус. формы свекровь обязано начавшейся также съ незапамятныхъ поръ потери склоненія на тему û, какъ муж. такъ и женск. рода, и смѣшенію его съ склоненіемъ на темы согласныя, подобно склоненію словъ: камы, матп и др. Чрезъ это во всѣхъ падежахъ явился слогъ ов=ъв, образовавшійся изъ разложенія ы (=û): свекръве,

свекръви и т. д.; форма, так. образомъ, свекръвь=въ рус. нарѣчіи свекровь есть собственно винит. падежъ единств. числа и принята для именительнаго подобно тому, какъ вм. црькы явилась церковь, потомъ даже церква, — послѣдняя степень новизны, сблизившей это слово въ склоненіи съ общимъ склоненіемъ для женск. рода на а. Такое стремленіе языка уподобразить по возможности склоненія замѣтно въ равной степени и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ; напр., въ чешкомъ находимъ svekra и svekrev, и если русскій языкъ не успѣлъ изъ свекровь образовать свекрова, по образу церква, то нарѣчіе сербо-хорватское давно уже забыло и вторичную форму, замѣнивъ ее позднѣйшею свекрва.

(18) Zeitschr. fur vergl. Sprachf. 6, 13; 7, 188; 11, 164.

(19) Описаніе семи рукоп. Император. Публич. Библіот., Москва, 1859, стр. 89.

(20) Ross: Italiker und Graken, Halle, 1858, стр. 15 прим.

(21) Si scr džâra huc spectat, slavi a germanis vocabulum hoc sunt mutuati. Lexic. palaeosl., стр 324, подъ словомъ куръва. Džara (=ǵara) значитъ прелюбодѣй и, очевидно, происходитъ отъ ǵâ, ǵaja, женщина вообще. Если ǵ, образовавшееся изъ первобытнаго g, и соотвѣтствуетъ въ германскомъ звуку h, то никогда не замѣняется посредствомъ к въ славянскомъ; объяснять же послѣднее родствомъ съ германскимъ h черезъ заимствованіе слова мы не въ правѣ уже по одному тому, что существ. коуръва распространено у всѣхъ Славянъ и, слѣдовательно, на столько же должно считаться кореннымъ и самобытнымъ славянскимъ, на сколько hure нѣмецкимъ. Вопросъ можетъ касаться первобытнаго родства, а не заимствованія; если же такъ, то и въ основѣ нѣмецкаго h должно искать такой звукъ, который-бы равнялся славянскому к, а такимъ есть к, равный санскрит. ç.

(22) Павскій, въ своихъ филолог. наблюденіяхъ, 2, 96—100, разсматривалъ окончаніе ха не раздѣльно отъ предыдущихъ образовательныхъ гласныхъ (аха, яха, оха, еха, уха, юха, иха); но если и допустить, что каждая изъ гласныхъ придаетъ особый оттѣнокъ въ значеніи, то все таки ха имѣетъ свой общій смыслъ, принадлежащій одинаково всѣмъ сочетаніямъ и только различно оттѣняемый различными образовательными гласными. Слѣдующее мѣсто: «странно, что наше производственное иха усвоено только женщинамъ низшаго состоянія и самкамъ маловажныхъ животныхъ» обнаруживаетъ вполнѣ односторонній взглядъ автора на языкъ письменный и образованнаго класса по отношенію къ народному: свобода перваго располагать объемомъ и составомъ послѣдняго вовсе не даетъ права дѣлать изъ языка письменнаго норму и непременно подчинять ей языкъ народный. Мы видѣли, что окончаніе ха въ говорѣ простонародномъ прилагается къ женщинамъ рѣшительно всѣхъ состояній, — и такая общность должна служить исходною точною при опредѣленіи даннаго явленія, а не случайный и прихотливый выборъ такъ называемаго образованнаго класса.

(23) См. Lexicon palaeoslov. Miklos., подъ словомъ тьсть.

(24) Porządek sądów i spraw miejskich prawa Magdeburgk., стр. 132. Срав. Słownik Lindego.

(25) См. его Slovnik česko-německý.

(26) Schleicher: Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr., стр. 98.

(27) Bopp, Glossar. Sanscr., подъ словомъ takš.

(28) Срв. Буслаева историч. грам. рус. языка, 1, § 55, стр. 108—109.

(29) Предполагая посильное объясненіе происхожденія названій тесть и теща, упомянемъ о пропзводствѣ ихъ г. Микуцкимъ. Онъ сближаетъ слово тесть съ литов. выраженіемъ ôszwis, предполагая въ немъ начальный звукъ t потерянным (собственно tôszwis). Это же t какъ въ славянскомъ языкѣ, такъ и въ предполагаемой формѣ литовскаго замѣняетъ коренное d, которое является въ скр глаголѣ daç, съ значеніемъ дать. См. отчетъ 4-й, стр. 23. Но замѣтимъ прежде всего, что то daç, которое разумѣетъ г. Микуцкій, имѣетъ долгое a, которое удерживается обыкновенно и въ славян. языкѣ и не замѣняется посредствомъ глухихъ гласныхъ, какъ a короткое. Кромѣ того, указанное значеніе слишкомъ обще; гораздо чаще является глаголъ daç въ смыслѣ бить, поражать, убивать. Не удивительно, что отъ него и нѣтъ ни одного пропзводнаго, которое бы заключало въ себѣ понятіе о какомъ либо родствѣ; значительнѣйшая часть производныхъ употребляется въ смыслѣ разбоя, разбойника. Не зависимо отъ всего этого, нельзя не пожелать уясненія причины и перехода d въ m (=t), особенно въ началѣ слова.

(30) Но въ доисторическую еще пору эту тему на и (=i) языкъ славянскій началъ смѣшивать въ склоненіи съ темою ja, перешедшею у Славанъ также въ ь, или послѣ гласныхъ въ и; такъ: кънязь (изъ кънагјъ), шоуи (=скр. savja) и др. Одно существ. пѫть выдержало въ ст. слав. нарѣчіи формы склоненія на тему и (=i) въ большей цѣлости, хотятак же не безъ исключеній; другія слова обнаруживаютъ въ рукописяхъ лишь обмолвки въ пользу этого склоненія, какъ особеннаго отъ темы ja; напр., родит. затѣ (тожественный съ скр. на ês: krmês), дател. затн, тьстн (см. Miklos Formenl. d. altsloven. Spr., стр. 8—9). Нынѣшнія нарѣчія слили уже обѣ темы въ одну, подвергая одинаковому измѣненію въ склоненіи слова зять и мужь, и только слово путь до сихъ поръ держится какимъ-то особнякомъ, сближаясь въ склоненіи то съ словами муж. рода на ь, то женскаго на ь. Но какъ бы ни утожествились оба склоненія, форма именит. падежа такихъ словъ, какъ путь, тесть, зять и др., будетъ всегда указывать на тему и, потому что въ этомъ только случаѣ конечныя согласныя могутъ оставаться безъ соотвѣтствующаго смягченія. Въ противномъ случаѣ, когда бы и въ нихъ окончаніе ь утожествилось ь-рю въ словахъ мѫжь, кънязь и др., т. е. вмѣсто основнаго и приняли бы они ja, то должны бы образоваться формы зашть, тьшть, пѫшть, въ слѣдствіе извѣстнаго вліянія йотацизма, какъ въ кънязь, вм. кънагь, въ божь, вм. богь.

(31) Лаврент. лѣтоп., стр. 164, подъ 1180 годомъ.

(32) Спб., 1853, стр. 247.

(33) Выраженія плънац — плъница (= пунац — пуница) по звуковой сторонѣ ближе всего стоятъ къ прилагательному плънъ (= серб. хорват. пун). Но какъ вяжется значеніе это съ понятіемъ о тестѣ и тещѣ? Происхожденіе и этихъ названій едва ли не слѣдуетъ отнести къ древнѣйшимъ остаткамъ языка, на равнѣ съ другими родственными терминами; а ежели такъ, то не заключалась ли и въ корнѣ прилагательнаго плънъ какая либо еще идея (кромѣ обилія, полноты), которая, быть можетъ, съ теченіемъ времени совершенно изгладилась, будучи вытѣснена новѣйшимъ и ограниченно узкимъ значеніемъ? Корень прилагат. плънъ соотвѣтствуетъ въ санскритѣ pṛ, pâr и pûr. Во всѣхъ этихъ формахъ одного и того же глагольнаго корня, кромѣ значенія implere, извѣстно не меньше и значеніе satiare, sustentare, servare, т. е. то самое, какое развилось изъ терминовъ для отца и матери. Далѣе этой догадки идти мы себѣ не позволяемъ.

(34) Какъ ни рѣдокъ этотъ переходъ d въ l, но относительно латинскаго языка примѣровъ такъ достаточно, что сомнѣніе въ родствѣ levir съ скр. dêvar едва ли будетъ основательно. Припомнимъ при этомъ латин. lacrima, соотвѣтствующее греч. δάκρυ, готск. tagrs, скр. daçru; Ulysses, греч. Ὀδυσσεύς; lingua и sella равныя древне-латинскимъ dingua и sedda; ole о вмѣсто odeo. Сюда относятъ и lignum, греч. λιγνύς, сопоставляемыя съ скр. dah (urere, жечь). Соотношеніе между d и l замѣтно и въ meditare, греч. μελετᾶν. По всеобщему родству звука l съ звукомъ r, не слѣдуетъ пропускать замѣну послѣднимъ того же d, какъ: arbiter, вм. adbiter, meridies вм. medidies. Гораздо необыкновеннѣе это явленіе въ другихъ родственныхъ языкахъ. Сюда, б м., должно отнести переходъ двойнаго d въ двойное l въ древне-верхнѣмецкомъ: vaddjus — vall (-vallum). Тутъ же умѣстно поставить и готск. silubr, слав. срѣбро, лит. sidabras. Нельзя не сравнить по поводу перехода d въ l и сложнаго санскр. слова sumṛîlîka (виновникъ радости), составленнаго изъ кр. mṛd, частицы su и окончаніе îka. Тоже слово, съ тѣмъ же значеніемъ въ Сама Ведѣ является въ формѣ sumridika. См. Regnier, Etude sur l'idiome des Vedas. Paris, 1855, стр. 188.

(35) Гортанный звукъ въ германскомъ едва ли даетъ право, при вниманіи къ отсутствію его во всѣхъ остальныхъ языкахъ, признавать его необходимость въ первобытномъ корнѣ, какъ, кажется, принимаетъ Миклошичъ, основываясь на изслѣдованіи въ Zeitshrift für vergleich. Sprachf. 7, 172 (см. Lexicon pal. slov., подъ словомъ дѣверь). Справедливѣе, думаемъ, видѣть въ подставляемой имъ основной германской формѣ daigvar звукъ g явившимся уже на почвѣ исключительно германской, что принимается и другими изслѣдователями: der guttural im deutschen erklart sich aus einem vordeutschen aus v entstandenen gv. Grundform daivar

(Ueber die Prosodie im griechisch. Rhein. mus. 1845, 253). Тоже повторено Курціемъ и въ его Grundzüge de griech. Etym., 1, 197.

(36) Lassen, Indis. Alterth. 1, 813.

(37) Такое производство представилъ въ 1835 году Макаровъ. См. Телескопъ, т. 30-й, смѣсь, стр. 370—373.

(38) Не забудемъ, что въ пѣсняхъ сербскихъ и деверь часто не разлученъ съ вѣнцемъ невѣсты: док. ђевер дође, венац донесе,

ђевер ће доћи, венац донети.

Или въ слѣдующихъ словахъ, которыми невѣста отвѣчаетъ матери на призывъ ея возвратиться изъ-подъ вѣнца, — что теперь уже поздно, слѣдовало бы звать прежде:

док нисам стала уз милог кума,
уз милог кума и уз девера;
дрк није био прстен на руци,
прстен на руци, венац на глави. Карадж. Пјесме, 1, 156

(39) Указываю на замѣчательную статью: Bugarski narodni običaji, помѣщенную въ Archiv za povjestnicu jugoslavensku, 1865, кн. 8, стр. 272, примѣч. Здѣсь собраны всѣ частности деверевой должности.

(40) Авторъ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи хорватской статьи дѣйствительно, подъ вліяніемъ столь непрерывнаго занятія деверя невѣстой — дѣвицей, смѣло ставитъ и самый терминъ въ родственную связь съ дѣвой: rieč djever proizlazi od djeve; djever čovjek, koji se zanima oko djeve. Тамъ же, стр. 271, прим. Но авторъ увлекся односторонностью взгляда; деверь остается деверемъ и тогда, когда дѣвица — невѣста становится женщиной, женой брата. Если даже и допустить существованіе подобной же обрядности, съ тѣмъ же характеромъ въ ней деверя, и въ эпоху нераздѣльной жизни народовъ индо-европейскихъ, отъ которой, очевидно, идетъ общее у нихъ названіе, что, впрочемъ очень сомнительно; то и въ такомъ случаѣ не легко согласиться, чтобы кратковременная и случайная роль была основаніемъ вѣковѣчнаго названія, исключительно обращеннаго на одно лице брата мужа.

(41) Mythologie comparée, стр. 42; Les origin. indoeurop. 2,374.

(42) Такимъ образомъ объясняетъ г. Миллеръ названія nandinî, dêvar и даже jâtar. См. опытъ историч. обозр. рус. словесности, Спб., 1866, 126. Очевидно, онъ исходитъ отъ браковъ посредствомъ уводовъ, кражи дѣвицы, какъ изображается этотъ бракъ въ древнихъ свидѣтельствахъ славянской исторіи и отчасти въ современныхъ обычаяхъ народныхъ. Но упомянутыя названія такъ древни, что невольно пожелаешь для подтвержденія ихъ такимъ путемъ и болѣе древнихъ свидѣтельствъ о характерѣ самаго брака. Не есть-ли уводъ, кража, похищеніе уже позднѣйшее явленіе? По крайней мѣрѣ, въ названіяхъ родства нѣтъ ни малѣйшаго положительнаго намека. Не неумѣстенъ и слѣд. вопросъ: почему же именно идея радости пріурочена исключительно лишь брату и сестрѣ мужа, а не другимъ родственникамъ?

(43) Диффенбахъ, 1, 125—126.

(44) Противъ сближенія слова деверь съ скр. dêv можно возразить указаніемъ на господствующее правописаніе черезъ е послѣ d, тогда какъ согласно съ скр. dêvar слѣдовало-бы ожидать непремѣнно ѣ, которое и находится въ существ. дѣва. Но вина въ этомъ лежитъ на шаткости отечественнаго правописанія. Что и въ славян. языкѣ въ разсматриваемомъ словѣ долженъ быть двоегласный ѣ доказывается смягченіемъ д въ польскомъ нарѣчіи: dzievierz и юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ произношеніемъ Сербовъ: ђевер и дивер. Нѣсколько случаевъ употребленія этого выраженія въ памятникахъ церковно-славянскихъ, отмѣченныхъ Миклошичемъ, говорятъ также въ пользу ѣ; въ словарѣ Востокова слово деверь пропущено.

(45) Такъ, напр., въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Zołwicei bratove u jednego stołu,
i swiekry i niewistki jadają pospołu. Издан. Бобровича, Лейпцигъ, 1837, стр. 51. Срв. Slovnik Юнгмана, подъ словомъ zelwa.

(46) Etymol. Forsch., 1, 131.

(47) Grundzuge d. griech. Etymol. 1, 143.

(48) Впрочемъ, Пикте не отказался отъ предположенія основнаго смысла, не выходя, однако же, изъ предѣловъ греко-латино-славянскаго языка, сопоставляя γάλως, а слѣдовательно и славянскую золовку, съ прилагательными γαλερός, γαληνός, ясный, свѣтлый, съ глаголомъ ἀγάλλω, украшать, и съ существительнымъ γλῆνος, украшеніе, звѣзда, γλήνη, молодая дочка, и указывая на славянское слово злъчь (жолчь), объясненное имъ посредствомъ прилагательнаго splendida: sela conduirait à la notion de lumière et de beauté, et à une signification analogue à celle de belle-soeur. Les orig. indoeurop. 2,375. Но предположеніе и останется предположеніемъ, пока не подтвердится научными доводами. Укажемъ и на толкованіе въ Zeitschrift fur vergl. Sprachforsch. 4, 399.

(49) О Русскомъ полногласіи, Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н., 5-й вып. 7-го тома.

(50) Ср. Bopp, Glossar., подъ словомъ guru.

(51) О рус. полногласіи, тамъ-же.

(52) Нарѣчія чешское и польское (zołwa, zelva), можно-бы думать, уже развили свои формы изъ старо-славянской, путемъ позднѣйшей замѣны гласныхъ р̀—л̀ посредствомъ обычныхъ гласныхъ (о—е) съ согласными р—л, еслибы только чешское нарѣчіе, удержаніемъ гласнаго л по сіе время, подобно старославянскому, не говорило скорѣе въ пользу сохраненія гласнаго въ корнѣ санскритскомъ (gar-gur) и греческомъ (γαλ). Что касается формы золова, то едва-ли не обязана она двойственностью гласнаго о, передъ л и послѣ него, столь широко охватившему рус. языкъ свойству полногласія, образуя и золова кокъ-бы изъ злава, подобно другимъ случаямъ, какъ изъ корня тлък явилось толкъ, а черезъ тлачити — толочить, тлака — толока.

(53) Акты относящ. до юрид. быта, 1, № 63, стр. 440 (XV вѣка).

(54) Pictet, Les origin. indoeur. 2, 370.

(55) Ты-ли шуринъ дорогой
Проводи ее (невѣсту) ко мнѣ. Сахар., Сказанія Рус. Народа, 1, Пѣсн. свадеб, стр. 128. Или: Ахъ шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое. Тамъ же, стр. 137. При передачѣ сестры братомъ поется:
Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся.
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото. Тамъ-же стр. 162. На предложеніе сватовъ со стороны жениха отдать имъ невѣсту за деньги, братъ ея возражаетъ: я на те, сваты, не соглашаюсь; я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за три копійкы ддам? Не ддам! Народ. южно-русск. пѣсни. Метлин., стр. 166.
Родимый ты мой братецъ,
Куда ты меня обуваешь,
Куда ты меня снаряжаешь?
Обуваетъ меня, снаряжаетъ
Въ чужу дальнюю сторонушку,
Къ чужому отцу съ матерью,
Къ чужому роду племени. Сахар., тамъ-же, стр. 163.
Старшій братику! Одчыны воритця
До кинця —
Иде твоя сестриця
Одъ винця. Народ. южнорус. пѣсни, Метлин., 170.
Треба зятю, треба зятю
Сим день молотыты,
Щоб шурына, щоб шурына
З покутя зкупыты. Тамъ-же, стр. 194.

(56) Poslati, ђевере, ако хоћеш да ти дам оваку баницу. Караџ., Ковчежић, Беч, 1849, стр. 78. Срв. тамъ-же, 51.

(57) Напримѣръ: и на утріи преставися княгини ярославляя, свѣсть великого князя Всеволода. Лѣт. Переяслав., подъ 1201, стр. 105.

(58) Lexicon pal. slov., Miklos.

(59) Срв. Kolo, članci za literatura, umjetnost i narodni život, Zagreb, 1853, 9, 119, статья: kratak nauk o jugoslavenskom jeku. Sladović. Г. Гильфердингъ пріурочиваетъ слово свѣсть, вмѣстѣ съ невѣста, къ корню viç, входить. Согласиться съ этимъ не легко уже потому, что начальное с принадлежитъ корню; если же допустить въ немъ приставку и, разумѣется, съ характеромъ предлога съ, скр. sa, sam, въ такомъ случаѣ останется непонятнымъ значеніе свѣсти, которая никакъ не могла быть сожительницею мужа сестры, оставаясь въ своемъ родѣ —

семьѣ до тѣхъ поръ, пока не выходила за-мужъ въ иной родъ, чужой какъ для себя, такъ и для сестрина мужа. Матер. для словадя, лист. XX, стр. 211.

(60) Лаврент. лѣтоп. 78, подъ 1073 годомъ.

(61) Корнесловъ, 2, 48. Въ опроверженіе подобной догадки считаемъ достаточнымъ сказать слѣдующее: а) слова сватъ, сватать, безспорно, принадлежатъ одному корню съ сватьба, которое образовано помощью суффикса ба, подобно существ. гостьба, гридьба, крадьба и т. п. Но въ такомъ случаѣ т есть коренной звукъ, д же въ повѣйшемъ рус. правописаніи и произношеніи есть ни что иное, какъ замѣна отзвучнаго т соотвѣственнымъ звучнымъ д, въ силу вліянія послѣдующаго звучнаго б. Правда, современное русское правописаніе вообще не основывается на произношеніи, руководясь обыкновеннѣе этимологіей; но тамъ, гдѣ корень затемнился, гдѣ, какъ въ словѣ свадьба, и между учеными возникаетъ несогласіе въ происхожденіи его, выговоръ становится существеннымъ руководителемъ и для правописанія. Такъ, если мы выговариваемъ молодьба, а пишемъ все-таки молотьба, то этимъ обязаны очевидности происхожденія слова отъ молотить. Въ существит. свадьба корень не сознается больше, — и правописаніе подчинилось выговору. Тоже видимъ съ изба, гдѣ оба звука з и б употреблены вмѣсто отзвучныхъ с и п, сколько можно судить по старинному правописанію истопка. По этому-то, въ старослав. нарѣчіи и господствуетъ правописаніе сватьба, только изрѣдка, и то сравнительно въ позднихъ памятникахъ, смѣняясь посредствомъ — свадьба. б) Родство существит. сватьба съ словами сватъ, сватать опредѣляется правописаніемъ и произношеніемъ его у Сербовъ (боснійскихъ), которые знаютъ и пишутъ только сватба. в) Указаніе на названіе жены водимой едва-ли способно подтвердить производство словъ сватъ, сватьба отъ веду: ни одно нарѣчіе славянское ни въ древнемъ, ни въ новомъ видѣ не представляетъ ни одного термина для жены, близкаго къ слову сватъ, между тѣмъ какъ послѣднее извѣстно у всѣхъ Славянъ для обозначенія разныхъ степеней брачнаго родства. Притомъ нельзя опустить изъ виду и формы этого слова въ польскомъ и чешскомъ нарѣчіяхъ: и въ томъ и въ другомъ начальный звукъ с (въ сватъ, свѣсть) произносится весьма отчетливо, что было-бы странно, особенно въ устахъ Поляка, если бы слова эти происходили отъ веду, разумѣется, уже съ предлогомъ съ, съ незапамятныхъ временъ смѣнившимъ на зъ.

(62) Beiträge zur vergleich. Sprachforsch., 2, 267. Впрочемъ, взглядъ г. Новотнаго признанъ несостоятельнымъ тутъ-же редакторомъ Куномъ. Срв. примѣч.

(63) Напр., въ слѣд. словахъ, обращенныхъ Сатьяваномъ къ Савитри: purâ mâm ûćatus ćaj va râtrâs utthâja mâmakam. Bopp, Diluvium, стр. 38, стих. 2.

(64) Какъ въ Nal. и Damajant, Ворр, стр. 24, стих. 42; стр. 25; стих. 5.

(65) Срв. Lexicon pal. slov. Miklos. Въ сербской пѣсни читаемъ:

Е те жеља обузела
На банове, на ђедове
На те мудре родитеље
И на вељу својту твоју:
На синове, на стричеве
И на милу браћу твоју. Карадж., 1, № 150.

(66) Іа бих њсму своју секу дала,
Секу дала њега сваком звала. Тамъ-же, № 325.

(67) Издан. Бобровича, стр. 109.

(68) Описан. рукоп. Румянц. Муз., № 231, стр. 286.

(69) Срв. Pictet, de l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit, 1837, стр. 27.

(70) Лѣтоп. Переяслав., стр. 4, 99; Ипатьев., стр. 156, подъ 1202 годомъ.

(71) Уставъ Ярослава, Истор. Рус. церкви, Макарія, стр. 2, 357.

(72) Neven, 1852, стр. 318.

(73) См. статью Киркора въ Вѣстн. Географ. Общ., 1857, кн. 6.

(74) Срв. Ворр, Glossar., подъ словомъ jâtŕ.

(75) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 334—335; срв. тамъ-же, 375.

(76) «Извѣстно, что крестьяне, женивъ сыновей своихъ, принимаютъ молодую къ себѣ во дворъ, гдѣ она и живетъ съ мужемъ своимъ у свекора съ свекровью и въ кругу деверьевъ и золовокъ, если есть у мужа братья и сестры, и съ сношеницами, если братья мужа тоже женатые». Владимірск. Сборникъ Тихонравова, 1857, стр. 41. — Изъ сказаннаго о словѣ ятровь едва-ли не слѣдуетъ заключить объ ошибкѣ въ академическомъ словарѣ, объясняющемъ ятровь женою деверя или шурина. Ни въ древнемъ языкѣ русскомъ, ни въ остаткахъ употребленія этого слова въ современномъ говорѣ бѣлорусскомъ, ни въ сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ, гдѣ донынѣ живетъ оно въ полной силѣ, ни въ памятникахъ старо-славянскихъ, ни въ старо-чешскомъ и въ старо-польскомъ нарѣчіяхъ нѣтъ свидѣтельства, чтобы ятровью называлась жена и шурина.

(77) Объ употребленіи выраженій пашанац и пашеног у Сербовъ см. Словарь Караджича; paš, pašanac и pašenog у Хорватовъ — статью Вебера: ustroj našega jezika, въ Neven, 1856, стр. 215; тѣхъ же словъ у Хорутанъ — статью Клуна, въ рус. Бесѣдѣ, 1853, кн. 3, стр. 89.

(78) Напр., вянуть вм. вядпуть, глянуть вм. гляднуть и др. Срв. Историч. Граммат. Буслаева, 1, 79—80. Миклошичъ, въ своемъ старо-славян. лексиконѣ, подъ словомъ вѣно, указываетъ на сближеніе Курціемъ латин. venum съ скр. vasna, цѣна, отъ van, покупать; но и амъ не опустилъ случая замѣтить о сомнительности такого производства.

(79) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 333—334.

(80) Weber, Indisch. Stud. 5, 310.

(81) Pictet, тамъ-же, 337—338.

(82) Опытъ Историч. Обозрѣнія рус. словесности, Спб. 1866, 1, 126. Отчужденность родовъ высказалась и во взглядѣ народномъ на дочь, какъ на чужое добро, въ противоположность сыну, какъ умножающему, обогащающему свой родъ. Таковы русскія пословицы: дочь — чужое сокровище; холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай; сынъ въ домъ глядитъ, дочь изъ дому; сынъ глядитъ въ домъ, а дочь глядитъ вонъ.

(83) Чешскій терминъ snúbení мы принимаемъ за переводъ съ латинскаго (connubium); что же касается до лужицкаго kwas, то оно служитъ свидѣтельствомъ перехода отъ частнаго понятія къ общему.

(84) О миѳическ. вѣрованіи Славянъ въ облако и дождь. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., кн. 7, вып. 2.

(85) Ale pierwej pod ziemię śmiercią Aphar wzięty, nim wdomu swym niewiastki nadobne oglądał. Szymonowicz, изд. Бобровича, стр. 32—33.

(86) Привожу по примѣру на каждое выраженіе: приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича (Ипат. лѣт., стр. 86, подъ 1159 годомъ); на ту же осень посла отець Мьстислава противу мачесѣ (тамъ-же, стр. 73, подъ 1153 годъ); явися знаменье... надъ гробомъ княгининомъ... юже уби свой пасынокъ (Новгород. первая, стр. 54).

(87) Баронъ Розенкампфъ, Кормчая, 1, 111, прим. 44.

(88) Стр. 78; срв. Лѣтоп. Переяслав., стр. 72, подъ 1155 годомъ.

(89) Объ отношеніи слав. выраженія врьвь къ подобно-звучнымъ словамъ въ родственныхъ языкахъ см. Мысли объ исторіи рус. языка, Срезневскаго. Спб. 1850, стр. 135—136.

(90) Geschichte Polens v. Roeppell, 1, 615, 2-е приложеніе.

(91) Szajnocha, Szkice historyczne, Lwów, 2, 272.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕННЫХЪ СЛОВЪ.

Родъ, 51—53.
Родичь, родникъ, родимецъ, родственникъ, 52.
Народъ, 51.
Инородецъ, 53.
Племя, 50 51, 107, прим. 105.
Племичь, 52.
Племянникъ, племянница, 46, 50—54, 97.
Ближникъ, ужикъ, 93.
Родители:
Отецъ, 10.
Тятя, 11.
Батя, 13.
Папа, 14—15.
Нанъ, 16, 33.
Отчимъ, 92.
Мать, 17.
Мама, 17.
Нана, неня, няня, 16, 33.
Мамка, 18.
Мачиха, 92.
Мачешичь, 93.
Дѣти:
Дитя, дѣти, 20—22.
Ребенокъ, 22—23.
Чадо, 22.
Сынъ, 24, 118, прим. 82.
Сыновецъ, 38, 44, 54.
Сыновица, 38, 44, 46.
Сынова, 60.
Пасынокъ, 25.
Сноха, Сынаха, 55, 58—60, 109, пр. 76.
Дочь, 25, 118, прим. 82.
Дщеричь, 41.
Дщерша, 92.
Братъ — сестра:
Братъ, 13, 27.
Братана, 38, 44, 46, 97.
Братаниха, 44.
Братаничь, 38, 44, 54, 97.
Братаничьна, 44.
Братучадо, 38, 44.
Братучадье, 38, 44.
Сестра, 29, 30, 61.
Сестрія, 46.
Сестричь, 40—41, 46—49, 54.
Сестричьна, 41, 45.
Сестреничь, 40.
Сестреница, 41, 46, 47.
Сестричичь, 45—47, 97.
Сестричичьна, 97.
Сестричадо, 41.
Дядя—тетка:
Дядя, 36, 46, 50, 54.
Дядина, 37.
Дѣдъ, 32—33, 105, прим. 74.
Прадѣдъ, 34.
Тета, 12, 14, 36, 46, 97.
Тетка, 97.
Тетакъ, тетацъ, 12, 37.
Баба, 14, 33.
Прабаба, 34.
Уй, вуй, 40, 45—46, 54 97.
Уйка, вуйка, 40, 46, 97.
Уйчичь, 42, 45.
Уйчишна, 42.

Уйчичичь, Уйчичишна, 42.
Стрый, 38, 43, 46, 54, 79, 97.
Стрыйко, 43.
Стрыйецъ, 38.
Стрыя, стрыня, 38, 43—44, 46, 97.
Стрычна, 39, 106, прим. 81.
Стрычичь, стрыйчичь, 39, 45—46.
Стрычичичь, 40.
Стрыничичичь, 40.
Нетій, 46, 47.
Внукъ, внука, 31—32.
Правнукъ, 34.
Бракъ, 87—88.
Обрученіе, свадьба, веседье, спятекъ, свадебные годы, 89.
Мужъ, 3—6, 28.
Жена, 7.
Супругъ, супруга, 6.
Свекоръ, 61—65, 109, прим. 16.
Свекровь, 61—65, 109, прим. 17.
Шурипъ, 77—78, 115, прим. 55.
Щуръ, 105, прим. 72.
Пращуръ, 34, 35, 105, прим. 71.
Тесть, Теща, 61, 65—69, 111, прим. 29.
Пунацъ, Пуница, 69—70, 112, прим. 33.
Свойта, 117, прим. 65.
Свонть, Своять, Своякъ — свакъ, Своякиня — свака, Сватъ — сватья, Свойственникъ, 81—84, 116, пр. 61.
Свѣсть, 78—80, 115, прим. 59.
Зять, 55—58, 107, прим. 7.
Женихъ, женищина, 91—92.
Паш, пашанац, пашеног, 86—87, 117.
Деверь, 70—73, 112, 113, 114.
Золовка, 73—77, 114, прим. 48, 52.
Ятровь, 84—86.
Невѣста, 90, 115, прим. 59.
Вѣно, 117, прим. 78.
Вервь, 93, 98—99, 118.
Околина, 94, 99.
Ополье, 94—99.

